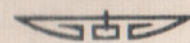

20коп.

Э. Р. ТЕНИШЕВ

САЛАРСКИЙ ЯЗЫК

изд

ЯЗЫКИ
ЗАРУБЕЖНОГО
ВОСТОКА
И
АФРИКИ

*Под общей редакцией
проф. Т. П. Сердюченко*

Э. Р. ТЕНИШЕВ

САЛАРСКИЙ
ЯЗЫК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва

1 9 6 3

Эдгем Рахимович Тенишев
САЛАРСКИЙ ЯЗЫК

Утверждено к печати Институтом народов Азии Академии наук СССР

Редактор Г. А. Давыдова
Технический редактор Л. Т. Михлина
Корректоры М. Н. Гарбер и М. А. Столбова

Сдано в набор 8/II 1963 г. Подписано к печати 12/VII 1963 г. А-06712 Формат 60×90^{1/4}
Печ. л. 3,5. Уч.-изд. л. 2,97. Тираж 1700 экз. Зак. 219 Цена 20 коп.

Издательство восточной литературы Москва, Центр, Армянский пер., 2

Типография Издательства восточной литературы
Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемая читателю работа Э. Р. Тенишева «Саларский язык» входит в серию очерков о языках зарубежного Востока и Африки, публикуемых Институтом народов Азии Академии наук СССР.

Отдельные очерки посвящены характеристике языковых групп, как например, «Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала», «Иранские языки», «Языки Юго-Восточной Азии», «Монгольские языки и диалекты Китая», «Языки Африки», «Арабские диалекты Магриба» и др.

В большей части очерков, как и в данном, описываются конкретные языки различных стран Азии и Африки: арабский, амхарский, турецкий, уйгурский, монгольский, персидский, пушту (афганский), фарси-кабули, белуджский, курдский, хинди, урду, маратхи, ассамский, телугу, тамильский, малаялам, китайский, чжуанский, тибетский, тайский (сиамский), бирманский, вьетнамский, кхмерский, индонезийский, тагальский (на Филиппинах), японский, корейский, зулу, суахили, луганда, хауса и ряд других, а также языки прошлого, сыгравшие большую культурно-историческую роль в жизни народов Востока: египетский, санскрит, пали, авестийский, среднеперсидский, древнеуйгурский и др.

Конечно, в построении каждого очерка имеются свои особенности и отступления от общей схемы, объясняемые спецификой описываемого языка и степенью его изученности. Очерки, в которых дается описание языковых групп, композиционно и по объему материала несколько отличаются от очерков, посвященных конкретным языкам.

Очерки предназначены для широкого круга языковедов и историков — научных работников и аспирантов, преподавате-

лей и студентов восточных, филологических и исторических факультетов высших учебных заведений.

Учитывая возможное переиздание и тематическое расширение очерков, редакция обращается к читателям с просьбой присылать свои пожелания и замечания по адресу: Москва, Армянский пер., 2, Издательство восточной литературы, редакция серии «Языки зарубежного Востока и Африки».

ВВЕДЕНИЕ

Салары — одна из тюркоязычных народностей КНР. Наиболее компактно салары населяют высокогорную местность на южном берегу р. Хуанхэ в провинции Цинхай. В феврале 1954 г. здесь был организован Саларский автономный уезд Сюнь-хуа. Кроме уезда Сюнь-хуа салары живут в некоторых других районах провинции Цинхай, а также в соседней провинции Ганьсу и на северо-западе Синьцзян-Уйгурского автономного района. Всего саларов более 30 тыс. (по сведениям 1958 г.).

Наука располагает крайне скудными сведениями по истории саларов. Но несомненно, что истоки саларской народности восходят к племени салгур, которое известный средневековый филолог Махмуд Кашгарский (XI в.) относил к одному из огузских племен¹. Позже это племя называлось салур или салор. О нем, как об огузском племени, говорят историки Рашид ад-Дин (XIV в.)² и Абу-л-Гази (XVII в.)³. Часть этого племени растворилась в турецком населении Восточной Анатолии (по данным топонимики), другая — слилась с туркменами. У туркмен СССР, живущих в Мары и Серахсе, до сих пор сохранилось родовое подразделение салор или салыр. Еще одна часть саларов осела в районе Самарканда в соседстве с кыпчакскими племенами.

У саларов широко бытуют предания о том, что их предки в конце XIV в. из района Самарканда перекочевали в Китай и поселились на берегах р. Хуанхэ, около Сюнь-хуа-тина. Этот исторический факт отразился не только в легендах, но и в народных обычаях саларов.

На новом месте салары оказались в окружении китайского и тибетского населения. В течение веков язык и мусуль-

¹ Besim Atalay, *Divanü lûgat-it-türk tercümesi*, I, Ankara, 1939, s. 56; III, Ankara, 1940, s. 141, 414.

² Рашид ад-Дин, *Сборник летописей*, М.—Л., 1952, стр. 89, 93.

³ А. Н. Кононов, *Родословная туркмен, Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского*, М.—Л., 1958, стр. 22, 93, 97, 108.

манская культура саларов испытывали китайское и тибетское влияния.

Так сложилась саларская народность в современном ее виде.

Саларский язык входит в семью тюркских языков. Сравнительно с другими языками этой семьи он пока менее всего известен. В конце прошлого века небольшой материал по языку и этнографии саларов собрали Г. Н. Потанин⁴, Ф. Поляков и В. Ладыгин⁵, В. В. Рокхил⁶.

По записям Г. Н. Потанина, уже в наше время, появилась статья по саларской фонетике Н. Н. Поппе⁷.

Первым из тюркологов саларов посетил С. Е. Малов в 1910 г. и записал их пословицы, поговорки, песни⁸. Летом 1957 г. в Сюнь-хуа ездил автор данной работы и вел записи в различных местах автономного уезда⁹. (На основании этих материалов составлен настоящий очерк.) В 1960 г. у живущих в Пекине саларов венгерский тюрколог С. Какук записала образцы фольклора¹⁰.

Изучение саларского языка в Китае сосредоточено в Институте национальностей Академии наук КНР.

Язык саларов имеет два диалекта: жителей селения Гэйцзы (с чиншуйским говором) и населения горного района Мынта. Первый охватывает западные районы уезда, второй — восточные. Большая часть саларов говорит на гэйцзинском диалекте. Поэтому мы считаем, что на первых порах целесообразнее описать именно этот диалект. Различия между саларскими диалектами невелики — они проявляются главным образом в фонетике и лексике. У салар сохранились книги вероучительного и исторического содержания на арабской графике. Эти книги написаны на языке, близком к среднеазиатско-тюркскому письменному языку, спаянному с местными, чисто саларскими элементами.

⁴ Г. Н. Потанин, *Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия*, СПб., 1893, т. I, стр. 173—174, т. II—426—434.

⁵ Ф. Поляков, В. Ладыгин, *Салары*, — «Этнографическое обозрение», кн. XVI, № 1, 1893, стр. 32—36.

⁶ W. W. Rockhill, *Diary of a journey through Mongolia and Tibet in 1891 and 1892*, Washington, 1894, pp. 373—376.

⁷ Н. Поппе, *Remarks on the salar language*, — «Harvard Journal of Asiatic studies» vol. 16, 1953, N 3—4, pp. 438—477.

⁸ С. Е. Малов, *Отчет о поездке к уйгурам и саларам*, — «Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии», серия II, № 1, СПб., 1912, стр. 98.

⁹ Э. Р. Тенишев, *Отчет о поездке к уйгурам, саларам и сарыг-югурам*, — «Известия АН СССР, ОЛЯ», т. XX, вып. 2, М.—Л., 1961, стр. 182—183.

¹⁰ S. Kakuk, *Textes salars*, — «Acta orientalia», t. XIII, fasc. 1—2, Budapest, 1961, pp. 95—117.

Салары в массе своей владеют китайским языком, многие тибетским (северо-амдоский говор). Салары пользуются китайским языком на правах официального языка. На нем преподают в школах, ведется радиовещание, осуществляется административная жизнь.

В истории развития саларского языка предварительно можно наметить следующие периоды.

XI—XII вв. Памятников собственно саларских нет. Некоторые сведения о саларском языке дают косвенные источники: Махмуд Кашгарский, который в своем «Диване тюркских языков» среди огузских племен называет племя «салгур» (> салур > салар) и говорит о языке огузов; памятник «Китаби дедем Коркуд» с чисто огузским литературным языком, датированный по историческим основаниям XV—XVI вв., но по языку, приближающийся ко времени Махмуда Кашгарского.

XIII—XIV вв. Памятники этого периода, не будучи собственно саларскими, относятся к огузо-кыпчакскому кругу со смешанным, как и у саларов, языком. Поэтому к истории саларского языка они имеют прямое отношение. Из этих памятников следует назвать среднеазиатский «тефсир» (толкование Корана), «Нахджу-л-фарadis», «Кисса-и Юсуф» Али, «Юсуф Зулейха», «Мухаббат-намэ», «Огуз-намэ» Ахсан-шейха и др.

XV—XVIII вв. К этому периоду относятся рукописные книги на старссаларском языке — «Ибадат», «Кисса-и Курбан абдэс», «История саларов» и др.

XVIII—XX вв. Современный саларский язык с системой сильных глухих придыхательных и слабых непридыхательных согласных, а также обилием китайских и тибетских слов в словаре. Язык предшествующих периодов малопонятен даже получившим мусульманское образование саларам.

ФОНЕТИКА

ГЛАСНЫЕ

В современном саларском языке насчитывается восемь гласных фонем: [a], [e], [y], [i], [o], [ö], [u], [ü].

Для этих фонем характерны следующие особенности:

[a] — заднего ряда, негубной, широкий: *ana* 'девушка', *arcy* 'следующий', 'другой'. В начальных слогах эта фонема может произноситься иногда как краткий *ä*, или как полуширокий *e*, или как узкий *y*: *päsquče* 'давящий', *jeç* 'масло', *suxtaçu* 'посторожу-ка!';

[e] — переднего ряда, негубной, широкий: *neçe* 'зачем',

termen 'мельница'. В ударных слогах произносится как широкий *ä*: *istär* 'ища', *nemä* 'пища', *kelsä* 'если придет';

[y] — заднего ряда, негубной, узкий: *suxyr* 'бык', *o'tyr* 'сяды'. После смягченных согласных у этой фонемы появляется передний оттенок и она произносится почти как *i*: *jafil* 'зеленый', *jaxfi* 'хороший', *jil* 'год';

[i] — переднего ряда, негубной, узкий: *ini* 'брат' (младший), *kiz'i* 'маленький'. В непервых слогах произносится с задней артикуляцией, почти как у: *ezy* 'он сам'. В ограниченном круге слов артикулируется с оглушением (краткий *i* с призвук *f*): *i'ki* 'два', *piti* 'пиши'.

[o] — заднего ряда, губной, широкий. Встречается главным образом в первом слоге: *qonax* 'кукуруза', *sor* 'спроси'. В слабоударяемой позиции возникает узкий звук, близкий к *u*: *surcy* 'спросил', *vuli-ju* 'стану-ка я'.

[ö] — переднего ряда, губной, широкий. Встречается только в первых слогах саларских слов. Иногда близок к *ö*, иногда к *o*: *ödmis* 'бросил', *töje* 'верблюд', но *oj* 'дом', *toj* 'бей!'. Саларский [ö] напоминает соответствующий гласный кыпчакских языков (казахского, каракалпакского, ногайского).

[u] — заднего ряда, губной, узкий: *utty* 'большой', 'великий', *puv* 'туловище'.

[ü] — переднего ряда, губной, узкий.

Сказанное о фонеме [ö] относится и к [ü]. Гласный *ü*, как и в языках кыпчакского типа, — средний между *ü* и *u*, иногда произносится как *ü*, иногда — почти как *u*: *jüz* 'лицо', *käprax* 'грудь', но: *temir* 'железо', *jigu-isku* 'еда и питье'.

Вокализм саларского слова чрезвычайно переменчив, подвержен колебаниям, поэтому почти каждое слово имеет несколько дублетов. Причины этого — влияние иноязычной среды при отсутствии длительной и устойчивой письменной традиции родного языка.

ГАРМОНИЯ ГЛАСНЫХ

Небная гармония состоит в том, что после основы с небными гласными следуют аффиксы с гласными того же ряда. Если основа содержит гласные небного (заднего) ряда, то в формантах могут быть только небные гласные:

tisler 'зубы', *elim* 'моя кисть (руки)', *i'jinnigi* 'принадлежащее моей матери', *çanu* 'чай', *arava* 'твоему отцу', *paştan* 'из головы'.

В формах от основ с разнородными гласными вокализм аффиксов определяется по гласному последнего слога: *Çeçaça* 'в Чегу', *azeni* 'старшую сестру'.

Небная гармония в саларском языке соблюдается далеко не всегда, она подвержена сильным колебаниям. Ср. *ifina* 'внутри-его', *ifinden* 'изнутри-его' и *ifinda* 'внутри-его'; *ezy* 'он сам' и *ezyler* 'они сами'.

При образовании множественного числа от основ с гласным *a* в конечном открытом слоге звук *a* деформируется и звучит почти как передний *e*. За ним следует аффикс *-ler*, придающий слову целиком «неправильный» (с точки зрения гармонии гласных) вид: *paleler* 'дети' от *pata*; *kakeler* 'старшие братья' от *kaka*; *aneler* 'девочки' от *ana*.

Остается добавить, что небная гармония сильно нарушена и в самых основах: *kijyh* 'дикая коза', *i'ku* 'два' наряду с *i'ke*.

Губная гармония заключается в том, что после губных гласных основы гласные аффиксов, присоединяющихся к ней, должны быть губными — переднего или заднего ряда в зависимости от гласных основы.

В саларском языке это правило выдерживается только для звуков *y*, *i*, следующих за узкими губными: *suviu* (или *suiv*) 'твоя вода' (а не *suvu*), *kujuu* 'твой муж' (а не *kujuv*), *jüzüm* 'мое лицо' (а не *jüzim*).

После широких губных не лабиализуются ни узкие, ни широкие гласные: *qotum* 'моя рука', *köziu* 'твой глаз', *otar* 'сыновья'.

В конечном открытом слоге, независимо от качества гласных начального слога, гласные никогда не огубляются: *pu'e* 'волк', *kusli* 'сильный' *t'özi* 'лягнул'.

Сравнительно с языками огузской и кыпчакской групп в саларском языке гармония гласных действует намного слабее и по небному и по губному рядам. Гармония гласных в саларском языке по своему характеру близка к аналогичным явлениям в языке сарыг югуров.

СОГЛАСНЫЕ

В саларском языке к согласным фонемам относятся следующие звуки.

ШУМНЫЕ

Смычные

p — губно-губной слабый глухой, иногда озвончается (*p*)¹¹, но больше тяготеет к глухому; звонкий *b* — вариант этой фо-

¹¹ Знаком *v* под буквой передается озвончение, знаком *v* над буквой — оглушение.

немы¹²: *purmax* 'палец', *pat* 'утка', *putax* 'ветвь', *paba* 'де-душка';

p' — губно-губной сильный глухой, произносимый с заметной аспирацией¹³: *p'at* 'тони!', *p'uzu* (кит.) 'магазин';

t — переднеязычный слабый глухой, слегка озвончается, но большей частью остается глухим звуком; звонкий *d* — вариант этой фонемы: *turnax* 'ноготь', *todux* 'губы', *at* 'имя', *ti* 'скажи!';

t' — переднеязычный сильный глухой аспираторный: *t'am* 'пресный', *t'aʒan* 'поджаренная мука', *a't* 'конь', *e't* 'делай!', *je't* 'достигай!';

k — заднеязычный слабый глухой, слегка озвончающийся (*k*); звонкий *g* — вариант этой фонемы: *kun* 'день', *ka'č'a* (тиб.) 'слово', 'речь', *minigi* 'мой';

k' — заднеязычный сильный глухой аспираторный: *k'omur* 'мост', *k'imi* 'лодка', *k'op* 'много';

q — увулярный слабый глухой с легким озвончением; звонкий щелевой *ɣ* — вариант этой фонемы, встречающийся в окружении небных гласных: *qatat* 'останемся!', *qutax* 'ухо', *qara* 'черный', *qurɣu* 'край';

q' — увулярный сильный глухой аспираторный, встречается в словах с гласными заднего ряда: *q'at* 'натяни (лук)!', *q'ottux* 'подмышки'.

Щелевые

f — губно-зубной глухой. Встречается как в собственно саларских словах, так и в словах, заимствованных из других языков: *arfa* 'ячмень', *fune* (кит.) 'дополнительные промыслы', *Afije* (араб.) — женское имя;

v — губно-зубной звонкий: *var* 'есть', 'имеется', *avi* 'сын', *tot* 'будь', *xiavɣav* (кит.) 'император';

h — заднеязычный глухой: *sahet* 'вещь', *irih* 'абрикос', *sat küräh* 'маленькое весло';

x — увулярный глухой: *uruxar* 'верхний', *soryx* 'вопрос', *ox* 'стрела';

j — среднеязычный, срединный: *kijin* 'невеста', 'жена', *aj* 'месяц';

s — переднеязычный глухой, спорадически озвончающийся; звонкий *z* — вариант этой фонемы: *pas* 'барс', 'тигр', *sovan* 'соха', *saqara* 'рычи!';

¹² См. Е. Д. Поливанов, Введение в языковедение для востоковедных вузов, М., 1928, стр. 102.

¹³ Там же, стр. 106—107.

ç — переднеязычный свистящий, чисто китайский звук, укоренившийся и в собственно саларских словах: *çinzo* (кит.) 'новое направление (в исламе)', *tuçi* (кит.) 'вещь', *jiçin* (кит.) 'одной душой'; *k'içi* 'человек', *t'iç* 'зуб', *eçex* 'ослик';

ʃ — переднеязычный сильно палатализованный звук. В окружении небных гласных или между гласной и сонантом смягчение усиливается и звук *ʃ* произносится как *ç*: *paʃ* 'голова', *jaʃa* 'говори', *iʃ'meh* (произносится *içmeh*) 'шуба'.

Аффрикаты

z — переднеязычный слабый глухой звук, произносимый саларами в китайских словах: *zav* (кит. нумератив) 'лист бумаги', *vaза* (кит.) 'кусочек черепицы'.

В исконно саларских словах звук *z* (= *t + š*) часто произносится вместо общетюркского *č* (= *tš*) или, точнее говоря, обычная для тюркских языков аффриката *č* приближается к звучанию артикуляционно близкой ему китайской аффрикаты *z*: *zaty-gum* (произн. *tšatygum*) 'волна у берега', *axyrqy vaqqizu* (произн. *va.qutšy*) 'врач' (букв. 'наблюдающий больного').

Звук *z* факультативно озвончается, приближаясь к звонкому *j* (= араб. *ج*), давно освоенному саларским языком: *keje* 'ночь', *üçinçe* 'Третий', *atcynči* 'шестой';

z' — переднеязычный сильный глухой аспираторный звук (= *t' + š*), встречающийся в словах китайского происхождения: *z'uzu* 'мера длины'; *z'a* 'чай'.

c — переднеязычный, слабый глухой (= *t + s*) слегка озвончающийся звук. Встречается в китайских словах, употребляемых саларами: *kency* 'основа', *cota* (от кит. *so*) 'запрет!'. В собственно саларских словах звук *c* развивается вместо смягченного *d*: *ocyn* (< **odyn*) 'дрова', *incy* (< **indi*) 'теперь';

c' — переднеязычный сильный глухой аспираторный чисто китайский звук, замещающий в саларских словах смягченный *t*: *c'ucup* (< **tutup*) 'поймав', *atc'у* (< **atty*) 'шесть';

ʒ — среднеязычный слабый глухой звук, произносимый в китайских словах и в корневых саларских словах вместо смягченного *d*: *ʒil* (< **dil*) 'язык', *ʒizi* (< **jidi*) 'семь', *janʒi* (< **jandi*) 'вернулся';

ʒ' — среднеязычный сильный глухой аспираторный звук. Встречается в словах, усвоенных из китайского языка и вместо смягченного *t* в собственно саларских словах: *ʒ'utun* (< **tütün*) 'дым', *aʃʒ'i* (< **aʃti*) 'открыл', *qaʃʒ'i* (< **qaʃti*) 'убежал'.

СОНОРНЫЕ

Смычные

m — губно-губной носовой звук: *men* 'я', *jimux* 'шар', *tam* 'стена';

n — переднеязычный носовой звук: *nan* 'что', *sen* 'ты';

ɲ — заднеязычный носовой звук. В собственно саларских словах встречается только в средней и конечной позиции: *mana* 'мне', *suɲux* 'кость', *taɲ* 'заря'.

Щелевые

l — боковой. С ненёбными гласными встречается велярный *l* как вариант этой фонемы: *leski* 'тонкий', *elli* 'пятьдесят', *suɣtux* 'овца', *ta* (кит.) 'воск', 'свеча'. Иногда *l* и *l'* выступают в роли фонем: *jel* 'год' и *jel'* 'ветер'.

Дрожащие

r — главным образом в середине и конце корневых слов: *zorigux* 'шапка', *arxa* 'спина', *sagyr* 'глухой'. Вариант этой фонемы — китайский шумный *ʃ*, имеющий *ʒ*-образную окраску: *t'irun* (произн. *t'irʒun*) 'глубокий', *egir* (произн. *egirʒ*) 'кривой'.

Важной особенностью согласных звуков саларского языка является то, что отдельные фонемы различаются не по головному тону (глухой — звонкий), а по силе воздушной струи (глухой слабый — глухой сильный с придыханием). Таким образом, глухие звуки оказываются противопоставленными друг другу как слабые и сильные, поэтому придыхательный элемент сильных звуков становится существенным средством для различения смысла слов.

Система саларских согласных очень близка к китайской и тибетской системам согласных фонем, в особенности к первой. Надо полагать, что современная система согласных в саларском языке сложилась после переселения саларов в Китай, когда они стали наряду со своим родным языком пользоваться и китайским.

Для того, чтобы иноязычные звуки могли внедриться в ткань другого языка и приобрести качество фонем, необходимы по крайней мере, два условия: 1) усвоение артикуляционной базы чужого языка, 2) предпосылки в фонетической структуре родного языка.

Салары, владеющие китайским языком наравне со своим собственным, точно и без усилий воспроизводят те или иные

звуки китайского языка. Гораздо сложнее выяснить пути усвоения новых фонем — ту фонетическую почву, в которую вырастают новые звуки. Такая почва ясна для согласных *ʃ*, *z*, *c*, 'c', *ʒ*, 'ʒ', *ʃ*. Китайский свистящий *ʃ* замещает сильно смягченный *ʃ*, аффриката *z* — близкую по артикуляции аффрикату *ʃ*, аффрикаты *c*, 'c', *ʒ*, 'ʒ' — смягченные смычные *d* и *t*, *ʃ* — дрожащий *r*. Можно думать, что и китайские смычные *p*-*p'*, *t*-*t'*, *k*-*k'*, *q*-*q'* заменили исконно саларские звонкие и глухие смычные. Например, слова с конечными *t* и *d* огузских языков *at* 'лошадь' и *ad* 'имя', *ot* 'трава' и *od* 'огонь' в саларском стали произноситься *a't* и *at*, *o't* и *ot*, т. е. 't' вместо *t* и *t* вместо *d*.

По-видимому, глухие и звонкие когда-то были и в начале корневых саларских слов¹⁴. Так, например, «стена» произносилась **dam*, а «пресный» — **tam*. Постепенно различие между звонкими и глухими стиралось, и звонкий *d* начал произноситься как слабый глухой *t*, а глухой *t* — как сильный глухой 't'. И так — в каждом подобном случае.

Система саларских согласных сильно отличается от фонетических систем других тюркских языков. Более или менее близкие явления мы найдем только в языке сарыг югуров [провинция Ганьсу (КНР)], а также отчасти в тувинском и азербайджанском языках. Фонетическую систему азербайджанского языка надо рассматривать в связи с фонетикой языков соседнего Дагестана, имеющей те же особенности.

СОГЛАСНЫЕ В НАЧАЛЕ, СЕРЕДИНЕ И КОНЦЕ СЛОВ

В начальной позиции саларских слов, исключая сонорные, находятся либо слабые, либо сильные глухие, т. е. преобладают согласные глухие.

В начале слов встречается среднеязычный *j*: *jot* 'дорога', 'путь', *jel* 'ветер', *jūz* 'лицо', 'сто'. В этом пункте саларский язык сохранил характерную черту огузских языков.

Очень редко и только перед узкими гласными *i* чередуется с *ʒ*: *jireh* и *ʒireh* 'сердце', *jūkār* и *ʒūkār* 'беги!'.

Звук *j* произносится и в середине некоторых имен, а также в конце глагольных основ: *ajex* 'нога', *qoje* 'положу-ка!'.

Это — особенность западнотюркских языков (кроме чувашского), к которым, несомненно, принадлежит и саларский язык (несмотря на то, что он ныне находится на востоке).

¹⁴ G. Clauzon, *The initial labial sounds in the Turkish languages*, — «Bulletin of the School of Oriental and African Studies University of London», v. XXIV, part. 2, 1961, pp. 298—306.

Восточнотюркские языки вместо *j* в этом случае имеют другие звуки — *z, t, d*.

В середине слов допустимы непривычные для тюркского слуха такие сочетания согласных, как, например:

звонкий — глухой: *paŋtigi* 'находящийся в саду', *jüsten* 'из ста';

сонорный — глухой: *iŋinta* 'внутри-его', *mynta* 'здесь', *selerten* 'от вас'.

Характерные для тюркских языков ассимилятивные сочетания типа звонкий-звонкий или сонорный-звонкий встречаются и в саларском, но они малоустойчивы ввиду того, что четкие границы между глухими и звонкими в саларском языке отсутствуют. Самые разнообразные комбинации глухих, звонких и сонорных то и дело возникают в речи одного и того же лица.

Такого рода комбинации согласных характерны для языка сарыг югуров и языков памятников рунической и уйгурской письменностей, вероятно, по той же причине, что и в саларском языке.

В конечной позиции саларских слов возможны звонкие *ɣ, g, z*: *paɣ* 'сад', *teɣ* 'коснасы', 'достигни', *jaɣ* 'весна'; и глухие как слабые, так и сильные: *at* 'имя', *ot* 'огонь', *e't* 'делаи!'

Любопытной чертой саларского языка является факультативное наращение к концу слова окончания *-ur/-uɣ*: *paɣur* 'баж' (<*paɣ+ur*), *inuɣ* 'младший брат' (<*ini+uɣ*), *t'otur* 'четыре' (<*t'ot+ur*). Конечный *a* при наращении *-ur* лабиализуется: *qara+ur > qaror* 'черненькая'.

Этикетный *r* (ʀ) придает слову стилистическую окраску ласкательности, уменьшительности или вовсе не меняет смысла. «Эризованные» формы слов характерны для китайского языка.

СЛОГ

Слоги в саларском языке делятся на открытые и закрытые.

Открытые слоги (*v* — гласный, *c* — согласный):

v: *o* 'сын', 'юноша';

c+v: *ko* 'дверь'; *su* 'вода'; *ke-je* 'вчера'.

Закрытые слоги:

v+c: *ax* 'белый'; *ox* 'бэзлога', 'нога'; *is* 'запах'; *if* 'работа'.

c+v+c: *jaɣ* 'возраст'; *paɣ* 'голова'; *kel* 'приди!'

v+c+c: *arc* 'другой', 'последующий' (букв. 'задняя сторона'); *iŋci* 'верх', 'верхняя часть'.

Уже в двух последних примерах проявилась очень характерная для саларского языка особенность. В основе первого слова лежит слово *art*, известное в других тюркских языках. К концу этого слова в саларском языке присоединился звук *y*, который смягчил смычный *t* и способствовал замещению его аффрикатой *c*. То же самое произошло с конечным звуком *t* во втором слове, которое можно возвести к служебному слову *üst*: *üst+i > üsci > iŋci*.

Таких слов с наращением конечного гласного в саларском языке встречается много. Вот некоторые примеры: *täfi* 'внешний' (<*taɣ+i*); *iŋi* 'внутренний' (<*iç+i*); *ili* 'передний' (<*il+i*); *pile* 'этот год' (<*pu+jil+e*); *qazyly* 'красный' (<*qazyt+y*); *pēhi* 'высокий' (<**pūjūk+i*).

В собственных именах и географических названиях: *Xa Ki-mu* (араб. *Xakim*); *Xa Mi-du* (<араб. *Xamid*); *Su Lei-mane* (<араб. *Suleiman*); *Ji Sə-fu* (<араб. *Jusuf*); *Sāmārkaŋdi* (<*Samarkand*).

Эти примеры позволяют говорить о том, что в саларском языке устанавливается тенденция к ликвидации закрытых слогов путем превращения их (подстановкой соответствующих гласных) в слоги открытые. В этом явлении до некоторой степени сказывается воздействие китайского языка. В северокайских говорах, к которым относится и говор провинции Цинхай, большинство слогов открытого типа, за исключением тех, что сканчиваются на спорные *n, v* и *ʀ*¹⁵.

Нечто подобное происходит и в дунсянском языке¹⁶.

УДАРЕНИЕ

В изолированных словах различаются два типа ударения — экспираторное (') и тоническое ("). Пересе приходится на последний слог от конца слова, второе — на конечный слог неразложимого корня: *kūmūŋ* 'серебро'; *iŋciŋür* 'он будет искать'; *arcūntaɣū* 'находящийся позади него'.

В грамматических формах ударение выполняет семантическую роль: *vārŋr* 'идет' — настоящее время, но *tārŋr* 'пойдет' — будущее время.

Отдельные грамматические формы, подобно приведенным примерам, имеют ударение на конце, другие такого ударения не принимают.

¹⁵ 傅懋世 北京話的音位和拼音字母 (Фу Мао-Цзы, Фонемы пекинского говора и изображение их буквами, — «Китайский язык», 1956, вып. 47, № 5, стр. 8—9).

¹⁶ Б. Х. Тодаева, Монгольские языки и диалекты Китая, М., 1960, стр. 92; Б. Х. Тодаева, Дунсянский язык, М., 1961, стр. 18.

В саларском языке принимают на себя ударение:

1) аффиксы множественного числа, 2) аффиксы падежей, 3) аффиксы принадлежности, 4) аффиксы словообразования имен и глаголов, 5) аффиксы времен (кроме времени, обозначающего настоящее момента речи и будущего времени обычного действия), 6) аффикс отрицания формы будущего времени и повелительного наклонения, 7) аффиксы желательного наклонения, 8) аффикс условного наклонения.

Ударения не принимают:

1) аффиксы сказуемости, 2) послелоги, 3) частицы, 4) аффиксы будущего времени и настоящего момента речи, 5) аффикс отрицания во временных формах, за исключением форм, указанных в пункте 6.

МОРФОЛОГИЯ

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

В саларском языке имена не имеют грамматического рода. Для обозначения же пола одушевленных существ употребляются полнозначные слова-антонимы: *iġa* 'мать' — *apa* 'отец', *kaga* 'старший брат' — *aze* 'старшая сестра', *qoj* 'баран' — *suxtux* 'овца', а также слова-определители *ana* 'женщина' и *avi* 'мужчина' (для людей), *gungu* 'самец' и *aneŝ* 'самка' (для животных и птиц): *avi* (или *o*) *mūſūh* 'кот', *ana mūſūh* 'кошка', *qaş gungusu* 'гусак', *qaş aneŝi* 'гусыня'.

Для имен характерны специально выраженные формы числа, сказуемости, принадлежности, склонения.

Число. Множественное число образуется путем присоединения к основе аффикса *-lar/-ler*: *oġut* 'сын' — мн. ч. *oġutlar* 'сыновья', *kös* 'глаз' — мн. ч. *kösler* 'глаза', *kün* 'день' — мн. ч. *künler* 'дни'.

Для слов с конечным открытым слогом наблюдается тенденция установить один формант с передним гласным — *-ler* (см. стр. 11).

Форма сказуемости. Аффиксы сказуемости *-tyr/-tir* одинаковы для всех лиц и чисел, поэтому указание лица обязательно. В предложении эти аффиксы оформляют именное сказуемое.

Единственное число

men züngili k'ıġtır 'я крестьянин'

sen züngili k'ıġtır 'ты крестьянин'

on züngili k'ıġtır 'он крестьянин', 'она крестьянка'

Множественное число

piser züngili k'ıġtır 'мы крестьяне'
siler züngili k'ıġtır 'вы крестьяне',
oüler züngili k'ıġtır 'они крестьяне'

Из сравнения с другими тюркскими языками выясняется, что форма сказуемости в саларском языке претерпела большие изменения. Если другие тюркские языки в форме сказуемости для каждого лица и числа имеют свой особый показатель, то саларский язык удержал только один формант 3-го лица, который применяется к остальным лицам и числам. Этот факт в свою очередь вызвал другой: пропало различие лиц в формах настоящего и будущего времен глагола (см. «Глагол»).

Такую «стершуюся» форму сказуемости еще можно встретить в языке сарыг югуров. Это сходство вызвано одной и той же причиной — воздействием китайского языка с его аналитическим способом выражения личной формы сказуемого.

Форма принадлежности. Слово в форме принадлежности выражает предмет обладания и самого обладателя. Аффиксы принадлежности для основ с конечной гласной:

1-е л. <i>-m</i>	} для ед. и мн. ч.
2-е л. <i>-n</i>	
3-е л. <i>-sy/-si</i>	

Примеры: *patam* 'мой ребенок' и 'наш ребенок'; *patan* 'твой ребенок' и 'ваш ребенок', *patasy* 'его, ее ребенок' и 'их ребенок'.

Аффиксы принадлежности для основ с конечной согласной:

1-е л. <i>-ym/-im</i> , <i>-um/-üm</i>	} для ед. и мн. ч.
2-е л. <i>-yn/-in</i> , <i>-un/-ün</i>	
3-е л. <i>-y/-i</i>	

Примеры: *jüzüm* 'мое лицо' и 'наше лицо', *jüzün* 'твое лицо' и 'ваше лицо'; *jüzi* 'его, ее лицо' и 'их лицо'.

Обычно в форме принадлежности в тюркских языках проводится строгое различие чисел. Так, в языках огузского типа множественное число образуется от соответствующих форм единственного числа посредством добавления к ним аффикса *-z* (одного из формантов для выражения множественности в тюркских языках).

Поскольку в саларском языке эта черта утрачена, для различения числа в форме принадлежности употребляется для каждого лица определитель — имя в родительном падеже:

Единственное число

1-е л. <i>minigi ini(m)</i>	'мой младший брат'
2-е л. <i>sinigi ini(n)</i>	'твой младший брат'
3-е л. <i>anigi ini(st)</i>	'его, ее младший брат'

Множественное число

1-е л. <i>pisinigi ini(m)</i>	'наш младший брат'
2-е л. <i>silinigi ini(n)</i>	'ваш младший брат'
3-е л. <i>vutanigi ini(st)</i>	'их младший брат'

Форма принадлежности в саларском языке сохранилась лучше, чем форма сказуемости. Объясняется это, вероятно, тем, что первая передает более устойчивые смысловые связи, чем вторая, а именно: понятие «неотчуждаемой» собственности, идею родства и т. п. Трансформация той и другой формы началась не ранее XV в.

Нечто подобное в форме принадлежности встречается только в языке сарыг югуров. Здесь, как и в предыдущем случае, сходство объясняется одной и той же причиной — сильным влиянием китайского языка с его аналитической формой принадлежности для всех лиц.

Склонение. Изменение имен по падежам совершается при помощи специальных аффиксов (кроме неопределенного падежа). Всего падежей — шесть.

1. Неопределенный падеж. Особого форманта не имеет. При оформлении подлежащего несет функцию именительного падежа.

2. Родительный падеж. Независимо от звукового состава основы имеет один стабильный формант *-ni(gi)* [иногда *-nu(gi)*]: *k'icni(gi)* 'человека', *apalerinni(gi)* 'твоих отцов', *oqutni(gi)* 'сына'.

Аффикс родительного падежа в саларском языке не совпадает с соответствующими формами в огузских языках. Так, в турецком и азербайджанском языках родительный падеж образуется при помощи аффиксов *-nı/-nı*, *-nı/-nı* для основ с конечным гласным и *-nı/-nı*, *-nı/-nı* — для основ с конечным согласным. В туркменском языке аффиксы родительного падежа те же, но оканчиваются на сонорный *n*.

В других тюркских языках, например в уйгурском и узбекском, аффикс родительного падежа имеет только один вариант — *-nı*, а в казахском — шесть: *-nı/-nı*, *-dın/dın*, *-tın/-tın* (за счет чередования начальных согласных *n/d/t*).

Таким образом, в отличие от аффиксов родительного падежа во многих других тюркских языках, в которых он состоит из закрытого слога, в саларском языке формант родительного падежа представляет собой слог открытый.

Кроме саларского языка, эта черта свойственна кумыкскому и карачаево-балкарскому языкам, наманганскому и хорезмскому диалектам узбекского языка, лобнорскому диалекту уйгурского языка, т. е. сфере кыпчакских и кыпчакизованных языков.

3. Дательный падеж. Образуется посредством следующих аффиксов:

а) *-a/-e* — после основ на согласный, кроме *γ*, *g*, *x*, *h*: *oje* 'к дому', *miçite* 'в мечеть', *kejsova* 'в город';

б) *-γa/-ge* — после основ на гласный: *Altijuliγa* 'в Алти-юли' (назв. села), *çıçoγa* 'в школу';

в) *-qa/-ke* — после основ на *γ*, *g*, *x*, *h*: *paqqa* 'в сад', *kölexke* 'корове', *pekke* 'князю'.

В языках огузской группы аффикс дательного падежа имеет следующие варианты: в турецком и азербайджанском языках *-a/-e* (после основ на согласный) и *-ja/-je* (после основ на гласный), в туркменском языке *-a/-e* (после основ на согласный) и *-na/-ne* (после основ на гласный), т. е. разница только во второй группе формантов по причине чередования *j/n*.

В кыпчакских языках (казахском, ногайском, каракалпакском, татарском и др.) аффикс дательного падежа — с начальным согласным: *-γa/-ge* (после основ на гласные, звонкие смычные и сонорные) и *-qa/-ke* (после основ на глухие согласные).

Таким образом, в саларском дательном падеже сплелись два типа тюркского склонения: огузский, или южный, и кыпчакский, или северный. Причем аффиксы, относящиеся к тому или иному типу склонения, разделялись, следуя фонетическому принципу: показатели огузского типа сохранили свое исконное положение — после согласных, а показатели северного типа закрепились за основами с конечными гласными или заднеязычными и увулярными согласными. Такая же смешанная форма дательного падежа встречается в узбекских южнохорезмских говорах.

4. Винительный падеж. Образуется при помощи аффикса *-ni* (иногда *-nu*), совпадающего с формантом родительного падежа: *jaγny//jaγni* 'масло', *oqutlarini* 'сыновей', *z'any* 'чай'.

В огузских языках аффикс винительного падежа имеет четыре варианта. В турецком языке *-ı/-i*, *-u/-ü* (после основ на согласный) и *-yı/-yi*, *-ju/-jü* (после основ на гласный). Азербайджанская схема наполовину совпадает с турецкой, отклоняясь от нее в случае основ на гласный: аффиксы вместо турецкого *j* имеют в начале *n*. Туркменская схема аналогич-

на азербайджанской, за исключением аффиксов с губными гласными. Эти аффиксы в туркменском языке отсутствуют.

В кыпчакских языках аффикс винительного падежа — *-ny//ni* с вариантами начального согласного в некоторых языках (*n/d/t*).

Отсюда следует вывод о том, что форма винительного падежа в саларском языке далека от огузского типа и в общем близка к кыпчакскому типу.

5. Местный падеж. Образуется при помощи аффиксов *-ta(da)//-te(de)* (> *-te//tā*): *suta//suta//suda* 'в воде'; *pašta* 'в голове'; *qulaxta* 'в ушах'; *paḡda//paḡtā* 'в саду'.

В языках огузской группы формант местного падежа — *-ta//te, -da//de*. Саларский вариант, совпадая с этим типом падежа, имеет тенденцию его стабилизировать.

6. Исходный падеж имеет формант *-tan(dan)//-ten(den)* (> *-ten//tān*): *a'tten* 'с коня', *amadan* 'от матери', *siñniten//siñniden* 'от младшей сестры', *kösten* 'из глаз', *sutan//suten* 'из воды'.

В огузских языках формант исходного падежа — *-tan//ten, -dan//den* с широкой гласной негубного ряда. Саларский язык, совпадая в этом отношении с огузскими языками, отличается от них тенденцией слить все эти варианты падежа в один.

Словообразование существительных. Существительные в саларском языке образуются от имен и глаголов путем присоединения к основам следующих аффиксов:

-zi//z'i: *timurzi* 'кузнец' (*timur* 'железо'), *agaſzi* 'столяр' (*agaſ* 'дерево');

-tux: *jaḡtux* 'маслозавод' (*jaḡ//jeḡ* 'масло'), *aſtux* 'хлеба', 'злаки' (*aſ* 'еда', 'пища');

x: *jamaḡ* 'заплата' (*jama-* 'латать'), *sanax* 'счет' (*sana-* 'считать');

-f: *oxuf* 'чтение', 'учение' (*oxu-* 'читать'), *ojnaſ* 'игра' (*ojna-* 'играть').

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Прилагательные в саларском языке делятся на качественные (непроизводные) и относительные (производные).

Качественные прилагательные, выражающие тот или иной признак, изменяются по степеням сравнения:

1) положительная степень (основа) — *qysyſt//qysyli* 'красный', *jafil* 'зеленый', *siñſi* (кит.) 'коричневый', *ſejxiw* или *jixxiw* (кит.) 'розовый', *jaxſi* 'хороший', *xuſi* 'твердый', *joḡux* 'левый', *zimenar* 'красивый';

2) сравнительная степень, образующаяся:

а) при помощи аффикса *-raḡ//reh*: *jaxſirax* 'лучше', *miſihreh* 'мягче';

б) сочетанием прилагательного с названием сравниваемого предмета в исходном падеже: *a't eḡekten za'tax* 'конь больше осла';

3) превосходная степень, образующаяся:

а) посредством препозитивных частиц *xuſu* (кит.), *ziñ* (кит.): *xutu joḡan* 'очень толстый', *ziñ jaxſi* 'очень (сув. 'подлинно') хороший';

б) сочетанием одного и того же прилагательного в исходном и неопределенном падежах: *uzundan uzun* 'самый длинный' (букв. 'длинный из длинных'), *javedan jawu* 'самый новый' (букв. 'новый из новых').

От качественных прилагательных возникают формы с ослабленным и усиленным значением основы.

1. Форма с ослабленной семантикой (ср. русск. *-оватый*) образуется:

а) посредством аффикса *-mt'ux* (с усечением конечного *l* основы): *xutim'tux* 'твердоватый', *qysum'tux* 'красноватый', *jafim'tux* 'зеленоватый'.

Формант с той же семантикой известен в туркменском (языке: *-mtuq//mtik*, ср. тур. и азерб. *-mtyraḡ* < *-mtu(q) + raḡ* аффикс сравнительной степени);

б) посредством аффикса *-z'uh*: *joḡanz'uh* 'толстоватый', *kiſiz'uh* 'маловатый';

в) комбинацией прилагательного и частиц *kotyḡ, piſa:kotyḡ* *miſih* 'немного мягкий', 'мягковатый', *piſa leſki* 'тонковатый'.

2. Форма с усиленной семантикой (интенсив) образуется сочетанием прилагательного с частицей, состоящей из начального слова той же основы и согласного *p*: *qur qysyſt* 'самый красный', 'наикраснейший'.

Семантическую соотнесенность этих форм можно передать примерно такой схемой:

piſa qysyſt//qysyſt'z'uh//qysum'tux 'красноватый' ~ *qysyſt* 'красный' ~ *xutu qysyſt* 'очень красный' // *qysyſttan qysyſt//qur qysyſt* 'самый красный'.

Относительные прилагательные образуются посредством следующих аффиксов:

-li:kusli 'сильный' (*kus* 'сила'), *t'elli* 'сладкий' (*t'em* 'вкус', 'сладость');

-ki:jilki 'годовой' (*jil* 'год'), *kunki* 'дневной' (*kun* 'день');

-taḡu//tigi: *p'uzytaḡu//p'uzytigi* 'находящийся в магазине', *oḡtaḡu//oḡtigi* 'находящийся дома', 'домашний'.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

В саларском языке имеются числительные количественные, порядковые и дробные.

Количественные числительные

<i>pir</i>	'один',
<i>i'ki</i>	'два',
<i>uſ</i>	'три',
<i>t'öt</i>	'четыре',
<i>peſ</i>	'пять',
<i>alʒ'i att'y</i>	'шесть',
<i>jizi jity</i>	'семь',
<i>sek'is</i>	'восемь',
<i>toqos</i>	'девять',
<i>on</i>	'десять',
<i>on pir</i>	'одиннадцать',
<i>on i'ki</i>	'двенадцать' и т. д.
<i>jigirmi</i>	'двадцать',
<i>ottus o'tus</i>	'тридцать',
<i>qeryx</i>	'сорок',
<i>elli</i>	'пятьдесят',
<i>a'muš att'ymuš elli on</i>	'шестьдесят',
<i>je'muš jitymuš elli jigirmi</i>	'семьдесят',
<i>sehsen elli ottus</i>	'восемьдесят',
<i>toxsen elli qeryx</i>	'девяносто',
<i>jüz</i>	'сто',
<i>min</i>	'тысяча',
<i>zanzy</i>	(кит.) 'десять тысяч'.

Названия саларских количественных числительных и порядок счета совпадают с тем, что представлено в огузских языках. Названия десятков после пятидесяти салары, в особенности молодые, знают слабо и часто пользуются названиями, состоящими из числа «пятьдесят» + соответствующий десяток (см. выше).

Тюркскую номенклатуру числительных (особенно после пятидесяти) салары применяют в ограниченной мере и в обиходе предпочитают иметь дело с кигайскими числительными, избирая их и в качестве собственных имен (нормой является число лет отца в момент рождения ребенка).

Порядковые числительные образуются от количественных числительных при помощи форманта *-nzi*.

Порядковые числительные встречаются только в названиях месяцев: *pirinzi aj* 'первый месяц' (январь), *i'kinzi aj*

'второй месяц' (февраль), *uſinzi aj* 'третий месяц' (март) и т. д.

Во всех остальных случаях салары пользуются китайскими терминами.

Таким образом, тюркские порядковые числительные в саларском языке носят еще менее действенный характер, чем количественные.

Дробные числительные передаются словосочетанием, в котором слово, обозначающее знаменатель, оформляется исходным падежом или выражается целым предложением: *i'kiten pir||i'ki t'inten pir* (кит. *t'in* 'кусок серебра') или *i'ki pir vaхуr* — 1/2; *peſten uſ* или *peſt'inten uſ* или *peſ uſ vaхуr* — 3/5.

Тюркские названия дробей очень редко встречаются у саларов. Обычно они пользуются китайскими названиями.

Для выражения других видов числительных употребляются также китайские слова. Все это позволяет сказать, что в саларском языке собственно саларские числительные — пережиточная категория. Китайский язык в данном случае почти вытеснил целую часть речи¹⁷.

МЕСТОИМЕННИЯ

По значению и форме местоимения разделяются на личные, указательные, вопросительные, определительные, возвратные, качественные, неопределенные и отрицательные.

Личные: *men* 'я', *sen* 'ты', *vu||u* 'он', 'она', *piser* 'мы', *seler* 'вы', *utur||utar* 'они'.

Формы 1-го и 2-го лица единственного числа совпадают с таковыми в туркменском и азербайджанском языках, 3-е лицо сопровождается протетическим *v*. В 1-м лице множественного числа отпал начальный согласный показателя множественности *-ler*, оставив неизменной основу (*pis*), во 2-м лице — наоборот: начальный *-l-* аффикса сохранился, но исчез конечный основы (*s||z*).

Склонение личных местоимений

Единственное число

Неоп.	<i>men</i>	'я',	<i>sen</i>	'ты',	<i>vu</i>	'он',	'она',
Род.	<i>mini(gi)</i>	'меня',	<i>sini(gi)</i>	'тебя',	<i>ani(gi)</i>	'его',	'ее',
Дат.	<i>mava</i>	'мне',	<i>sava</i>	'тебе',	<i>ava</i>	'ему',	'ей',
Вин.	<i>mini</i>	'меня',	<i>sini</i>	'тебя',	<i>ani</i>	'его',	'ее',
Местн.	<i>mente</i>	'у меня',	<i>sente</i>	'у тебя',	—	—	—
Исх.	<i>menten</i>	'от меня',	<i>senten</i>	'от тебя',	—	—	—

¹⁷ Так же обстоит дело с числительными в дунсянском языке. (См. Б. Х. Тодаева, *Дунсянский язык*, стр. 34—39.)

Множественное число

Неоп.	<i>piser</i>	'мы',	<i>seler</i>	'вы',	<i>vutar</i>	'они',
Род.	<i>pisi(r)ni(gi)</i>	'нас',	<i>seli(r)ni(gi)</i>	'вас',	<i>vuti(r)nigi</i>	'их',
Дат.	<i>pisere</i>	'нам',	<i>selere</i>	'вам',	<i>vutara</i>	'им',
Вин.	<i>pisi(r)ni</i>	'нас',	<i>seli(r)ni</i>	'вас',	<i>vuta(r)ni</i>	'их',
Местн.	<i>pise(r)te</i>	'у нас',	<i>selerte</i>	'у вас',	<i>vuta(r)ti</i>	'у них',
Иск.	<i>pise(r)ten</i>	'от нас',	<i>selerten</i>	'от вас',	<i>vuta(r)tan</i>	'от них',

Указательные: *pu* 'этот', *vi* 'тот' (ближний, ср. южнохорезм. *vu||xu*) и *tiūgu||tiu* 'тот' (дальний, ср. тат., башк. *tege*).

Склонение местоимения *pu* 'этот'

Единственное число		Множественное число		
Неоп.	<i>pu</i>	'этот',	<i>putar</i>	'эти',
Род.	<i>muñi(gi)</i>	'этого',	<i>putāni(gi)</i>	'этих',
Дат.	<i>muña</i>	'этому',	<i>putara</i>	'этим',
Вин.	<i>muñe</i>	'этого',	<i>putāne</i>	'этих',
Местн.	<i>mynta</i>	'здесь',	<i>putarta</i>	'у этих',
Иск.	<i>myntan</i>	'отсюда',	<i>putartan</i>	'от этих',

В единственном числе начальный *p* неопределенного падежа чередуется с начальным *m* других падежей.

Вопросительные: *k'em* 'кто?'; *naw||nawari* 'что?' (ср. *nāw* 'вещь', 'нечто' в рунических и древнеуйгурских памятниках); *nege* 'почему?', 'зачем?', *ne'z'i* 'сколько?', *ni'z'ili* 'как?'. Эти формы восходят к общетюркскому местоимению *ne* 'что?'; *qajsy||qajsari* 'который?'. Корень этого местоимения — *qa(j)*, от него в саларском языке образуются вопросительные наречия (см. «Наречие»).

Определительные: *heme* (< перс. *hāme*) 'все', *joko* (кит.) 'все', *voñanur* (< *voñ* + *an* + *ur*) 'всё', 'полностью'.

Возвратные местоимения состоят из корней *ej(i)* и *ez*, оформленных аффиксами принадлежности:

1-е л. <i>ejim</i>	'я сам',	<i>ejimler</i>	'мы сами',
2-е л. <i>ejin</i>	'ты сам',	<i>ejinler</i>	'вы сами',
3-е л. <i>ezu</i>	'он сам',	<i>ezylar</i>	'они сами',

В местностях Чизы, Ахвар и Ганьду звук *z* встречается во всех лицах: *ezum*, *ezuv*, *ezu* и т. д. Следовательно, саларское возвратное местоимение *ej||ez* восходит к общетюркскому *öz||üz* (*j||z*).

В форме множественного числа аффикс множественности следует за аффиксами принадлежности, а не наоборот, как следовало бы ожидать.

Притяжательные местоимения совпадают с формой родительного падежа личных местоимений:

1-е л.	<i>mi(nigi)</i>	'мой'	<i>pisi[(r)nigi]</i>	'наш'
2-е л.	<i>si(nigi)</i>	'твой'	<i>seli[(r)nigi]</i>	'ваш'
3-е л.	<i>a(nigi)</i>	'его' 'ее'	<i>vu[ta(r)nigi]</i>	'их'

Качественные: *pelisi||peli'si||peligi* 'этакий'; *elisi||eli'si||eligi* 'такой'.

Местоимения *peli(si)*, *eli(si)* очень близки по форме к туркменским *bejle* и *ejle*.

Неопределенные местоимения образуются от вопросительных при помощи аффикса *-tyr||-ter* или *-z'uh*: *k'emter* 'кто-то'; *k'emur'z'uh* 'кто-то', 'некто'; *nawtyr* 'что-то'; *ne'z'iz'uh* 'сколько-то'; *qajsytyr* 'который'.

Отрицательные (употребляются при отрицательном сказуемом): *hemene||hemene||hemene||hemene||hemene||hemene* 'ничего'; *hespef||hespefur* 'ничего', ср. перс. هیچ و هیچ.

НАРЕЧИЯ

В саларском языке, как и в других тюркских языках, в роли наречий выступают прилагательные в позиции перед глаголом: *sen jahfi jafamif* 'ты хорошо сказал', *quf zimenar usupor* 'птица красиво летит'. *Jahfi* 'хороший', *zimenar* 'красивый' — прилагательные, но перед глаголом они осознаются как наречия — эквиваленты русских качественных наречий «хорошо», «красиво».

К собственно наречиям относится немногочисленный ряд слов, саларских и заимствованных. Это либо корневые, непроизводные слова, либо производные образования, представляющие собой лексикализованные формы косвенных падежей имен. К ним относятся:

а) наречия места: *mynta* 'здесь', *myntan* 'отсюда', *anta* 'там', *qata* 'где?', *qata* 'куда?';

б) наречия времени: *rugon* 'сегодня', *tün* 'вчера', *pasa-gün* 'послезавтра', *puttyr* 'в прошлом году', *uxta||oxatda* (< араб. *evvel* + *ta*) 'раньше', 'давно', 'в прежние времена', *qaz'an||qajz'an* 'когда?' (вообще), *qajax*, *qahal* 'когда?' (время дня);

в) наречия образа действия: *mali*, *niñgen*, *hasyken* 'быстро';

г) наречия меры и степени: *az* 'мало', *k'ör*, *atux*, *xutu*, *muxturu* 'много'.

В саларском языке существует две группы послелогов, различающихся типом грамматической связи.

Первая группа послелогов имеет абстрактную семантику и управляет одним из падежей. К ней относятся послелогии, управляющие:

1) неопределенным падежом существительных и родительным падежом местоимений: *-ta//pile* 'с', 'вместе с' (ср. южнохорезм. *vuta vylän*), например: *toxmixta sola* 'бей молотком'; *kama//kamasur, kamaɣu, kamaɣ'uh* 'как', 'подобно' (сравнение по качеству) (ср. туркм. *kimin*, азерб. *kimî*, тур. *gibi*), например, *munu kamaɣu//kamaɣ'uh e't* 'делай как это (подобно этому)';

2) дательным падежом: *vut//vule//pule* 'из-за', например, *emexke vule* 'из-за, ради хлеба';

3) исходным падежом: *soɣ(u)* 'после', например, *õyleden soɣ* 'после обеда'; *tafi* 'кроме', например, *inimden tafi* 'кроме моего младшего брата'; *ili* 'раньше', например: *puɣutan ili* 'раньше оленя'.

Вторая группа послелогов имеет конкретную семантику, как любое полнозначное слово. Но, выступая в функции служебного слова, или, точнее, служебного имени (термин Н. К. Дмитриева¹⁸), они теряют полнозначность и, будучи определяемым при зависимом слове, уточняют его положение в пространстве. К этой группе принадлежат следующие послелогии:

1) *janu* 'бок', 'сторона', например, *taɬ janunda* 'около дерева', *õj januna* 'к дому';

2) *tafu* 'внешняя часть', 'вне', например, *õjim tafinda* 'вне моего дома';

3) *iſi* 'внутренняя часть', 'в', например, *kõɣur iſinda* 'в кружке';

4) *arcu* 'задняя часть', 'за', например, *ko arcuna* 'за дверь';

5) *ili* 'передняя часть', 'перед', например, *çuço ilinde* 'перед школой';

6) *zũji* 'нижняя часть', 'низ', например, *xaɣ zũjina* 'к низу туфель';

7) *õre, iſci* 'верхняя часть', 'верх', например, *Muren õre-sinda* 'в верховье р. Мурен', *çiçe iſcinden* 'сверху машины'.

¹⁸ Н. К. Дмитриев, *Служебные имена в турецком языке*, — «Советское языкознание», III, Л., 1937.

Глагол в тюркских языках изменяется по лицам, числам, временам и наклонениям. В современном же саларском языке отсутствует спряжение по лицам и числам. Ранее в саларском языке эти формы были. Так, в фольклоре все еще сохраняются рудименты аффиксальных форм лица и числа. Теперь лицо и число саларского глагола обозначается только аналитически — личными местоимениями, которые предшествуют основе времени.

Такая же структура временных форм наблюдается у тюркоязычных сарыг югуров. Причина этой редкой аномалии в тюркских языках — внешнего порядка, о ней говорилось выше (см. стр. 15). Аналогичное явление известно и в монгольских языках, но здесь картина обратная: в большей части монгольских языков, в том числе и в дунсянском языке¹⁹, отсутствует личное спряжение. Оно имеется в калмыцком, бурятском языках и баргу-бурятском и ойратском диалектах монгольского языка КНР²⁰.

В саларском языке существуют следующие наклонения: изъявительное, повелительное, желательное и условное, сравнительно с огузскими языками на одно наклонение меньше (нет долженствовательного наклонения). Каждый глагол образует вопросительную форму и может стоять в одной из следующих четырех форм, семантика которых шире семантики форм времен и наклонений: 1) положительная форма (основа глагола), 2) отрицательная форма, 3) форма возможности, 4) форма невозможности.

Соответственно объему семантики следуют один за другим и аффиксы: после глагольной основы — аффикс одной из четырех форм, затем — аффиксы времен или наклонений.

ИЗЪЯВИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Настоящее время момента речи

Выражает действие, совершающееся в момент речи. Образуется при помощи аффиксов *-roɣ* [и иногда *-ra(ɣ)* для 2-го и 3-го л.].

Гармонии гласных аффикс не подчиняется, он имеет одну стабильную форму с губным гласным (во 2-м и 3-м л. может быть и с негубным гласным).

¹⁹ Б. Х. Тодаева, *Монгольские языки и диалекты Китая*, стр. 100.

²⁰ Там же, стр. 37.

Ударение падает на слог, предшествующий показателю времени.

Положительная форма:

men (piser) vā poř 'я иду (сейчас)', 'мы идем (сейчас)';

sen (seler) vā poř/vā pá(ř) 'ты идешь (сейчас)', 'вы идете (сейчас)';

vi (vutar) vā poř/vā rá(ř) 'он, она идет (сейчас)', 'они идут (сейчас)'.

Отрицательная форма:

Основа глагола + *joxtyr//joxar* 'нет, не имеется': *men (piser) varoxtyr* (< *var joxtyr*) 'я не иду (сейчас)', 'мы не идем (сейчас)' и т. д.

Форма возможности:

Основа глагола + вспомогательный глагол *at-* 'брать', 'взять' + аффикс времени *-poř [-pa(ř)]*: *men (piser) varatpoř* 'я могу идти (сейчас)', 'мы можем идти (сейчас)' и т. д.

Форма невозможности:

Основа глагола + *at-* + *joxtyr*: *men (piser) varatoxtyr* (< *varatjoxtyr*) 'я не могу идти (сейчас)', 'мы не можем идти (сейчас)' и т. д.

Вопросительная форма:

Основа времени + частицы *to, tu, mi, o, u, i*: *men (piser) vā poř to?* (*tu?*, *mi?*, *o?*, *u?*, *i?*) 'иду ли я (сейчас)?', 'идем ли мы (сейчас)?' и т. д.

Вопросительная форма возможна не только от положительной, но и от всех других производных форм настоящего времени.

Форма саларского настоящего времени момента речи имеет аналогию в огузских языках. Так, в турецком языке настоящее время момента речи образуется посредством безударного аффикса *-jor* с предшествующими узкими гласными. Аффикс *-jor* не подчиняется закону гармонии гласных.

В литературном туркменском языке показатель настоящего времени не имеет варианта с губным гласным, но обладает двумя вариантами для передних и задних гласных негубного ряда: *-jar//jār*. В диалектах встречаются варианты и с губными гласными²¹. Наличие губного гласного в составе аффикса настоящего времени навело на мысль о том, что в сложении формы настоящего времени в огузских языках участвовал глагол движения: *jor(u)//jōr(ū)//jūr(ū)* 'ходить',

²¹ А. П. Поцелуевский, *К вопросу о происхождении формы настоящего времени в тюркских языках юго-западной группы*, Ашхабад, 1947, стр. 21—24.

'двигаться' (гипотеза Ф. Менинского²², К. Фоя²³, А. П. Поцелуевского²⁴). К этому общему источнику восходит и саларская форма настоящего времени момента речи: аффикс *-poř* состоит из показателя деепричастия *-p* и глагола *jor-* с усеченной начальной согласной²⁵ (ср. выпадение начального *j* в отрицательной форме настоящего времени). Вариант *-pa(ř)* представляет собой результат делабиализации губного гласного аффикса (или это качественно иная величина: *-p + pař-* 'идти'?).

Отрицательная форма саларского настоящего времени момента речи резко отличается от соответствующей формы не только в огузских или кыпчакских, но и в тюркских языках вообще. Вместо глагольного отрицания *-ma//me* к основе глагола присоединяется приименное отрицание *joxtyr* или *joxar*, заставляющее думать, что здесь скрывается основа другого времени, ср. кыпчак. *barçanum joř* 'я не ходил' (букв. 'мое хождение-нет').

Форма возможности в огузских языках состоит из деепричастия на *-a//e* и вспомогательного глагола *bil-* 'знать', 'уметь' (> 'мочь'). В кыпчакских языках в этом случае вместо *bil-* неизменно употребляется глагол *at-*. К этому типу принадлежит форма возможности настоящего времени момента речи и в саларском языке.

Форма невозможности в огузских языках образуется неодинаково: в азербайджанском языке — посредством отрицательной формы глагола *bil-*, в турецком языке — при помощи аффикса *-ama//eme-*, в котором первый элемент *-a//e* восходит к древнему глаголу *u-* 'мочь', а второй *-ma//me* — аффикс отрицания²⁶.

В языках кыпчакской группы форма невозможности образуется из деепричастия *-a//e* значимого глагола и вспомогательного глагола *at-* с отрицанием. Таким образом, форма невозможности в саларском языке очень близка к кыпчакскому типу.

Вопросительная форма саларского настоящего времени мо-

²² Francisz à Mesnien Meninski, *Linguarum orientalium, Turcicae, Arabicae, Persicae institutiones, seu Grammatica Turcica*, Wien, 1680, p. 73.

²³ К. Foy, *Azerbaïjanische Studien «Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen», J-g. VI. Westasiatische Studien*, Berlin, 1933, S. 159—161.

²⁴ А. П. Поцелуевский, *К вопросу о происхождении формы настоящего времени в тюркских языках юго-западной группы...*

²⁵ Там же, стр. 16—19.

²⁶ W. Radloff, *Uigurische Sprachdenkmäler*. — «Materialien nach dem Tode des Verfassers mit Ergänzungen von S. Malov herausgegeben», Leningrad, 1928, S. 224.

мента речи образуется так же, как и в огузских языках, но с большим количеством вариантов аффикса вопроса.

Настоящее время обычного действия

Обозначает действие, совершающееся обычно, регулярно или естественно по своей природе.

Настоящее время этого вида образуется посредством аффикса *-er* (<*-yr*/*-ir*) после основ с конечной согласной и аффикса *-r* — после основ с конечной гласной.

Положительная форма:

men(piser) kelér 'я прихожу (обыкновенно)', 'мы приходим (обыкновенно)' и т. д.

men(piser) ıxur/ıxér 'я читаю (обычно)', 'мы читаем (обычно)' и т. д.

Отрицательная форма:

основа глагола + аффикс *-ma*/*-me* + *s* (/r во 2-м и 3-м лицах): *men(piser) kelmes* 'я не прихожу (обыкновенно)', 'мы не приходим (обыкновенно)' и т. д.;

men(piser) oxımes 'я не читаю (обычно)', 'мы не читаем (обычно)' и т. д.

Форма возможности:

основа глагола + *at-* (/el-) + аффикс времени: *men(piser) keıeler* 'я могу прийти (обыкновенно)', 'мы можем прийти (обыкновенно)' и т. д.; *men(piser) ıxıter* 'я могу читать (обычно)', 'мы можем читать (обычно)' и т. д.

Форма невозможности:

основа глагола + *at-* (/el-) + аффикс *-ma*/*-me* + *s*: *men(piser) keıelmes* 'я не могу приходить (обыкновенно)', 'мы не можем приходить (обыкновенно)' и т. д.;

men(piser) ıxıımes 'я не могу читать (обычно)', 'мы не можем читать (обычно)' и т. д.

Вопросительная форма:

основа времени + частицы *mo*, *mi*, *o*, *u*, *i*: *men(piser) keıer mo?* (*mi?*, *o?*, *u?*, *i?*) 'прихожу ли я (обыкновенно)?' 'приходим ли мы (обыкновенно)?' и т. д.; *men(piser) ıxur/ıxér mo?* (*mi?*, *o?*, *u?*, *i?*) 'читаю ли я (обычно)?', 'читаем ли мы (обычно)?'.

Саларское настоящее время обычного действия соответствует турецкому настояще-будущему времени, которое состоит из двух рядов аффиксов (с широкой и узкой гласной): *-ar*/*-er* и *-yr*/*-ir*, *-ur*/*-ür*. В азербайджанском языке в этом случае употребляются аффиксы только с узкими гласными.

Отрицательная форма этого времени в диалекте Мынта

во всех лицах образуется аффиксами *-mar*/*-mer* < *-ma*/*-me* + *r*.

В свою очередь, *-mar*/*-mer* > **-maz*/**-mez* (r/z), как в туркменском языке (для 3-го л.), а *-maz*/*-mez* > *-mas*/*-mes* (z/s). Отрицательная форма саларского настоящего времени обычного действия, сближаясь с формой туркменского языка (аффикс времени в 1-м лице сохраняется), представляет особый случай: употребление *s* вместо *z*, как в кыпчакских языках.

Формы возможности и невозможности относятся также к кыпчакскому типу и сохраняют конечный *-s*.

Прошедшее очевидное время

Передаёт действие, имевшее место в прошлом. Показателями времени служат аффиксы *-zi*/*-z'i* и *-miş* (гармонии гласных не подчиняются).

Положительная форма:

maı(piser) atzi 'я взял', 'мы взяли'; *sen(seler) atzi/atmiş* 'ты взял', 'вы взяли'; *vu(vutar) atmiş/atzi* 'он взял', 'они взяли'.

Отрицательная форма:

основа глагола + аффикс *-ma*/*-me* + аффикс времени: *men(veser) atmazi* 'я не взял', 'мы не взяли' и т. д.

Форма возможности:

основа глагола + *at-* + аффикс времени: *men(piser) atatzi* 'я смог взять', 'мы смогли взять' и т. д.

Форма невозможности:

основа глагола + *at-* + аффикс *-ma*/*-me* + аффикс времени: *men(piser) atatmazi* 'я не смог взять', 'мы не смогли взять' и т. д.

Вопросительная форма:

основа глагола + частицы *mi*, *mo*, *mi*: *men(piser) atzi mi?* (*mo?*, *mi?*) 'взял ли я?', 'взяли ли мы?' и т. д.

Семантика форм прошедшего времени на *-zi*/*-z'i* и *-miş* в сознании саларов идентична. Форма на *-miş* в редких случаях возможна для 2-го лица, а в 3-м лице она чередуется с основной формой на *zi*/*-z'i* и стремится ее вытеснить.

В речи саларов Мынта и Ганьду обе формы употребительны во всех лицах и образуют две адекватные формы одного и того же времени.

Эти формы известны и в огузских языках, но там они представляют собой семантически разные единицы: форма с аффиксом *-du* выражает действие, протекавшее в прошлом (прошедшее очевидное), а форма на *-muş* — действие,

осложненное модальными оттенками (прошедшее субъективное).

В саларском языке значение субъективности в прошедшем на *-mi* стерлось под влиянием конкурирующей формы на *-ʔan*.

Отрицательная и вопросительная формы саларского прошедшего очевидного времени не имеют каких-либо заметных отклонений от тех же форм огузских языков. Формы возможности и невозможности, как видно из схемы, образуются по кыпчакскому типу.

Прошедшее результативное время

Обозначает действие, осознаваемое как результат или следствие. Образуется по схеме: основа глагола + аффикс *-ʔan* // *-gen*, *ʔan* // *-ken* + аффикс *-tyr* // *-tir*.

Положительная форма:

men(piser) k'oken(tir) 'я нес', 'мы несли'; *sen(seler) k'oken* 'ты нес', 'вы несли'; *ʔu (-ʔutar) k'oken* 'он нес', 'они несли'.

Показатель сказуемости *-tyr* // *-tir* более или менее устойчив только в 1-м лице, во 2-м и 3-м лицах он опускается.

Отрицательная форма:

основа глагола + аффикс *ma* // *-me* + аффикс *-ʔan* // *-gen* или основа глагола + аффикс *-ʔan* // *-qen* + *joxtyr*: *men(piser) k'otmegen(tir) / k'okenoxtyr* (< *k'oken joxtyr*) 'я не нес', 'мы не несли' и т. д.

Форма возможности:

основа глагола + *at*-(*el*-) + аффикс *-ʔan* // *-gen*: *men(piser) k'otelgen(tir)* 'я смог нести', 'мы смогли нести' и т. д.

Форма невозможности:

основа глагола + *at*-(*el*-) + аффикс *ma* // *-me* + аффикс *-ʔan* // *gen* или форма возможности + *joxtyr*: *men(piser) k'otelmegen(tir) / k'otelgenoxtyr* (< *k'otelgen joxtyr*) 'я не смог нести', 'мы не смогли нести' и т. д.

Вопросительная форма:

основа времени + частицы *mo*, *tu*, *mi*, *o*, *u*, *i*: *men(piser) k'okentir mo?* (*tu?*, *mi?*, *o?* и *i?*) 'нес ли я?', 'несли ли мы?' и т. д.

Прошедшее на *-ʔan* со всеми производными формами — достояние кыпчакских языков. В языках огузской группы ему соответствует прошедшее на *-muş*. Следовательно, форма прошедшего результативного времени привнесена в саларский язык из кыпчакских языков.

Будущее определенное время

Передаёт действие, которое непременно произойдет. Образуется при помощи следующих аффиксов: *-ʔur* // *-gʔr*, *-qur* // *-kʔr* или *-ʔa(r)* // *-ga(r)*, *-qa(r)* // *-ka(r)* (для 2-го и 3-го л.).

Положительная форма:

men(piser) vaxqur [// *vaxqa(r)*] 'я посмотрю', 'мы посмотрим', *sen(seler) vaxqur* // *vaxqa(r)* 'ты посмотришь', 'вы посмотрите'; *ʔu(ʔutar) vaxqur* // *vaxqa(r)* 'он, она посмотрит', 'они посмотрят'.

Отрицательная форма:

основа глагола + аффикс *-me* '(-*ma* // *-me*) + *s* // *r* для 2-го и 3-го лл.) (вместо *-ma* // *-me* + *-ʔur* // *-ʔar*): *men(piser) vaxmes* 'я не посмотрю', 'мы не посмотрим' и т. д.

Форма возможности:

основа глагола + *at*-(*el*-) + аффикс времени: *men(piser) vaxetʔa(r)* 'я смогу посмотреть', 'мы сможем посмотреть' и т. д.

г) Форма невозможности:

основа глагола + *at*-(*el*-) + аффикс *ma* // *-me* + аффикс времени: *men(piser) vaxetmaʔa(r)* 'я не смогу посмотреть', 'мы не сможем посмотреть' и т. д.

Вопросительная форма:

Основа времени + вопросительные частицы: *men(piser) vaxqur tu?* (*mo?* *mi?* и *o?* *i?*) 'посмотрю ли я?', 'посмотрим ли мы?'.

Будущее определенное время в саларском языке характеризуется формантом *-ʔur*, синонимичный вариант которого *-ʔa(r)* выступает иногда в 1-м лице, но чаще всего во 2-м и 3-м лицах. Эта форма будущего времени не свойственна современным тюркским языкам (встречается только в некоторых устойчивых сочетаниях), составляя, таким образом, особенность саларского языка.

Отрицательная форма этого времени неупотребительна, ее заменяет соответствующая форма будущего неопределенного времени (см. ниже).

Другие производные формы (возможности, невозможности) образуются по типу кыпчакских языков.

Будущее неопределенное время

Обозначает действие, возможность совершения которого для говорящего неизвестна. Показатели времени: *-er* (< *-yr* // *-ir*) после основ с конечной согласной и *-r* — после основ с конечной гласной. Ударение падает на основу глагола.

Положительная форма:

men (piser) jánšyr 'я скажу (пожалуй)', 'мы скажем (пожалуй)' и т. д.

Отрицательная форма:

основа глагола + аффикс *ma//me + s* (//r во 2-м и 3-м лицах): *men(piser) janšemes* 'я не скажу (пожалуй)', 'мы не скажем (пожалуй)' и т. д.

Форма возможности:

основа глагола + аффикс времени: *men (piser) janšatyr* 'я смогу сказать (пожалуй)', 'мы сможем сказать (пожалуй)' и т. д.

Форма невозможности:

основа глагола + аффикс *-ma//me + s* (//r для 2-го и 3-го лиц): *men (piser) janšatmes* 'я не смогу сказать (пожалуй)', 'мы не сможем сказать (пожалуй)' и т. д.

Вопросительная форма:

основа времени + вопросительные частицы: *men (piser) janšyr mo? (mi? mi? o? u? i?)* 'скажу ли я (пожалуй)?', 'скажем ли мы (пожалуй)?' и т. д.

Будущее неопределенное время в саларском языке совпадает по форме с настоящим временем обычного действия. Разница между ними только в ударении: в настоящем времени ударение падает на формант, а в будущем переходит на основу.

Все производные формы обеих времен также совпадают.

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

По логическим основаниям 1-е лицо отсутствует, а 2-е и 3-е лицо совпадают с основой глагола.

Для усиления повелительной формы к основе часто прибавляются безударные частицы *-tuqu*, *-ju*, *-ja*, *-ju*, *-pa*:

2-е л. *sen (seler) e'ttuqu!* (*-ju!* *-ja!* *-ju!* *-pa!*) 'ты делай!', 'вы делайте!'

3-е л. *vu(vutar) e'ttuqu!* (*-ju!* *-ja!* *-ju!* *-pa!*) 'пусть он делает!', 'пусть они делают!'

Из производных форм в повелительном наклонении употребляется только отрицательная. Она образуется путем присоединения к основе глагола аффикса *-quma//kūma* (*-ma + qu//ma + kū*), где *-ma* — аффикс отрицания, а *-qu//kū* — частица:

2-е л. *sen(seler) e'tkūma* 'ты не делай!', 'вы не делайте!'

3-е л. *vu(vutar) e'tkūma* 'пусть он не делает!', 'пусть они не делают!'

Формы повелительного наклонения глагола в саларском языке отличаются от соответствующих форм других тюркских

языков, например огузской или кыпчакской групп, главным образом тем, что в них отсутствуют личные показатели. Но раньше в саларском языке существовали личные показатели форм повелительного наклонения. С XV в. начинается их стирание и постепенное исчезновение из живой речи саларов.

Реальность этого процесса подтверждает материал фольклора и рукописных саларских книг. Так, в старых женских песнях (*saγuš*) встречаются формы 2 и 3-го л. повелительного наклонения с личными аффиксами *(-y)uys//(-i)vis-syn*, которые теперь почти не осознаются:

*any tepor jaxši jamenni kune
iiki s'u'psez'uh sürinischāna!*

'говоря это в хорошие и плохие дни,
двумя вениками подметайте!'

*Mini artyma ax arfane
kormäji ka ačit'ur kijsyn-jol*

'Пусть за мной последует жизнь,
которая раскрется как жареные зерна
белого ячменя!'

В небольшой рукописной книге «Dua-i Puru», написанной около 200 лет назад в Сенгыре, есть фраза, которая содержит повелительную форму с аффиксом 3-го лица *-sun*: *بوشکیل نی bu šekil-ni baq(a)tasun* 'пусть почитают это изображение!'

ЖЕЛАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

В саларском языке пожелания передаются несколькими способами.

1. Основа глагола + аффикс *-γu/-gi*, *-qu//ki* для 1-го и 3-го лиц, во 2-м лице — основа глагола в сопровождении частиц *-ju*, *ja*, *-ju*, *-pa*: *men (piser) atγu* 'возьму-ка я!', 'возьмем-ка мы!'; *sen(seler) atju(-ja, -ju, -pa)* 'возьми-ка ты!', 'возьмите-ка вы!'; *vu (vutar) atγu* 'взять бы ему, ей!', 'взять бы им!'

Из производных форм употребительна только отрицательная форма. Она образуется посредством аффикса *-ma//me*: *men (piser) almaγu* 'не брать бы мне!', 'не брать бы нам!'; *sen(seler) atquma* 'не брать бы тебе', 'не брать бы вам!'; *vu (vutar) almaγu* 'не брать бы ему, ей!', 'не брать бы им!'

Этот вид саларского желательного наклонения легко истолковывать на материале языков кыпчакской группы, в которых имеется форма с аффиксом *-qaj//gej*, *-qaj//kej*, состоящим из широкой гласной *a//e* и конечного *j*. Такие же глагольные

формы встречаются в саларских рукописях, например в «Dua-i Rigi»: باعالنجاى *ba'at(a)n'aj* 'да будет почитаема!'.
Современный саларский аффикс -гу, таким образом, может быть возведен к кыпчакскому *ʒaj*.

2. Основа глагола + аффикс -а, -al, -ale: *sora||soral||sorale* 'спроси-ка!'.
Из производных форм встречается лишь отрицательная форма, которая образуется по схеме повелительного-наклонения: *sorquma* 'не спросим-ка!'.
Этот вид желательного наклонения носит менее продуктивный характер, чем предыдущий.

Аналогичные формы имеются в огузских языках. Так, в туркменском языке аффикс -atyl/-eli образует форму, относящуюся не менее чем к двум лицам. В азербайджанском языке аффикс -a//e входит в состав формы, употребляющейся в трех лицах и обоих числах. В турецком языке аффикс -a//e встречается во всех лицах и числах, в 1-м лице множественного числа за ним следует элемент -tym//lim, принимающий на себя ударение, т. е. -atý-m//elí/m.

3. Особый оборот: основа глагола + аффикс -gu//gü, -qu//kü + аффикс -v или -su + глагол *kel-* 'приходить'; изменяется только вспомогательный глагол. Все сочетание передает пассивное желание, которое удобнее всего перевести на русский язык словом «хочется».

1-е л. *men(piser)jürgüsy||jürgün keler* 'мне хочется идти', 'нам хочется идти',
2-е л. *sen(seler)jürgüsy||jürgün keler* 'тебе хочется идти', 'вам хочется идти',
3-е л. *vu(vular)jürgüsy||jürgün keler* 'ему, ей хочется идти', 'им хочется идти'.

Отрицательная и вопросительная формы образуются по схемам, приведенным выше.

Из двух приведенных разновидностей этого оборота наиболее употребителен с аффиксом -ısy.

Этот оборот речи привнесен в саларский язык из кыпчакских языков, где он конструируется по тому же самому образцу.

В саларском языке дифференциация по лицам и числам утрачена и парадигма оборота, ранее единая, распалась на две.

УСЛОВНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Условное наклонение в саларском языке имеет в составе условной формы аффикс *se(<-sa//se)*.

Положительная форма:

men(piser) oxuse 'если я читаю', 'если мы читаем' и т. д.

Отрицательная форма:

основа глагола + аффикс -ma//me + аффикс -sa//se: *men(piser) oxumasa* 'если я не читаю', 'если мы не читаем' и т. д.

Форма возможности:

основа глагола + at- + аффикс -sa//se: *men(piser) oxytse* 'если я могу читать', 'если мы можем читать' и т. д.

Форма невозможности:

основа глагола + at- + аффикс -sa//se: *men(piser) oxytse* 'если я могу читать', 'если мы можем читать' и т. д.

Форма невозможности:

основа глагола + at- + аффикс -ma//me + аффикс -sa//se: *men(piser) oxytmese* 'если я не могу читать', 'если мы не можем читать' и т. д.

Вопросительная форма условного наклонения не употребляется.

Саларское условное наклонение, как видно из примеров, имеет те же показатели, что и соответствующее наклонение в огузских или кыпчакских языках. Но в саларских формах нет аффиксов для лиц и чисел. Однако примерно до XVII—XVIII вв. личные аффиксы условного наклонения в саларском языке существовали. Они представляли собой аффиксы принадлежности, как и в современных тюркских языках, о чем свидетельствует, например, следующая строчка одного из сагышей:

ajetyyny o'tasynda turma zizy k'a ziläsen...

'если посадили (бы меня) как рассадку редьки посреди своего двора'

Аффикс -sen (<-se + v) в сознании говорящих не содержит уже в себе никакого понятия лица, но элемент -se как показатель наклонения осознается вполне реально.

Формы возможности и невозможности глаголов в условном наклонении в саларском языке образуются по типу кыпчакских языков.

ПРИЧАСТИЯ

В саларском языке имеются следующие причастия:

1) прошедшего времени: аффикс *ʒan//gen, -qan//ken*, например, *atʒan a't* 'купленный конь', *piçtigen sin* 'написанное письмо', *içken su* 'выпитая вода';

2) ближайшего будущего времени: аффикс *-ʒur//gür, -qur//kür* + *tigen* (от глагола *ti-* 'говорить', 'сказать'), например, *atʒur tigen zorax* 'шапка, которую купят (сейчас)', *jaqqur tigen jaʒmur* 'дождь, который вот-вот пойдет'.

ДЕЕПРИЧАСТИЯ

Деепричастия образуются при помощи следующих аффиксов:

1) аффикса *-a//e*. Обозначает действие, которое совершается одновременно с действием главного глагола, встречается в удвоенном виде: *janfa-janfa* 'говоря', *jüre-jüre* 'идя';

2) «нулевого» аффикса (<-p), особенно в слитных формах. Обозначает действие, предшествующее действию главного глагола: *janke(l)miš* (<*jan-yp kelmiš*) 'прибыл' (<'вернувшись пришел'); *atparzi* (<*at-yp parzi*) 'унес' (<'взяв ушел'); *vaх verzi* (<*vaх-yp verzi*) 'взглянул' (<'посмотрев дал');

3) аффикса *-z'ana*. Имеет временное значение, передаваемое по-русски оборотом «после того как...»: *a't minz'ana* 'после того как сел на коня'; *хи z'ana* 'после того как встал';

4) аффикса *qunz'uh//günz'uh*, *qunz'uh//künz'uh*. Обозначает время с оттенком «пока...»: *sen jürgünz'uh* 'пока ты ходишь'; *gunzo e'kunz'uh* 'пока работают';

5) аффикса *-qany//gane*, *-qany//kane* или *-qaty//gale*, *-qaty//kale*. Передает временной оттенок «после того как...»: *kun usunqanu* 'после того как нагрел солнце'; *vu jigale* 'как только он съест';

6) аффикса *-qyşli//geşli*, *-qyşli//keşli*. Обозначает временной оттенок «как только...»: *sen vaqyşli (z'uh)* 'как только ты отправишься'; *men xogyşli(z'uh)* 'как только я встал'.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Производные глагольные основы образуются от имен и глаголов.

От имен глаголы образуются посредством аффиксов:

-ta//le: *z'ötta-* 'советовать' (от кит. *z'üan-*), *toile-* 'применять' (от кит. *dui-ü*);

-na//ne: *zotta-* 'притворяться' (от кит. *zuav*), *z'euna-* 'расти' (от кит. *z'au*);

-a//e: *jafa-* 'жить' (*jaf* 'возраст'), *ojna-* 'играть' (*ojun* 'игра'), *sana-* 'считать' (*san* 'счет').

От глаголов вторичные основы могут быть получены:

1) аффиксальным способом, дающим следующие формы залогов:

а) взаимного с аффиксами *-yş//iş*, *-ş*: *vuryş-* 'биться', 'сражаться' (*vur-* 'бить'), *kuriş-* 'видеться' (*kôr-* 'видеть');

б) возвратного с аффиксами *-yn//in*, *-n*; *körin-* 'показаться' (*kôr-* 'видеть'), *jasan-* 'наряжаться' (*jasa-* 'делать', 'устраивать');

в) страдательного с аффиксами *-yt//il*, *-l*: *satyt-* 'быть'

преданным' (*sat-* 'продавать'), *aşil-* 'быть открытым' (*aş-* 'открывать');

г) пассивного с аффиксами *-tyr//ter*: *jürtyr-* 'заставить ходить' (*jür-* 'ходить', 'идти'), *e'tter-* 'заставить делать' (*e't-* 'делать'), *tihter-* 'заставить шить' (*tiht-* 'шить');

-t: *paştat-* 'заставить возглавить, руководить' (*paşta-* 'руководить', 'возглавлять');

-ar//er: *z'ixar-* 'вытащить' (*z'ix-* 'выходить');

-şus//güs: *kögüs-* 'показать' (*kôr-* 'видеть');

2) при помощи вспомогательных глаголов, придающих глаголу различные оттенки протекания действия; главный глагол употребляется в форме деепричастия на *-p*, аффикс которого почти всегда опускается: *oxutos-* 'прочитать (до конца)' <*oxup + tos-* 'кончить'; *piçtiver-* 'написать (для кого-либо)' <*piçtip + ver-* 'дать'; *z'ixkiş-* 'появиться (внезапно)' <*z'ixup kel-* 'приходить'; *z'ihpar-* 'вытягивать', 'тянуть (длительно)' <*z'ixip par-* 'отправиться'.

СИНТАКСИС

Основным моментом саларского синтаксиса, как и тюркского синтаксиса вообще, является правило: всякий подчиненный элемент предшествует подчиняющему. Этому правилу следуют и словосочетания и предложения. Так, в словосочетании «определение — определяемое» первый член сочетания почти всегда находится перед связанным с ним по смыслу вторым членом.

Определениями могут быть прилагательные, числительные, местоимения, существительные: *zat'ax taf* 'большой камень', *qyşyt alima* 'красная вишня', *uş kurgunz'uh* 'три голубя', *pu qataşu k'içi?* 'из какой местности этот человек?', *mimi-luh ton* 'плащ из перьев'.

Иногда, наоборот, определяемое стоит перед определением, которое тем самым усиливается: *kurgunz'uh uş uşip kijmiş* 'три голубя прилетели'.

При склонении такого сочетания изменяется определение, которое при обычном порядке членов остается неизменным: *ana uşa pellemiş* 'превратились в трех девушек', но: *zimenar anaşa sorci* 'спросил у красивой девушки'.

Особый тип представляет собой словосочетание, в котором определением является существительное. Определение тогда несет функцию относительного прилагательного. Такие сочетания, приобретающие иногда устойчивый характер, в грамматиках тюркских языков именуются термином «изафет».

В саларском языке, как и в других тюркских языках, изафет бывает трех видов:

1) определение — существительное, обозначающее вещество, материал, состав. Определение и определяемое связаны синтаксически только порядком слов, морфологические показатели отсутствуют: *temur qazan* 'железный котел' (букв. 'железо-котел'), *jez'a* 'чай с закуской' (букв. 'закуска-чай').

При посредстве этого вида изафета комплектуются собственные имена: *Taf kaga* 'Каменный брат' (букв. 'камень-старший брат'), *Agaf kaga* 'Деревянный брат' (букв. 'дерево-старший брат'), *Juttus ana* 'Звездная девица' (букв. 'звезда-девица');

2) определение обозначает недифференцированную общность, к которой относится слово, служащее определяемым. Кроме порядка слов, оба члена изафета соединены еще аффиксом принадлежности 3-го лица при определяемом: *oj edegi* 'домовая крыша', *kejšov pazary* 'городская стена', *aguf paçu* 'сельский сад', *quf pačasy* 'детеныш птицы';

3) определение обозначает определенный предмет и конкретнее, чем в предыдущих видах изафета, выражает понятие принадлежности. Определение стоит в форме родительного падежа, определяемое снабжено показателем принадлежности 3-го лица: *ijimni(gi) pačasy* 'дети моей матери', *apani(gi) oty* 'сын отца', *salarni(gi) liši* 'история саларов'.

В саларском языке, как и в других тюркских языках, в простом распространенном предложении наблюдается твердый порядок слов: Первое место в предложении занимает подлежащее, за ним следуют обстоятельства, затем дополнения (сначала косвенное, после него — прямое) и на последнем месте — сказуемое. Обстоятельства (времени, места и др.), относящиеся ко всему предложению в целом, выносятся обычно перед подлежащим: *itisyňa ručosy taqqa jirtux vurma vamış* 'утром те пошли в горы охотиться', *inzi jogutni Koşkur-ořtana aš hamış* 'и вот служанка юноше Коскуру понесла пищу'.

Один или несколько членов предложения в связной речи могут опускаться, и предложение тогда становится неполным.

Приведенный выше порядок слов отражает спокойную повествовательную речь. Но живая, народная речь почти всегда эмоционально окрашена, поэтому во фразе то или иное слово имеет логическое ударение.

Достигается это тем, что выделяемое слово передвигает-

ся непосредственно к сказуемому и произносится повышенным тоном. Порядок слов, естественно, нарушается.

Предложения инверсивного типа — норма живой речи: *jarutnyu jolta jogutni jejmiş* 'Половину [лепешки] в пути служанка съедала' (акцентируется — подлежащее); *inzi kurgunž'uh ili koš-koš enmiş* 'Вот голубки сначала парами прилетели' (под логическим ударением — обстоятельство образа действия); *matla-matla, Kuşkur-ořtannige qanyny qata t'omış* 'Молла-молла, кровь юноши Кузкура где пролилась?' (под логическим ударением — обстоятельство места); *piř zanzu kajna apasyna hamış* 'Одну чашку своему свекру отнесла' (под логическим ударением — косвенное дополнение).

Связкой при именном сказуемом служит аффикс *-tyr||-ter* или слово *iter*: *pu oj minigidyr* 'этот дом — мой'; *pu a'tž'uh jahsi a'ttyr* 'этот конь хороший конь'; *men sini(gi) kujun iter* 'я твой муж'; *pu zanzu sini(gi) ider-o?* 'эта чашка твоя ли?'.²⁷

В саларском языке встречаются предложения, построенные с участием китайской связки *ši* 'есть', 'имеется'. Структура таких предложений подобна китайской — связка *ši* находится в середине предложения, тогда как по закону тюркского синтаксиса связка должна занимать конечное положение (ср. *-tyr* и *iter*): *Sevyr ši tafanden fyttapagane* 'Сенгыр — то, что возникло от старшей жены'; *Čizy ši rytaxqa vagane, anta otyrgane* 'Чизы — [селения] тех, кто ходил на охоту и там поселился'; *Čaga ši Qaramannige avunige ajuš o'mış* 'Чага — то, что [образовалось] от поселения брата жены сына Карамана'.

С целью усиления логического ударения на именной части сказуемого связка *ši* сопровождается аффиксом *-tyr||-ter*: *Altijuli še ulli zamara'ttera* 'Алтиюли — великая община!'.²⁸

Связки *ši* нет ни в одном из тюркских языков. Встречается она в дунсянском языке, несущем на себе, как и саларский язык, заметное китайское влияние.

Переходя к сложному предложению, следует сказать, что в саларском языке отсутствуют союзы. Соединение придаточного предложения с главным происходит обычно бессоюзным путем, или мысль, сложная по содержанию, дробится на части, которые передаются простыми предложе-

²⁷ 呂叔湘中國文法要略 (Люй Шу-сян, Очерки грамматики китайского языка, 2 изд., Шанхай, 1957, стр. 61—63); G. V. Gabelenz, *Chinesische Grammatik*, Leipzig, 1881, Ss. 203, 443.

²⁸ Б. Х. Тодаева, *Монгольские языки и диалекты Китая*, стр. 105; Б. Х. Тодаева, *Дунсянский язык*, стр. 62.

ниями: *sajj jere salinmis, inzi Kuzkur-oʻtan anigi saʻini taʻyulʻana ruxqa zʻuxpamiʻ* '[когда] волосы ее свесились до земли, юноша Кузкур, ухватившись за ее волосы, поднялся на [верх] здания'.

Условные придаточные обычно не имеют персидско-таджикского союза *eger: ara ixtasa, niʻzʻili ixtar, ujenise, niʻzʻili ujenir?* 'если отец спит, то как [он] спит, а, если просыпается, то как [он] просыпается?'; *ojene kese, nene piʻr kijnine Xorkekir zʻixpamiʻ* 'когда он пришел домой, то [оказалось], что Хоркекир унес еще одну его жену'.

Деепричастные обороты со своим подлежащим соответствуют одному из видов русского придаточного: *inzi ojina varʻzʻana apasy anasyna jaʻamiʻ: ana, sawa kujyr akelʻzi — kamaʻkuar!* 'вот когда [они] пришли домой, отец сказал дочери: дочь, тебе жениха привез — глупец он'; *awa Agukaraji diʻzʻana anur vumiʻ* 'у него была дочь, которую звали Агукараджи'.

ЛЕКСИКА

Лексика саларского языка далеко не однородна по составу. В ней отразились разного рода влияния, связанные с тем или иным периодом истории саларов. Одни из них — только исторический факт и давно отошли в прошлое, другие — вошли в традицию, стали необходимостью и продолжают развиваться и теперь.

Основу саларской лексики составляют слова огузского происхождения, т. е. слова, встречающиеся в современных языках юго-западной, или огузской, группы, например:

tün 'вчера', тур. *dün*, турк. *cün*, азерб. *dünän*;

öle||ölle 'полдень', тур., турк. *öjle*;

sax 'правая сторона', тур. *sağ*, турк. и азерб. *sağ*;

el 'кисть (руки)', тур. *el* 'кисть (руки)', азерб. *əl* 'кисть (руки)', турк. *el* 'рука', 'кисть (руки)';

jaʻyur 'плечи', тур. *jağur* 'холка', 'загривок (у лошади)', а также 'ссадина', 'рана, натертая седлом', турк., азерб. *jaʻyur* 'ссадина';

pele(si) 'такой', турк., *bejle*, тур. *böyle*;

eli(si) 'такой', турк. *öjle||ejle*, азерб. *elä*, тур. *öjle*; и др.

Огузский слой лексики — основной и вместе с тем самый древний. Сравнительно с ним более поздний слой саларской лексики — кыпчакский. К нему относятся слова и выражения, употребительные в современных языках, именуемых кыпчакскими. Кыпчакская струя влилась в саларскую лексику в тот период, когда салары, живя на западе, тесно соприкасались с кыпчакскими племенами. Примеры:

öj 'дом', каз., к.-калп., ног., кум. *üj*, тат., башк., уйг., турк. *öj*, но тур. и азерб. *ev*;

nege 'зачем', 'почему', тат. *nigä*, башк. *nigä*, ног., к.-калп., кум. *nege*;

qaʻan||qajʻan 'когда', тат., башк., кум., уйг. *qaʻan*, каз., ног., к.-калп. *qaʻan*, турк., азерб. *haʻan* и старотур. *qaʻan*; *qata||qajda* 'где', каз., ног., к.-калп., тат., уйг. *qajda*, башк. *qajza*;

voʻt||boʻt 'стать', тат., башк. *but-*, ног., к.-калп., каз., кум., уйг. *boʻt*, турк. *boʻt* тур. и азерб. *ot-*.

Из этих простых сопоставлений выясняется, что кыпчакское влияние задело не только саларский, но и туркменский язык. По классификационному признаку *boʻt* саларский язык сближается с туркменским и отделяется от других языков огузской группы.

И огузский и кыпчакский слои вместе взятые образуют тюркский фонд саларской лексики. Очень рано в него стали проникать иноязычные слова.

Слой арабско-персидских слов и речений начал внедряться в саларскую лексику с проникновением к саларам (resp. огузам) ислама, т. е. не ранее X—XI в.

Займствований арабского и персидского происхождения в саларском языке сравнительно немного, меньше, чем, например, в уйгурском или турецком языках. Многие из них перешли в разряд архаизмов и малопонятны народной массе. Примеры:

tunja 'мир', 'свет', восходит к араб. *دنيا*; *zamaraʻt* 'об-

щество', 'община (религиозная)', восходит к араб. *جماعة*.

semzem 'чистая, вкусная вода', восходит к араб. *زمزم*;

'Земзем (колодец при храме Кааба в Мекке)'; *selam* 'мир',

'благополучие', восходит к араб. *سلام*; *semin* 'земля'; 'почва',

восходит к перс. *زمین*.

Износ и сокращение арабско-персидской лексики совершается под китайско-тибетским воздействием. Это — для саларского языка наиболее поздний слой словаря.

Займствование саларами китайских и тибетских слов началось с XV в., с того времени, как они поселились в провинции Цинхай в соседстве с китайцами и тибетцами-тангутами²⁹ и между ними установился контакт.

Трудно говорить пока об относительной величине различных слоев иноязычной лексики в саларском языке, а priori

²⁹ Ю. Н. Рерих, *Тибетский язык*, М., 1961, стр. 123.

можно сказать, что тибетских слов меньше, чем китайских. Тибетские слова большей частью связаны с бытом. Примеры: *ama* 'мать', восходит к амдоскому *a-ma* / *a-mā* (GdR, 158)³⁰; *rytax* 'охота', восходит к амдоск. *ry-daγ* (GdR, 146); *tanxi* 'поперечные балки потолка', восходит к амдоск. *dā-wō* (GdR, 129); *jitov* 'меч' (букв. 'длинный нож'); *xara* 'собака', иногда *xara-gu* (тиб.-кит.)

Китайских слов в саларском языке очень много. Многие из них не претерпели даже фонетических изменений, т. е. произносятся саларами точно так, как и в китайском языке. Слова заимствованные из китайского, относятся к самым различным сторонам жизни: государственной, административной, культурной, бытовой и т. д. Примеры:

kuu 'государство', из 国 *go*;
šanzap 'начальник уезда', из 縣長 *čian zap*;
tošu 'учитель', из 老師 *tao ši*;
čin 'письмо', из 信 *cin*;
zomen 'секта' из 教門 *čiao mун*;
z'a zip 'чайная чашка', из 茶盅 *z'a zip*;
van 'сеть' из 網 *van*;
tinžir 'наперсток', из 頂金兒 *dižener* и др.

Китайские слова вливаются широким потоком в саларский язык через школу, печать, радио. Особенно бурно этот процесс идет в наши дни.

МЕСТО САЛАРСКОГО ЯЗЫКА В СИСТЕМЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

В саларском языке причудливо сплелись многие элементы как родственных ему, так и неродственных языков.

В прошлом на язык саларов, язык огузской ветви, наслились элементы кыпчакских языков. В результате этого в дательном падеже появились два ряда аффиксов, характерных для южных и северных тюркских языков: *-a* / *-e* и *-γa* / *-ge*, родительный и винительный падежи совпали в одной форме *-ni*, в глаголе соединились два не терпящих друг друга прошедших времени на *-γan* и *-miş*, а производные формы времен стали целиком кыпчакскими. Такой же параллелизм установился и в лексике саларского языка.

Проникновение кыпчакских элементов шло до кон-

³⁰ G. de Roerich, *Le parler de l'Amdo, Etude d'un dialecte archaïque du Tibet*, Roma, 1958; p. 158.

ца XIV в., т. е. до переселения саларов в Китай. Дата берется условно, поскольку конец XIV — начало XV в. — это рубеж, на котором кончается кыпчакизация саларского языка и возникает новый этап его истории. С этого времени саларский язык начинает соприкасаться с далекими от него по строю китайским и тибетским языками. В саларский язык на этот раз внедряются неродственные элементы, отчетливо заметные на фоне тюркских языков. Полностью перестраивается система согласных и устанавливаются ряды сильных и слабых глухих. Тюркские числительные почти стираются, исчезает личное спряжение глаголов и имен. В синтаксисе закрепляется китайская связка *ši*, создающая качественно отличную от тюркской структуру предложения с именным сказуемым. Очень много заимствований проникает из китайского и тибетского языков в лексику саларского языка. И теперь и в будущем китайский язык — активно действующий фактор в изменении структуры саларского языка.

Поскольку саларский язык несет в себе черты и огузских, и кыпчакских языков, то, следовательно, его нельзя отнести ни к тем, ни к другим.

Поэтому С. Е. Малов в системе классификации А. Н. Самойловича совершенно справедливо включил саларский язык в среднюю³¹, а не северо-восточную группу, как это сделал А. Н. Самойлович³².

В классификации тюркских языков А. Н. Самойловича средняя группа включает в себя язык хивинских узбеков, кыпчакский в своей основе, но несущий в себе заметную примесь элементов специально юго-западных³³. Таким образом, саларский язык и язык хивинских узбеков занимают прямо противоположные позиции: у саларского языка основа — огузская с кыпчакскими заимствованиями, у языка хивинцев, наоборот, — основа кыпчакская с огузскими заимствованиями. Поэтому среднюю группу целесообразно разделить на две подгруппы: 1) огузско-кыпчакскую (сюда включить саларский язык) и 2) кыпчакско-огузскую (к ней отнести язык хивинцев).

В классификации Н. А. Баскакова саларский язык входит в карлукскую группу³⁴, но, исходя из тех же сообра-

³¹ С. Е. Малов, *Изучение живых турецких наречий Западного Китая*, — «Восточные записки», I, Л., 1927, стр. 163—172.

³² А. Самойлович, *Некоторые дополнения к классификации тюркских языков*, Пг., 1922, стр. 8, 13, 15.

³³ Там же, стр. 13.

³⁴ Н. А. Баскаков, *К вопросу о классификации тюркских языков*, — «Известия АН СССР, ОЛЯ», т. XI, вып. 2, М.—Л., 1952, стр. 134.

жений, этот язык скорее всего следовало бы отнести в огузо-булгарскую подгруппу огузской группы.

В классификации С. Е. Малова саларский язык включен в группу новых тюркских языков вместе с туркменским, турецким, азербайджанским, кыпчакско-половецким и чагатайским языками³⁵.

³⁵ С. Е. Малов, *Древние и новые тюркские языки*, там же, стр. 142—143.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОБРАЗЦЫ ТЕКСТОВ

Pir jil pân gunzo bâllize. Arcygy jil xucuzu bâllize. Andan arcy jil tutişi zûnnaze. Andan arcy jil klutişe zûnnaze. Katişe tat'yx tûji uş vaŭ. Kiz'i tûji on iſke vaŭ. Paçoze pallagane içe zûnge içter. Ihkine: poſce, arfa, ruſax, jasmixle, saŭät, qonaſ, janja, kijzy čoutyŭ — pu-čostyr, qia, lazy; samſax, soŭän, fune koutagane; agačči, čize sür-güči, termen ühküče, jeŭ pasquče.

(Записано со слов жителя села Улагыл по имени Хай Йисо, 57 л. 6 мая 1957 г.)

БУКВАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД

Один год группа взаимопомощи организовалась. Следующий год группа взаимопомощи образовалась. Потом другой год кооператив начальной степени образовался. Потом другой год кооператив высшей степени образовался.

Кооператив высшей степени большой бригады-его три-есть. Маленькая бригада-его двенадцать-есть. Вот эти занятия-его, дело-его — хлебное дело-есть. Посеянное-его: пшеница, ячмень, горох, бобы, гречиха, кукуруза, картофель, горчичные семена, овес — вот все-есть, [еще] дыня, перец, чеснок, лук, дополнительные занятия-его: обработка дерева, телега погонщик, мельница мушций, масло давящий.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕВОД

В таком-то году организовали группу взаимопомощи. На следующий год организовали другую группу взаимопомощи. Затем на другой год создали кооператив начальной степени. Потом еще на следующий год создали кооператив высшей степени. В кооперативе высшей степени есть три большие бригады. Маленьких бригад всего двенадцать. То, чем они занимаются — земледелие. Выращивают пшеницу, ячмень, горох, бобы, гречиху, кукурузу, картофель, горчичные семена, овес — вот все это, и еще — дыню, перец, чеснок, лук; дополнительные занятия: обработка дерева, извоз, мукомольное дело, маслоделие.

Puře vumeš. Got t'üne kijmiš. A'tur kórmeš. A't patčyx išina tux-yimeš. Puře a'ta jašaže:—a't, men seni jegar-a! tijži.

—Meni piligi jina? kur-i? Patčyx išinden meni sūre-te tašinda ji! dimiš.

Tašina sār(e)meš. Tašinda a't jašaži:

—meni peljehemni ary'ty sen je!

A't puřeni bir t'o'z'i. A't qa'z'i.

Puře janšaži:—a'tni patčix išina suregen kušli puři, a'tnigi patčygyn ary'qan ary puře, a'tnigi japačyn jegen iškin puřu.

(Записано со слов жителя селения Уджирем, по имени Ха Ми-ду, 40 л., 18 июня 1957 г.)

БУКВАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД

Сказка

Волк был. Река низ-его пришел. Коня увидел. Конь грязь внутри-его попал. Волк коню сказал:

— Конь, я тебя съем-а?— сказал.

— Меня такого съев зачем делать? Грязь изнутри-его меня вытащи и снаружи ешь!— сказал.

Наружу вытащил. Снаружи конь молвил:

— Меня грязь-мою очистив, ты ешь!

Конь волка вдруг ударил. Конь убежал.

Волк сказал:

— Коня грязь внутри-его извлекший сильный волк, коня грязи-его очистивший чистый волк, коня оплеуху-его съевший жалкий волк!

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕВОД

Сказка

Был некий волк. Пришел (он) к низовью горной речки. Увидел коня. Конь увяз в грязи. Волк сказал коню:

— Конь, я тебя съем-а?

— Зачем есть меня такого? Из грязи меня вытащи и на воле съешь!— сказал конь. (Волк) вытащил (коня). На воле конь молвил:

— Очисти меня от грязи и ешь!

Конь вдруг лягнул волка и убежал. Волк сказал:

— Вытащивший коня из грязи — сильный волк, очистивший коня от грязи — чистый волк, получивший оплеуху от коня — жалкий волк!

Satar jiry

Men sana vuli-ju!

Išken sanzymny

i'ötur tumžuxli

čirama koje.

Išken čukumne,

išken sanzymny

išči čuguna

k'ötur-u čüjip,

(Записано со слов жителя селения Хозагач, по имени Тшамо, 30 л., 9 мая 1957 г.)

БУКВАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД

Саларская песня

Я тебе буду-ка!

Съеденный чашку-мою

четыре угла

столу-моему положу-ка.

Съеденный койзы-мои,

съеденный чашку-мою,

верх-его пиз-на

мост поставив,

ай-я моя,

ты пара молодушка.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕВОД

Саларская песня

Буду-ка я твоим!

Чашку, из которой пью,

на четырехугольный

стол поставлю-ка я!

Палочки, которыми ем,

чашку, из которой пью,

на столе

горкой сложу-ка я!

Ай-я, мои

вы пара молодушек!

СЛОВАРЬ

agačči 'столяр'

aj-ja междометие

andan 'потом', 'затем'

arcy: arcy jil 'другой год'

arcygy: arcygy jil 'следующий

год', см. arcy

arfa 'ячмень'

ary 'чистый'

ary't- 'очистить'; ary'ty < ary'typ

'очистив'; ary'qan < ary'tqan

'очистивший'

a't 'конь',

a'tur см. a't

b

bälli- 'организовать'

bir см. pir.

4*

čize (кит. 車子 чэ-цза) 'телега';

čize sürgüči 'извозчик'

čoty 'овес', ср. тур. čavdar

'рожь'

čugu 'низ', 'нижний'

čäku 'палочки для еды'

čüj- 'класть'

č

čira 'стол на кане', ср. монг.

širā(n)

žünge (кит. 種耕 чжун-гэн) 'хле-

ба', 'злаки'

d

di- см. ti-

f

fune (кит. 副業 *фу-е*) 'дополнительные промыслы'

g

got 'горная речка'
gunzo (кит. 工作 *гун-цзо*) 'работы'

i

ic 'дело', 'труд'
ih- 'сеять'
ij 'нутро', в функции служебного имени 'внутри'
ij- 'есть', 'кушать' (<'пить')
ijci 'верх', 'верхний'
ijkin 'жалкий' (ср. араб. *miskin*)

j

janja- 'сказать', ср. *jaša-* *jaša-javju* (кит. 洋芋 *ян-юй*) 'картофель'
jasmux 'бобы', ср. тур. *jasmuq* 'чечевица'
jaša- см. *janja-*, *jaša-*
jaša- см. *janja-*, *jaša-*
je- 'есть', *jegar* 'съем', ср. *ji-*
jei 'масло'
jet см. *jit*
jenko 'невестка', 'молодушка'
ji-: *jina'kur-i* < *jip nan e't-kur-i*? 'зачем есть?' см. *je-*
jit 'год',

Амечер k

katiše см. *kau tiše*
kau tiše (кит. 高級社 *гаоцзишэ*) 'кооператив высшего типа',
kiz'i 'маленький'
kijzy 'горчица', 'горчичное семя' (кит. 助組 *цзе цзы*)
kil- 'приходить', *kijmiš* < *kil-miš* 'пришел'
koj- 'класть', 'ставить'
kouta- 'делать', 'заниматься'
kôr- 'видеть'
kujli 'сильный'

k

k'otmur 'мост'

l

lazu (кит. 辣叔 *ла-цзяо*) 'перец' (стручковый)

m

mez 'я'
-то частица

o

on ijke 'двенадцать'

p

pačix см. *pačux*, *peljex*
pačux 'глина', 'грязь', ср. *pačix*, *peljex*
pačta- 'исполнять' (от кит. 辦 *бань*)
pas- 'давить', *jei pasquče* 'маслоделие'
pāv (кит. 帮 *бан*) 'помощь',
pāv gun zo 'группа взаимопомощи' (кит. 工組 *бан гун-цзу*)
peljex см. *pačux*, *pačix*
piligi 'такой'
pīr 'один' 'раз', 'вдруг'
poče 'пшеница'
pi cōze 'все это'
piče 'волк', ср. *piči*, *piču*
piči ср. *piče*, *piču*
piču ср. *piče*, *piči*
pučax 'голова'

q

qas- 'бежать'
qonax 'кукуруза'
qua (кит. 瓜 *гуа*) 'дыня'

s

sačāt 'гречиха'
samsax 'чеснок'
sanzy (ср. кит. 碗子 *вань-цза*) 'чашка'
sen 'ты'
sočāp 'лук'
sūr(e) 'тащить'

j

šarax 'удар', 'оплеуха'

t

taš 'наружная часть', в функции служебного имени 'снаружи'
tāt'ux 'большой'
termen 'мельница', *termen ūh-kūče* 'мукомол'
ti- 'сказать'
tumzuxli 'угловой'
tutiši (кит. 初級社 *чуцзишэ*) 'кооператив начального типа'
tūj (кит. 隊 *дуй*) 'отряд', 'бригада'
tuxyt- 'попадать', 'увязать (в грязи)'

z

zupna- 'создавать' (от кит. 造 *чэн*)

t'

t'ō- 'лягнуть' (<**t'ep-*)
t'etur 'четыре' (<*t'ot-ur*)
t'ūji 'низ', 'нижний'

u

uš 'три'

v

vu-: *viimes* < *vuč-meš* 'был', см.

vuč-

vuč- 'быть', 'стать',
var 'есть', 'имеется',
vač см. *var*

x

xičuzi (кит. 互助組 *хучжучэу*) 'группа взаимопомощи'

250205 223/14 БИБЛИОГРАФИЯ

- Баскаков Н. А., *К вопросу о классификации тюркских языков*, — «Известия АН СССР, ОЛЯ», т. XI, вып. 2, М.—Л., 1952.
- Гу Цзе-ган, *Саларские дунгане*, журн. «Известия северо-запада», № 10, 1947 (на китайск. яз.).
- Дмитриев Н. К., *Служебные имена в турецком языке*, — «Советское языкознание», III, Л., 1937.
- Кононов А. Н., *Родословная туркмен*, Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского, М.—Л., 1958.
- Люй Шу-сян, *Очерки по китайской грамматике*, 2 изд., Шанхай, 1957 (на китайск. яз.).
- Малов С. Е., *Отчет о путешествии к уйгурам и саларам*, — «Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии», серия II, № 1, СПб., 1912, стр. 98.
- Малов С. Е., *Изучение живых турецких наречий Западного Китая*, — «Восточные записки», I, Л., 1927.
- Малов С. Е., *Древние и новые тюркские языки*, — «Восточные записки», I, Л., 1927.
- Поливанов Е. Д., *Введение в языкознание для востоковедных вузов*, М., 1928.
- Потанин Г. Н., *Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия*, СПб., 1893.
- Поцелуевский А. П., *К вопросу о происхождении формы настоящего времени в тюркских языках юго-западной группы*, Ашхабад, 1947.
- Поярков Ф., Лидыгин В., *Салары* (этнографический очерк), — «Этнографическое обозрение», М., 1893.
- Рашид ад-Дин, *Сборник летописей*, М.—Л., 1952.
- Рерих Ю. Н., *Тибетский язык*, М., 1961.
- Самойлович А., *Некоторые дополнения к классификации тюркских языков*, Пг., 1922.
- Тенишев Э., *Из наблюдений над саларским языком (о влиянии китайского языка на саларский)*, — «Вопросы языкознания», № 4, М., 1961.
- Тенишев Э., *Отчет о поездке к уйгурам, саларам и сарыг-югурам*, — «Известия АН СССР, ОЛЯ», т. XX, вып. 2, М.—Л., 1961.
- Тодаева Б. Х., *Монгольские языки и диалекты Китая*, М., 1960.
- Тодаева Б. Х., *Дунсянский язык*, М., 1961.
- Фу Мао-цзы, *Фонемы пекинского говора и изображение их буквами*, — «Китайский язык», 1956, вып. 47, № 5 (на кит. яз.).
- Barthold W., *Turks*, — «The Encyclopaedia of Islam», IV, 1934.
- Besim Atalay, *Divanü Lûgat-it-türk tercümesi*, I, Ankara, 1939; III, Ankara, 1940.
- Clauzon G., *The initial labial sounds in the Turkish languages*, — «Bul-

- letin of the School of Oriental and African Studies University of London», v. XXIV, part 2, 1961.
- Gabelenz G. V., *Chinesische Grammatik*, Leipzig, 1881.
- Foy K. *Azerbaïjanische Studien* — «Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen», Jahrg VI. *Westasiatische Studien*, Berlin, 1903.
- Hartmann M., *Zur Geschichte des Islam in China*, Leipzig, 1921, «Harvard Journal of Asiatic studies», vol. XVI, 1953, N. 3—4.
- Kakuk S., *Texte salar*, — «Acta Orientalia», t. XIII, f. 1—2, Budapest, 1931.
- Kakuk S., *Un vocabulaire salar*, — «Acta Orientalia», t. XIV, f. 2, Budapest, 1962.
- Kakuk S., *Sur la phonétique de la langue salare* — «Acta Orientalia», t. XV, f. 1—2, Budapest, 1962.
- Meninski, Francisci Mesgnien, *Linguarum Orientalium, Turcicae, Arabicae, Persicae institutiones, seu Grammatica Turcica*, Wien, 1680.
- Poppe N., *Remarks on the salar language*, — «Harvard Journal of Asiatic studies», v. XVI, 1953.
- Radloff W., *Uigurische Sprachdenkmäler*, — «Materialien nach dem Tode des Verfassers mit Ergänzungen von S. Malov herausgegeben», Leningrad, 1928.
- Rockhill W. W., *Diary of a journey through Mongolia and Tibet in 1891 and 1892*, Washington, 1894.
- Roerich G., *Le parler de l'Amdo, Etude d'un dialecte archaïque du Tibet*, Roma, 1958.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
Введение	7
Фонетика	9
Гласные	9
Гармония гласных	10
Согласные	11
Шумные	11
Сонорные	14
Согласные в начале, середине и конце слов	15
Слог	16
Ударение	17
Морфология	18
Существительные	18
Прилагательные	22
Числительные	24
Местоимения	25
Наречия	27
Послелоги	28
Глагол	29
Изъявительное наклонение	29
Повелительное наклонение	36
Желательное наклонение	37
Условное наклонение	38
Причастия	39
Деепричастия	40
Словообразование	40
Синтаксис	41
Лексика	44
Место саларского языка в системе тюркских языков	46
Приложения	49
Образцы текстов	49
Словарь	51
Библиография	54

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
11	2 сл.	˘ над	ˆ под
17	15 сл.	экспираторное (˘) и тоническое (")	экспираторное (") и тоническое (˘)
29	13 св.	стр. 15	стр. 19

Заказ 963

Э. Р. ТЕНИШЕВ

САЛАРСКИЕ ТЕКСТЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Э. Р. ТЕНИШЕВ

САЛАРСКИЕ ТЕКСТЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1964

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ответственный редактор

А. Н. КОНОНОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В КНР живет много нацменьшинств, вносящих свой вклад в развитие культуры Китая. Среди них — небольшая тюркоязычная народность салары. Изолированное положение в течение большого периода времени позволило сохранить саларам много сомобытных черт в языке и культуре.

Салары сейчас не имеют своей письменности. При наметившейся тенденции к их ассимиляции ценнейшие для тюркологии материалы по языку и народному творчеству саларов могут быть безвозвратно утрачены для науки. Отсюда становится очевидной необходимость прежде всего публикации записей-текстов на саларском языке, сделанных автором.

Основная масса саларов в окружении китайского и тибетского населения живет в провинции Цинхай на высокогорной местности по берегам реки Хуанхэ, юго-восточнее озера Кукунор. Салары южного берега в 1954 г. образовали Саларский автономный уезд Сюньхуа. Саларов в уезде более 20 тыс. Разрозненные группы саларов имеются в соседней провинции Ганьсу, Синьцзян-Уйгурском автономном районе и в некоторых крупных городах на западе страны. Салары — народ земледельческой культуры, исповедуют ислам суннитского направления.

Китайские хроники упоминают саларов в первые годы правления династии Мин (1368—1644). Исторические предания самих саларов говорят о их переселении из Самарканда в Китай в 1370 г.

Предания очень популярны в народе, они бытуют и в прозе и в стихах. Раньше на свадьбах разыгрывалось целое драматическое действо — переезд родоначальника саларов Караманга с Кораном на белом верблюде и странствование его по Китаю. Предания донесли до нас отраженные события, которое безусловно было в действительности, но со временем реальные рамки его стерлись, и оно приняло поэтическую окраску легенды. Саларские легенды в свое время отмечались многими учеными и путешественниками.

Караманг фигурирует почти во всех версиях исторических легенд саларов. Род *караман* есть, как известно, в составе туркменского племени салыр. Совпадение этнонимов позволяет сближать саларов в первую очередь с туркменами, а через них — и с другими народами огузской группы. Но ни древняя, ни новая история саларов еще не написаны и ждут своего исследователя.

Впервые небольшой саларский текст вместе с отдельными словами и фразами записал Г. Н. Потанин во время своего пребывания у саларов¹. Некоторые фразы и слова записал посетивший саларов позже

¹ Г. Н. Потанин, *Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия*, т. II, СПб., 1893, стр. 426—434.

Г. Н. Потанина В. В. Рокхилл². Такие же разрозненные фразы и слова в конце прошлого века записал В. Ф. Ладыгин от двух саларов, оставившихся в Пишпеке (ныне Фрунзе) проездом в Мекку³. Записи В. Ф. Ладыгина, знавшего китайский язык, в фонетическом отношении очень точные. По ним легко угадать, что эти салары родом из восточной части уезда.

Со специально лингвистической целью ездил к саларам во время своего первого путешествия по Китаю С. Е. Малов⁴. Он записывал главным образом поэзию, но, к сожалению, не успел свой материал подготовить к печати, и тетрадка саларских стихов осталась лежать в его архиве.

Венгерский тюрколог С. Какук в 1960 г., будучи в Пекине, записала у работника Института языков нацменьшинств Академии наук КНР Хань Цзинь-е, салара по национальности, несколько сказок, песен и загадок⁵. Все это — очень и очень немного для научной разработки саларского языка. Во время командировки в КНР я побывал летом 1957 г. у саларов в различных районах национального уезда и вел там записи. Записывались на слух и на магнитофон в основном фольклорные тексты и отдельно (по составленной анкете) грамматический материал. Большая часть текстов составляет содержание этой книги. Тексты представлены образцами устной прозы и меньше — поэзии саларов. Такая пропорция не случайна: салары, мужчины и женщины, больше любили сказывать, чем петь или скандировать стихи. Они большие мастера художественного слова, тонко чувствующие ритм, оригинальность сюжета и красоту родной речи.

Многие рассказчики-салары без особых затруднений рассказывали по четыре-пять и более сказок, преданий или песен.

У некоторых рассказчиков был свой репертуар. Тем не менее трудно сказать, есть ли у саларов сказители-профессионалы, такие же, как, например, у казахов, киргизов, туркмен и лобнорцев. Обнаружить их мне не удалось.

Очень важно установить, насколько фольклорные тексты воплощают в себе народно-разговорный язык и, следовательно, пригодны для его изучения; «...начало искусства слова — в фольклоре», — писал М. Горький.

У народов, не имеющих давней письменно-литературной традиции на родном языке (к их числу относятся и салары), произведения фольклора прозаического жанра создаются на живом и общепонятном языке, выделяющемся, естественно, своей образностью⁶.

Другое дело поэтический жанр фольклора. Рудиментов старого языка он хранит в себе больше, чем проза⁷. Например, саларские *сагыши* (плачи невест по родительскому дому), исполняемые обычно женщинами, удержали под рифмой показатели личных глагольных форм, которые давно не употребляются в языке повседневном. Как образец этого

² W. W. Rockhill, *Diary of a journey through Mongolia and Tibet in 1891—1892*, Washington, 1894, pp. 373—376.

³ А. Поярков и В. Ладыгин, *Салары. Этнографический очерк*, — «Этнографическое обозрение», кн. XVI, № 1, М., 1893, стр. 32—36.

⁴ С. Е. Малов, *Отчет о путешествии к уйгурам и саларам*, — «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии», серия № 1, СПб., 1912, стр. 92.

⁵ S. Kakuk, *Textes salars*, — «Acta orientalia Academiae scientiarum Hungaricae», t. XIII, fasc. 1—2, Budapest, 1961, pp. 95—117.

⁶ Ср. W. Eberhard и P. N. Boratav, *Typen türkischer Volksmärchen*, Wiesbaden, 1953, S. 12.

⁷ А. Н. Веселовский, *Три главы из исторической поэтики*, — в кн. «Историческая поэтика», редакция, вступительная статья и примечания В. М. Жирмунского, Л., 1940, стр. 372.

повседневного живого языка, на котором говорят салары между собой, вполне допустимо принять прозаические отрывки опубликованных здесь сказок и рассказов независимо от их типа.

Характерные черты этого языка: *й* в начале слов, дательный падеж на *-a//e* и *-ga//ge*, прошедшее время на *-ган* и *-мыш*, т. е. смешение примет северных и южных тюркских языков. Такое же смешение и в лексике. Это с одной стороны. С другой — масса китайских элементов, которые пронизывают и фонетику, и морфологию, и синтаксис, и лексику. Тибетское влияние сказывается сильнее всего в словаре. Все это, вместе взятое, определяет редкое своеобразие саларского языка, в котором слились элементы близких и далеких по строю языков.

Старый племенной язык, можно думать, значительно отличался от современного и был без диалектных различий. Но с течением времени в нем в силу местных условий появились диалектные черты, которые осознаются теперь и самим населением. Чтобы оттенить эту ценную для языка дифференциацию, материал в книге помещен под рубриками, соответственно селениям, откуда происходят рассказы. Названия селений идут с запада на восток, следом за несколько меняющимся в этом направлении языком. Такая классификация материала облегчит его диалектологическое исследование в дальнейшем.

Группировка по населенным пунктам выделяет лингвистическую сторону материала. Главная цель книги — донести до читателя современный язык саларов. Анализ тех же текстов как фольклорных произведений в задачу книги не входит; это потребовало бы подготовки другой части имеющихся у меня записей.

Фольклорные жанры у саларов такие: *томбах* — сказка, *лиши* (кит.) — исторический рассказ, *сагыш* — плач невесты по родительскому дому, *йыгы* — плач по умершим, *йыр* — песня. Излюбленный и самый распространенный жанр — *томбах*. Сказки знают и сказывают буквально все. Причем у женщин свои сказки, отражающие их интересы и представления, у мужчин — свои. Рассказчик, с присущим ему вкусом и склонностями, неизбежно оставляет определенный отпечаток на произведениях фольклора, в особенности это относится к сказкам. По этой причине перед каждым сюжетом после заглавия приводятся основные сведения о рассказчике. Название сказки часто помогает ориентироваться в ее содержании, и я сохранил те названия, которые дали сами рассказчики, названия же, придуманные мною, снабжены звездочкой.

По содержанию сказки делятся на такие группы — бытовые: 18, 19, 50, 51, 60; новеллистические: 1—6, 10, 20, 23, 24, 37—39, 61—63; анекдоты: 40—43; волшебные: 7, 11, 12, 21, 25, 26, 44, 53—56; о животных: 8, 9, 13, 22, 46.

Самые популярные виды сказок у саларов — сказка-новелла и волшебная сказка. Саларская новелла очень близка по своим мотивам волшебной сказке и имеет тенденцию в нее переходить (см. сказки промежуточного типа). Некоторые сказки имеют варианты. Все они мной сохранены, так как представляют собой самостоятельную ценность, и помечены римскими цифрами. Сюжеты некоторых сказок принадлежат к известным мировым сюжетам. К ним относятся популярная новелла «Коскур-оглан и Агу Караджи» (10, 20, 23) — саларская версия «Ромео и Джульетты», волшебная сказка «Масембу» (53) — с мотивами «Алпамыша»⁸ и «Одиссеи».

⁸ В. М. Жирмунский, *Сказание об Алпамыше и богатырская сказка*, М., 1960; «Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос», перевод акад. В. В. Бартольда, изд. подготовили В. М. Жирмунский и А. Н. Кононов, М.—Л., 1962, стр. 32—49, 200—214.

Книжное влияние в саларских сказках ощущается крайне мало. Отмечу лишь одну новеллу «О прекрасном юноше, который стал императором» (1), по многим чертам напоминающую известный библейско-коранический сюжет о прекрасном Иосифе.

Часть сказочных сюжетов заимствована из китайского фольклора (5, 6, 39, 52, 60—62), некоторые чрезвычайно похожи на китайские хуабэни (2—4), среди них сюжет о плаще бедняка, который император обменивает на свою одежду (приняв за нищего, императора убивают, 54)⁹. Есть и сказки, заимствованные сalaraми у тибетцев. Количественно их меньше, чем китайских (7, 11, 13, 21, 25, 26, 56)¹⁰.

Исторические предания (*лиши*) повествуют о различных событиях из жизни саларов, посвящены отдельным лицам (например, Су-ахуну) или селениям (например, сел. Комба, 28). Таких легенд мною записано более десяти. Они будут изданы отдельно как источники по истории саларов. Очень интересны саларские «плачи»: *сагыш* — плач невесты и *йыгы* — плач по умершим, напоминающие казахские и киргизские свадебные и похоронные причеты. К свадебному ритуалу относится и *орух сёс* — песня, величающая жениха и невесту (47). Нередко она сочетается с «верблужьей игрой» (17) — театрализованным представлением путешествия Караманга.

Саларские песни, обычно небольшие по объему, — лирические, любовные и шуточные (29—36, 57, 58). Мелодии саларских песен настолько своеобразны, что их не с чем сравнить, это свои особые саларские напевы.

Собранные здесь тексты по фольклору саларов (кроме «Коскур-оглана», «Масембу» и нескольких песен) публикуются впервые и представляют собой материал совершенно новый.

Тексты печатаются в латинской транскрипции. Для обозначения специфичных китайских звуков служат такие знаки: 3(tc) ~ '3('tc'), 3(ts) ~ '3('ts'), c(ts) ~ 'c('ts'), c(s).

č обозначает глухую переднеязычную аффрикату t; š'; j — звонкую переднеязычную аффрикату d; ž'; ʃ — переднеязычный сильно смягченный š, ʃ — шумный r с ž-образной окраской.

Знаки " обозначают придыхание при сильных согласных: ' при сильноначальных, ' при сильноконечных, " при двувершинных.

Кружочек над буквой для гласных обозначает смешанность (ö<ö>); черточка над буквой для гласных — долготу гласного; знак ' указывает на смягчение.

Диакритика под буквами не обозначается.

Переводы по возможности максимально отражают строй саларского предложения, не искажая существенно норм литературного русского языка. Иными словами, перевод саларских текстов, прозаических и поэтических, по стилю занимает среднее положение между переводом дословным и переводом литературным, но научные цели при переводе стоят на первом плане.

В квадратных скобках добавлены слова, облегчающие понимание текста перевода, круглые скобки заключают в себе пояснения. После публикации текстов намечаются к изданию словарь и грамматика современного языка саларов.

За помощь при издании этой книги благодарю Е. А. Тенишеву.

⁹ W. Eberhard, *Typen chinesischer Volksmärchen*, Helsinki, 1937 (FFC, № 120), S. 251—253.

¹⁰ Г. Н. Потанин, *Тибетские сказки и предания*, — «Живая старина», год XXI, вып. 2—4, Пг., 1914, стр. 389—436.

ПРОЗА

СКАЗКИ

* О ПРЕКРАСНОМ ЮНОШЕ, КОТОРЫЙ СТАЛ ИМПЕРАТОРОМ (ТОМБАХ)

(Ха Ми-ду, мужч., 40 лет, род. в сел. Уджирем, крестьянин.
Записано в сел. Уджирем 18 июня 1957 г.)

Текст

Kiĩny iſki vāra. Piř kiĩne oγuſ iſke toγmiſ. Kiči kiĩny nene iſki toγmiſ. Uſſy avusy apasyna jaſaſi: «Men taqqa vaγuř, rytux vurmāγa (<vurmā vāγā>), kiči avuny paſta vāγā!» — «Kiči avu varalmes pa-a-a!» Kakasy jaſaſi: «Men paſta vāγū!»

Taγda kakasy kiči avune sig iſina čaγaſi. Kakasy ōjina kelzi, apasyna jaſaſi: «Avuny puřo jiſi!» Avunige xanterini apasyna verzi. «Pu puřy jaſaſa-ra — mini avune xantarene zatamamiſ!» — apa jyřtaſi. Kuzy kor^u volzi. Avusyny uſ zuxu syγ iſinden čixarkelzi, apāzi.

«Pu avo jaſz'uxaſa. Avuny aparaſ oje. Xoa^uvāγa avu joxa. Pu avuny aγa verele. Avuny ſu ox^u qy', čagnagudana peg o'qal» — zuxu ete jaſyſmiſ.

Muny xuaγvāγa verzi. ſu ox^u tyrzi. Inzi avu peg otyrzi, āzy xuaγvāγ o'tz'i. Peiſine jaſaſi: «Jici jil c'ūgge jaſšiz'ux e', aſlixne suſta! Āc'ý jici jil jaγmur jaγmaγā, zūgge kemegā» — elte jaſaſi. Inzi peiſina aſtyxne sāt'-yperzi. Izynige kakasy kelzi, aγa aſtyx sat^y perzi.

— Se ōjiga vāγū apaγa jaſ'ja: — helli kelimyř-a? — xu^aγ^v aγ jaſaſi, — kiči iniγne piř paſta-da gé!

Apasy jaſ'jaſi: «Avu paſta parūmas pā. Kakasy paſta pary piřni puři jiderzi!» Xōγ jaſaſi: «Piřsy inyγ paſta-da gé!» Kakasy paſtaſ'a varzi, xōγ jānynda aſtyx alzi. Xōγ puſarne čai iſterzi.

Xōγ jaſaſi: «Avu, sini kakaγ qāta?» Kakasy puxoſda (<pu oxoſda>) pu-ři liſi. Avu jyřtaſi.

— Sen meni kakam irā pa? Oxſiri!

— Men emesteř! — xōγ jaſaſi.

Inzi aſtyx jūhliſ'ānā kakasy-inisy ōjina janzi. Joſden avune kiſ z'ūtparzi, xōγ jānynda aparzi. Kakasy ōjina varzi. Apasy sorzi: «Avu qāta?»

— Avuny xāty z'ūtparzi! — kakasy jaſaſi.

— Piři zyγ su iſina zaγaſ'a ūlmēſ! — apasy jaſaſi, — avu iſkisy ta joxqan vumēſ. Jyřtaſi. Kuzy kor^u volzi.

Xōγ avuγa jaſaſi: «Sinigi apaγ vār o?»

— Ōita var!

— Men sinigi kakaŋ ityr! Men ūlmiŋzi pe. Men xōŋ iter pe. Ei avo, sen ōlŋe vaŋ, apaŋa jaŋa: kakam mynda vāra ta, xōŋ ira ta, sen apani paŋŋa ta gél Tosŋ'ī.

Перевод

Были две жены [у одного человека]. [Старшая] жена родила двух сыновей. Младшая (*букв.* малая) жена еще двух [сыновей] родила.

Старший (*букв.* большой) сын сказал отцу: «Я пойду в горы на охоту (*букв.* охотиться), поведу и младшего (*букв.* малого) сына!» — «Младший сын не сможет же идти!» — [возразил отец].

Старший брат ответил: «Я поведу!»

В горах старший брат бросил в колодец младшего, вернулся домой и сказал отцу: «Мальчика съел волк!» Рубашку мальчика [он] отдал отцу. «Этот волк [очень] ловкий (*букв.* хороший) — [совсем] не разорвал рубашку моего мальчика», — [так говоря], отец плакал. [Один] глаз его перестал видеть. Три переносчика тяжестей вытащили мальчика из колодца и унесли.

«Мальчик красивый. Возьмем мальчика домой. У императора нет сына. Отдадим ему этого мальчика. [Он] обучит мальчика, когда [тот] вырастет, сделает начальником!» — так решили носильщики.

[Они] отдали мальчика (*букв.* его) императору. [Император] дал образование [мальчику]. [Вот и] юноша стал князем, [а] потом и императором. [Он] сказал народу: «Семь лет хорошенько сейте, зерно берегите. Следующие семь лет не будет дождя, не будет (*букв.* не придет) и хлеба!»

[Он] продал народу зерно. Пришел его старший брат, [и] ему продал зерна. «Как придешь домой, скажи отцу: не надо ли [ему] денег, — сказал император, — [и] приведи разок своего младшего брата!»

Отец сказал: «Мальчика привести ведь невозможно: старший брат, взяв одного с собой, скормил волку!»

Император сказал: «Приведи одного из младших братьев!»

Старший брат привел [одного из младших братьев]. [Они] купили у императора зерна. Император угостил их чаем.

Император спросил: «Мальчик, где твой старший брат?»

Старшего брата его прежде съел волк. Мальчик заплакал.

— Ты мой старший брат? Похож [на него]! [— спросил мальчик].

— [Нет], не я! — ответил император.

Нагрузившись зерном, старший и младший братья отправились домой. В пути кто-то (*букв.* человек) схватил мальчика и привел [его] к императору. Старший брат пошел домой. Отец спросил: «Где мальчик?»

— Мальчика схватил кто-то, — ответил старший брат.

— Один, упав в колодец с водой, умер, — сказал отец, — [и] обоих мальчиков не стало! [Отец] заплакал.

[И] другой его глаз перестал видеть. Император сказал мальчику: «У тебя есть отец?»

— Дома! [— ответил мальчик].

— Я твой старший брат. Я ведь не умер. Я император. Эй, мальчик, ты иди домой и скажи отцу: «У меня здесь старший брат, [он] император» — и приведи [сюда] отца! [— сказал император].
Конец.

2. * ДОБРОМ ЗА ДОБРО (ТОМБАХ)

(По словам рассказчика, это китайская сказка, услышанная им от сalarов)

(Ха Ки-му, мужч., 32 лет, род. в сел. Уджирем, служащий.
Записано в сел. Уджирем 16 июня 1957 г.)

Текст

Kaka-ine uf vūmif. Kakasy ifkysy par kifa. Tāfinda jox kiſlārā zaŋ qoſpā. Inisy ſu uxmiſ. Piſ kunura ſu oxmā vaſ'sa, xanduda kiſlār jaſa-ſmiſ: «Pu āvu ſu oxqane jaxſa, çūſei koſaſa, vuſa(r)!» Keſligina inisy ōjina jankiſmiſ. Kiſnina jaſāmiſ: «Me pugon ſu oxmā vaſ'sa, hantuda kiſlār jaſaſpā-mē ſūſei koſamā vaſ'sa, vugār! Maſa joſta j'ar'yuſy heli joſa(r). Inzi niçūx e'kur-i?»

Kiſny jaſāmiſ: «Se utſy kakany ōjina vār-tā helli ūçlā-dī gé!»

Inisi kakasynige ōjina vāmiſ. Kakasya jaſāmiſ: «Men çūſei koſamā vāgur, ſinigi heli piſi ūçlā-tā veſ!» Kakasy jaſāmiſ: «Tāſindāgy zaŋtāny jyſmāzi, ōitā heli joxtyr!» Inisi kakasya jaſāzi: «Sinigi toſoŋ pirny jār-ta, me jigi-ta vāſy!»

Kakasy jaſāzi: «İç joxmaſ'a, tox çārmeſ!»

Inisy nene piſ kakasy ōjina varzi. Kakasya jaſāzi: «Me çūſe k'oſama vāgur, heli piſa ūçlā-tā veſ!» Kakasy jaſāzi: «Tāſindāgy zaŋgy jyſmāzi, ōitā heli joxtyr!» Inisy kakasynigi aſātynda armut tal vāſinda armut piſkin kōrzi. Inisy kakasya jaſāzi: «Armutyŋden piſ tātā-de veſ! Me jigi-ta vāſy!» Kakasy jaſāzi: «Pugun aſmān tumpā, armut tātāmāſ!»

Inisy (// inisy) kakasy ifkiſy heli ūçlā pemiſgu (// vemiſgu). vUſlāz'ānā ōjina janparzi. Kiſny ſorzi: «Sen nege uſlabor?» Inisy jaſāzi: «Kaka ifkiſy helli ūçlā piſmyſ, me çūſei koſama varytmaſa, niçūx e'kur-i?» Kiſny jaſāzi: «Sen minigi kumyſ panjer', kumyſ kunzy-āny āt-da vār! Saſa joſda heli jāruxſuſ voſyr!»

Inisy kaſāzi, ātygūn çūſe koſamā varzi. Piſ jeſuſe je'z'z'i. Inisy izyni-ge jox jax'ſi jiſuſ korzi. Ā ōjina varzi. Muſa ſorzi: «Se qāta vagoſ?» Inisy jaſāzi: «Me çūſei koſamā vāguſ, joſte heli joſar, kiſnymnige kumyſ panjer-tāny akeſzi». Jaxſi jira tāſ kiſten kumyſ uf ſydyr ūçlā kelzi, inisy varzi. Seſ kuv a ſoſtaſi, içz'i.

Inisy çūſei koſaſagan jirina jez'z'e. Inisy koſāzi. Vuſ zōŋjen koſāzi. Inisy çeŋzaŋ qoſzi. Kakasy ifkiſy biſzi. Jaxſi a'tny minzi, jaxz'ux poſka-rakny kiſzi, inisy vaxmā varzi. Jāmyſn kōga jez'z'i. Kakasy ifkiſy kō paſ-taſuçt'ya jaſāzi: «İzy ifkysy çānzōŋnige kakas'tyſ. Sē ifina vār-ta çānzōŋa jaſa! Kō paſtaſuçe ifina kir parzi: «Kakaſ ifkiſy ſini vaxmā kiſmiſ!» — tā çānzōŋa jaſāzi. Çānzōŋ kō paſtaſuçt'ya nene jaſāzi: «Se vār-ta jaſa — maſa kaka joxtyr! Se vuſtara jaſa-iç joxmaſā, tox jār'māſ, aſmān tumyſā, armut tātēmeſ!» — etizi. Pu kō paſtaſuçe jāmyſn kōga varzi. Kakasy ifkiſyſna jaſāzi: «S'eŋzōŋ jaſapā, iç joxmaſā, tox çārmeſ tepā; aſman tumuſe, armut tātēmeſ tepā».

Kakasy ifkiſy inisyſny korelmiſ'ūx ōjinā janzi. Jāŋzōŋnigi jaxſi jir kelzi. Jāmyſn kōga varzi. Kō paſtaſuçt'iga jaſāzi: «Se vār-ta ſeŋzōŋa jaſa — me çeŋzōŋnigi jaxſi jiri ityr. Me çeŋzōŋny piſ kor'gē!» Kō paſtaſuçi ifina kirpaſyſ, çeŋzōŋa jaſāzi: «Sinigi jaxſi jirter te pir kiſ keſmēſ. Saſa piſ kōrenkur!» — tepā. Çeŋzōŋ nigenz'ux ruxten iŋkelzi. Kō paſtaſuçt'iga jaſāzi: «Pu kiſ ſeſ kua ſoſtaſuçdyſ, nyſ vōſan kiſidyſ!» Çeŋzōŋ jāmyſn kōga varz'ānā jaxſi jirni paſta kirpāzi. Jaxſi jir çeŋzōŋ jānynda ūtyrzi.

Çeŋzōŋnigi kiſny ōjinda joſtānzi. Çeŋzōŋny iſte kelzi. Pir t'ēnte ūtyr-

zi. Xax̣ta čičix jasa sat'z'i. Piř kunura jāmyn kōga sa'tmā varzi. Kō paḥḥa-
guči ifina kirpare ſenzoŋa jaſaſi: «Kōte čičex satkuči (// sy'kuči) vāra,
jaxz'uxar!» Čeŋzoŋ jaſaſi: «Se piř aṭ-dy gé! Me piř ućirgāl»

Kō paḥḥaguče čičex piř akelzi. Čeŋzoŋ čičexne piř kōrgilā kōnyṇa kel-
zi. Čenzoŋ sumurḥāzi: «Pu čičexny mi kinym jaſagan a!» Inzi kō paḥḥa-
čiŋa jaſaſi: «Se vāx-ty gé pu čičex sa'kučy qātyn kēſ kem ōjinda ot'pā?»
Bu kō paḥḥaguči pu qātyn kiſ o'kan jirinā vaṭ'kile čeŋzoŋa jaſaſi: «Qātyn
kiſz'ux t'enda ot'pā(r)!»

Keſligina čenzoŋ t'en'a varzi. Kiīnyn tānyzi. Paḥḥa kilzi. Čenzoŋ izy
jānynda otyrzi.

Piř kunēra čenzoŋ kiſ čixyrazi. Čenzoŋnigi jaxſi jiri te kelzi. Kiſlār
čeŋzoŋa sorzi: «Pu naŋ kiſtir-i?» ſenzoŋ jaſaſi: «Izynige kakasy iſkisy jāny
heli ūčlimā var'sā, piry jāſire — iſ joxmese, tox čār'mes; nene piř jāſire —
asmen tomyse, armut tātemes!» — tijera. Pu kiſ me joḥṭa ačyqqanda seſguva
toḥṭa iſterzi. Nyŋ vōṭan kiſtir!»

Inze jax'ſi jirine heli verzi. Kiīny iſkisy anda otz'e. Kakasy iſkisyna
jemen volzi. Toſz'i.

Перевод

Были три брата. Два старших брата — богатые люди. [Они] дают
в долг (*букв.* кладут долговую тетрадь) беднякам. Младший брат учил-
ся (*букв.* читал книгу). Однажды, когда [он] шел учиться, на улице лю-
ди говорили: «Хорошо, что этот юноша учится. [Ему] стоит добиться
ученой степени!» Вечером младший брат пришел домой и сказал жене:
Когда я сегодня шел на учебу, на улице люди говорят, мне стоит
оехать добиваться ученой степени! У меня нет денег на расход в пу-
ти. Как же быть?» Жена сказала: «Ступай домой к самому старшему
(*букв.* большому) брату и займи [у него] денег!»

Младший брат отправился домой к старшему брату. [Он] сказал
старшему брату: «Я поеду добиваться ученой степени, дай взаймы не-
много денег!» Старший брат сказал: «Внешние долги [я] не собрал,
в доме денег нет!»

Младший брат сказал старшему: «Зарежь одну курицу, я поем и
поеду!» Старший брат сказал: «Напрасно (*букв.* если нет дела) курицу
не зарежу!»

Младший брат отправился домой еще к одному старшему брату.
[Он] сказал старшему брату: «Я поеду добиваться ученой степени, дай
взаймы немного денег!» Старший брат сказал: «Внешние долги [я] не
собрал, в доме денег нет!» На вершине грушевого дерева во дворе
старшего брата младший брат увидел спелую грушу. Младший брат
сказал старшему: «Сорви и дай грушу! Я поем и поеду!» Старший брат
сказал: «Сегодня небо затуманилось, грушу не буду срывать!» [Так]
два старших брата не дают взаймы денег своему младшему брату.
Опечаленный [младший брат] вернулся домой. Жена спросила: «Ты по-
чему печален?» Младший брат ответил: «Старшие братья не дают взай-
мы денег, я не могу поехать добиваться ученой степени. Как же быть?»
Жена сказала: «Возьми мои серсбрядныс браслет и медальон. Тебе бу-
дет что расходовать в пути».

Младший брат обрадовался и на другой день уехал добиваться
ученой степени. Добрался до одного места. Увидел [там одного своего]
очень хорошего приятеля. Пошел к нему домой. [Приятель] спросил
младшего брата (*букв.* его): «Ты куда едешь?» Младший брат ответил:

«Еду добиваться ученой степени, да денег нет, привез серебряные украшения (*букв.* браслеты) жены». Добрый приятель взял займы у постороннего человека три сыдыра серебра, принес и отдал младшему брату. Поджарили кабачки, поели.

Младший брат добрался до места, где получают ученую степень. Младший брат получил [ученую степень]. [Он] получил степень чиновника первого (начального) ранга. Младшего брата назначили начальником уезда. Оба старших брата узнали [об этом], сели на хороших коней, надели красивые халаты и поехали смотреть младшего брата. Добрались до ворот правительственного учреждения. Старшие братья обратились к привратнику: «Мы оба — старшие братья начальника уезда. Ступай доложи [о нас] начальнику уезда!» Привратник вошел внутрь [дома] и сказал начальнику уезда: «Оба твоих старших брата пришли [на] тебя посмотреть». Начальник уезда сказал привратнику: «Ступай и скажи: у меня нет старших братьев! Скажи тем: „Напрасно (*букв.* если нет дела) курицу не зарежу; если небо затуманится, грушу не сорву!“» Привратник отправился к воротам правительственного здания и сказал старшим братьям: «Начальник уезда говорит: „Напрасно (*букв.* если нет дела) курицу не зарежу; если небо затуманится, грушу не сорву!“»

Оба старших брата, [так] и не увидев своего младшего брата, вернулись домой. Пришел хороший приятель начальника уезда. Пошел к воротам правительственного здания и сказал привратнику: «Ступай и доложи начальнику уезда, я хороший друг начальника уезда. Посмотрю-ка я разок на него (*букв.* начальника уезда)». Привратник, войдя внутрь [дома], сказал начальнику уезда: «[Пришел один человек, который называет себя твоим хорошим другом. Говорит, что [хочет] разок показаться тебе!» Начальник уезда поспешно спустился с веранды и сказал привратнику: «Этот человек — [мастер] жарить кабачки, очень способный человек!» Начальник уезда, подойдя к воротам, привел хорошего друга. Хороший друг [начал] жить (*букв.* сел) вместе с начальником уезда.

[Между тем] жена начальника уезда [стала] бедствовать. [Она] отправилась искать начальника уезда. Остановилась (*букв.* села) в одной гостинице. Делала цветы из бумаги и продавала их. Однажды пошла продавать к воротам правительственного здания. Привратник, войдя внутрь [дома], сказал начальнику уезда: «У ворот продавщица цветов, красивая!» Начальник уезда сказал: «[Принеси один [цветок], я посмотрю!»

Привратник принес один цветок. Цветок сразу же (*букв.* при одном взгляде) понравился начальнику уезда. Начальник уезда подумал: «Этот цветок ведь моя жена сделала!» [И] вот он сказал привратнику: «Посмотри, эта женщина, продавщица цветов, в чьем доме живет (*букв.* сидит)!» Привратник, сходя в то место, где жила (*букв.* сидела) эта женщина, сказал начальнику уезда: «Женщина живет (*букв.* сидит) в гостинице!»

Вечером начальник уезда отправился в гостиницу, признал свою жену и привел [ее домой]. [Она] стала жить (*букв.* сидеть) вместе с начальником уезда.

Однажды начальник уезда созвал людей. Пришел и хороший друг начальника уезда. Люди спросили у начальника уезда: «Что это за человек?» Начальник уезда сказал: «Когда я пошел к двум моим старшим братьям занять денег, один говорит: „Напрасно (*букв.* если нет дела) курицу не зарежу“, другой говорит: „Если небо затуманится, грушу не сорву“. Этот человек, когда я проголодался в пути, пожарив, угостил кабачками. Очень способный человек!»

Вот [начальник уезда] наградил деньгами своего хорошего друга. Вдвоем с женой [они] там [начали] жить (*букв.* сидеть). Двум старшим братьям [все это] обернулось бедой (*букв.* стало плохо). Конец.

3. * ДОБРОМУ — ДОБРО (ТОМБАХ)

(Ха Ми-ду, мужч., 40 лет, род. в сел. Уджирем, крестьянин.
Записано в сел. Уджирем 18 июня 1957 г.)

Текст

Piř bou syra vumēř. Avu uř vumēř. Piř zūnge e'mēř, piř sātyx e'mēř, piř šu oхumēř.

Šu oхuуūči kakasy jānyna helle kelemē vāmeř. Helle vemēmīř. Kiči kakasy jānyna vāmēř. Kiči kakasy am vemēmīř. Įnzi ōjina jaŋki'ymeř, kiīnyna jařameř: «Kaka iškisy da helle vemēmēř!» Įnzi kiīny jařazi: «Sinigi jaх'ši jiř'i T'uxuлу jāna var! Vu kiřnigi qoi kūtṗa».

T'uxuлу qoiны isyṗa jařazi: «Minigi jaхši jirim piř ki'ymeř. Aṗa helli veř kelegà(r)!» Vu helli piṗa veimīř.

Įnzi ōjina jaŋkelze. Pu hellini z'ūz'z'ānā šu oхumā vaṗá. Peř jil šu oхumēř. Oхuz'ānā peř jilta ōjina čixke'i meř. Įnzi vu pex o'miř.

Įnzi kakasy any vaxmā vāmiř. Įřina kiīřmamiř, korunmamiř. Nene kic'i kakasy vāmēř, kormemēř. Įnzi T'uxuлу vāmēř. T'uxuлуny ōjina pařta vāmēř. Įřkisy pirinta o'mēř. Įřkisy ka'ča jařazi: «Oxoř'dā uṗly kaka heli vē-miži, kiči kaka am vēmiži, T'oxuлу, sen maṗa hel' verzi, sinigi helluṗṗa šu oхuži. Sini me onutuxtyr pe! Sen, pařa, kiīny—jiko pařta-ta muṗa kel! Men saṗa ōřny ō'tz'i. Sen munda ōz'yri!» Tosz'i.

Перевод

Был некий старик. [У него] были три сына. Один обрабатывал землю, другой (*букв.* один) торговал, третий (*букв.* один) учился (*букв.* читал книгу).

Тот, кто учился, пошел к старшему брату просить денег. [Старший брат] денег не дал. Пошел к другому (*букв.* малому) старшему брату. И другой (*букв.* малый) старший брат не дал [денег]. [Юноша] вернулся домой и сказал жене: «Оба старших брата не дали денег!» Жена сказала: «Ступай к своему хорошему другу Тюхулу. Он пасет чужих овец!»

Тюхулу сказал хозяину овец: «Пришел один мой хороший приятель. Ему надо дать денег!» Тот дал немного денег.

[Юноша] вернулся домой. Взяв эти деньги, [юноша] поехал учиться (*букв.* читать книгу). Учился (*букв.* читал книгу) пять лет. Окончив ученье (*букв.* проучившись), через пять лет [юноша] вернулся домой. Он стал (*букв.* сел) начальником.

Вот старший брат отправился его посмотреть. [Он] не принял [его], [даже] не показавшись [ему]. Пошел другой (*букв.* малый) старший брат, и [он] не видел [юношу]. Вот пошел Тюхулу. Тюхулу [юноша] повел домой. Оба сели рядом. Поговорили.

[Юноша сказал]: «Сначала самый (*букв.* большой) старший брат не дал денег, [потом] другой (*букв.* малый) старший брат не дал. [А] ты, Тюхулу, мне денег дал. На твои деньги [я] учился (*букв.* читал книгу). Тебя я не забуду! Ты детей, жену — всех приведи сюда! Как построю тебе дом, ты живи (*букв.* сиди) здесь». Конец.

4. * ДОБРЫЙ СТАРИК (ТОМБАХ)

(Ха Ми-ду, мужч., 40 лет, род. в сел. Уджирем, крестьянин.
Записано в сел. Уджирем 18 июня 1937 г.)

Текст

Piř bou syr vumēf. Ninusuř vumēf. Paťa uř vumēf. Pou sy ōlmeř. Paťa-syťa ačyqmeř. Iřki kun e'mek jememiř. Paťařar jyřameř. Pařqa pou syř paťařařa sormiř: «Sen nege jyřap'or?»

— Jigusy joħa, ačyxyr, jyřap'or pà! E-e, pavō, saħa helii vār o? Ma-ħa peř veř! — paťařar jařameř. Pavōsy helii iřki tāsyr vimiř.

Iřki tāsyrny jikusy alzi. Paťařar piř ji'gē! Paťařer kičara, iř etelmařa, vāřu jer joħa, apasy ūlzi.

— Eй, pavō, saħa ořyř keligār o? Kelese, saħa piř vi'gi! — ninusy ja-řameř.

Pavōsy janřazi: «Izyga maħa paťa kelemes. Men ōjima vāřy-ta, men saħa helii piřa vi'gi, paťařarne jyřattyrquma!»

Paťařar janřazi: «Eй, pavō, sen jařši kiř irà! Sen za'pa kūn kō čyxsa, pāřij iřtinda puřyt zuřař'ānā varyr, sen! kōīmās. Sen ōjina je'ku sen ma-ħa ka'č'a kel, piğnen jetto? Ka'č'a kēmese, men pilmizi. Sen ōjina je'ku sen maħa ka'č'a piř jařa — miniği kōğnym tyğnanzi». Toszi.

Перевод

Были некий старик и старуха. [У них] было трое детей. Старик умер. [Старуха] с детьми [стали] голодать. [Уже] два дня не ели хлеба. Дети плакали. Чужой (букв. другой) старик спросил детей: «Что вы (букв. ты) плачете?»

— Нечего есть, от голода (букв. проголодавшись) плачем! Папаша, у тебя есть деньги? Дай нам (букв. мне) немножко, — ответили дети. Папаша дал два тасыра денег. На два тасыра купили еды. Пусть дети разок поедят! Дети маленькие, работать не могут, идти некуда, отец [их] умер.

— Эй, почтенный, тебе нужен сын? Коли хочешь, отдам тебе одного! — сказала старуха.

Папаша ответил: «Я не хочу ребенка. Схожу домой и дам тебе немного денег. Не позволяй детям плакать!»

Дети сказали: «О папаша, ты хороший человек! Когда ты в жаркий день выйдешь наружу (букв. в дверь), над твоей головой, прикрывая, пойдет облако. [Солнце] не будет тебя жечь. Придешь домой, пришли нам (букв. мне) известие, как добрался. Не будет (букв. не придет) весточки, мы (букв. я) не узнаем [о том, как добрался]. Придешь домой, ты скажи нам (букв. мне), [чтобы] наши (букв. мое) сердца успокоились». Конеч.

5. * СЫНОВНЯЯ МЕСТЬ (ТОМБАХ)

(Ха Ки-му, мужч., 32 лет, род. в сел. Уджирем, служащий.
Записано в сел. Уджирем 17 июня 1937 г.)

Текст

Piř āz'usur vumēf. Aħa kiřny iřki vumēf. Až'usy čirix teřtapà. Āniği āzisyniği xar'sy āzuden hēle otos sydyr ūčlemēf. Pu kiř ōjinda jox vumēf, helisyn vereřmāmēf. Ažusy, heli vermigiř-ħa, muny z'ūřpar ūltermēf. Ūi-

terganda kiŋynige xusagynda pała vuməf. Āt'y avur tuyməf. Avu çağna un ifki jaŋaməf. Piř kunura avu pałaŋa oĭnaməf. Pałaŋar avuny ūhreməf: «Saņa apa joxmařan pała!» — di' məf.

Avuž'ux jařta-jařta ōjina ki' məf. Avuž'ux amasyňa sorməf: «Minigi apym qała varzi?» — deməf. Amasy: «Sə suř na'kur-i?» — diməf, — si apyň ūlzi! — dimiř.

Piř kunura amasy su k'u'tmā vāməf. Avusy çazy piřany joř'šina kořmif, kōsyn tygnāmif. Amasy su ku't ki'məf. Avusyna: «Kō ař!» — te čixraməf. Avusy kōny piřaž'ux açmef: «Si uřig pirne vere!» — tiimif. Amasy uřin ko ifina viimif. Ōž'ux kořrgan çazyny amasynigi uřifina xořyrməf. İnzi avusy sorməf: «Mi apym qała varzi? Si jafa!» — diməf. Amasy uři kōigū jaŋaməf: «Si apayny ažuň ūlterzi!» — diimif. İnzi avusy kōsyn ařməf.

Piř kunura avuž'ux apasy miŋgen at jāna var' jyřtamif: «Mi apamni-gi zusyny połağur, at, sen neçux e'kur?» — dimiř. At jafaži: «Sə izynige iftine min-de, se közuğ xys-tā tōrengūma! İzy ažuňnige čiriginy t'ō'kin! — t'ō'ki, čillāgin! — čilligi!» — te jaŋamif.

Avuž'ux apasy oĭnagan qyliř jānyňa vār jyřtaməf: «Me apam zusyny połağur! Sen neçux e'kur?» Qyliř ka'č'a jafaži: «Se miny uřiga ž'ūt-ta, iğ küzyň xystyğō. Men eřse — peřsoř ažuňnige čirygyny č'e'psa, ūlter tosāř!»

Atyguna avu a'tny eğerle, qyliřny a'tnigi jānyňa tāxy, ātyn mine až'u-syn kōsyna varzi. Avuž'ux čixraži: «Vusyn-ažu, čix-ty gé, sinyge otys sy-dyr komuřuğ akełzi. Minigi apymniği jānyň ver!»

Až'usynige kičilyx kiŋny čix kelzi. Piř uçirsa, a'tnige purnunden ž'ūten čixki' pā, ařzynden o't čixki' pā. Kičilyx kirpařyř, Vusyn-ažuňa jafaži: «Kō-ta kičiz'ux avur at minpā, a'tnigi purnunden žūcūn čixki'pā, ařzynden o't čixki' pā. Avuž'ux jařeř: «Sinige otys sydyr kōmuřne akełzi. İzynige apasynige jān'yn ver tepā!»

Vusyn-ažunige ařjyř kelzi. Uřtylyxqa jafaži: «Se vār-ta avuž'uxka jafa — saņa xal vosā, tūzā jūr (// jōř), me kige-te vāxja!» Vusyn-ažu peř meň čerixne pařaži, tūzā varzi.

Avuž'ux ačy, quliř, ifkysyna, jafaži: «Pugun ifkysyň qūř čixyřū kele-gār!» A't ma qyleř jafaži: «Avu, se xorgaquma, me ifkysym vāra!» — teži.

Avu a'tnigi eğer iftinda (// iftina) minzi, qyliřni uřina ž'ūž'ce, kū-zyň xysci. A't čirek jānyňa jukurzi. A't t'ō'kiny t'ō'ž'i, čillāgin čillāzi. Qyleř eřse-peřse č'e'pž'i, peř miğ čirekne ūlter tož'i. Vusyn-ažu xorgā: «Qařqur!» — diřze.

Pu avo Vusyn-ažune ž'ūž'ž'e. ž'ūž'ž'ānā Vusyn-ažuňa sorzi: «Sinigi otys sydyr kumuřyňny me viğē, minigi apamnige jānyňny se ver!» Vusyn-ažu jafaži: «Aparny mē ūlterzi, apar jānyň qāten aķigur-i?»

Pu avu Vusyn-ažunige sāčiny a'tnigi kur^u guna pařaži, a'tny oĭnaž'ž'e. Vusyn-ažuny saň'sen' osž'i. Pařin avu izyn ōjina aparzi. Amasy korzi. Kor-ğıla avusyna jafaži: «Se ažuň nege ūlterze?» — te sorzi. Pu avunige ařjyř kelzi: «Sinigi inyň mi apymny ūlterzi. Se maņa jaŋamagar. Se pogon tāry muņa ifkōigā!» Avu qyłařla amasyn bir c'at ūlterzi. Tosž'i.

Перевод

Был дядя — брат матери. У него были две жены. Дядя командует войском. Муж старшей сестры занял у дяди тридцать сыдыров денег. Этот человек впал в бедность и не мог возвратить денег. Дядя, [говоря], «не отдает денег», схватил того и умертвил. Его жена была беременна. Родился [у нее] сын. Мальчик достиг двенадцати (лет). Однаж-

ды мальчик играл с детьми. Дети дразнили мальчика. «Ты ребенок, у которого нет отца!» — говорили [они].

Мальчик плача пришел домой. Мальчик спросил свою мать: «Куда ушел мой отец?» Мать: «Ты зачем спрашиваешь? — сказала. — Твой отец умер!»

Однажды мать пошла принести воды. Мальчик накалил немного песку в железной ложке и запер дверь. Мать пришла, неся воду. Крикнула своему сыну: «Открой дверь!» Сын чуть-чуть открыл дверь и сказал: «Дай-ка одну твою руку!» Мать просунула руку в дверь. Мальчик насыпал раскаленный песок на ладонь матери и спросил: «Мой отец куда ушел? Скажи!» Мать, ладонь которой жгло, ответила: «Твоего отца убил твой дядя!» Мальчик открыл дверь.

Однажды мальчик, подойдя к коню, на котором ездил его отец, плача сказал: «Я отомщу за отца! Конь, как ты поступишь (букв. сделаешь)?» Конь ответил: «Садись на меня, закрой глаза и не шевелись! Я сам войско дяди истопчу и искусаю!»

Мальчик, подойдя к мечу, которым сражался (букв. играл) его отец, заплакал [говоря]: «Я отомщу за отца! Как ты поступишь (букв. сделаешь)?» Меч промолвил: «Ты возьми меня в руки, [я] сам закрой глаза. Я там и сям искрошу войско твоего дяди — [всех] уничтожу!»

На другой день мальчик оседлал коня, повесил сбоку коня меч, [сам] сел на коня и поехал к воротам [дома] дяди. Мальчик крикнул: «Дядя Вусын, выйди-ка, [я] привез твои тридцать сыдыров серебра. Верни душу моего отца!»

Появилась младшая жена дяди. Взглянула, а из ноздрей коня дым валит, изо рта огнем пышет. Младшая жена, войдя, сказала дяде Вусыну: «У дверей маленький мальчик сидит на коне, из ноздрей коня дым валит, изо рта огнем пышет. Мальчик говорит, [что] привез твои тридцать сыдыров серебра. Просит вернуть душу своего отца».

Дядя Вусын рассердился. [Он] сказал старшей жене: «Ступай и скажи мальчику, если он чувствует силу, пусть идет в степь, я приду и померяемся [силами]!» Дядя Вусын во главе пятитысячного войска двинулся в степь.

Мальчик сказал коню и мечу: «Сегодня вам обоим придется показать силу!» Конь и меч сказали: «Мальчик, ты не бойся, мы оба здесь (букв. есть)!»

Мальчик сел в седло, взял в руки меч и закрыл глаза. Конь помчался к войску. Конь истоптал и искусал [войско]. Меч там и сям искрошил и полностью уничтожил пятитысячное войско. Дядя Вусын, испугавшись, сказал: «Убегу!»

Мальчик поймал дядю Вусына. Поймав, сказал дяде Вусыну: «Твои тридцать сыдыров серебра дам я, душу моего отца верни ты!» Дядя Вусын сказал: «Твоего отца я убил, откуда [я] принесу тебе душу твоего отца?»

Мальчик привязал волосы дяди Вусына к хвосту коня. Коня погнал. Дядя Вусын был разорван на куски. Голову его мальчик отнес к себе домой. Мать увидела и спросила сына: «Ты почему убил дядю?» Мальчик рассердился: «Твой брат убил моего отца. Ты мне [ничего] не говоришь. Да вот еще жалеешь [брата]?!» Мальчик взмахнул мечом и убил свою мать. Конец.

(Ха Ки-му, мужч., 32 лет, род. в сел. Уджирем, служащий.
Записано в сел. Уджирем 17 июня 1957 г.)

Текст

Piř pař kiřuř vumiř. Aņa oγuř iřke vumiř. Ułısy sätıx etpà, kiřisy šu oxupà.

Kiř'isy kiř met à (<met ira). Her kune šo uxmä var'sa, ıou-fe ja'ten-kuçi tōipà. Piř kunera pu o sumurıazi: «Łu-fe her kune mini tōjer, mem muņa hejūr-ekku keligà».

Piř kunura mōhkenda ıo-fi čařıayan jerinde ujin taγıř'xusy ahyřne piř-kūta xyrğa, jatyřmaz'ux e'miř. Pu ahyřa avu izynige atyny piřte, kiř'miř. Piř kunera ıou-fi mōhkena č'ařtamà vamiř. Vu ahyřa taxyřmiř. Čyγ č'ař-ıayanda ahyř sunmiř, ıou-ši poγı iřına z'ıç pamiř. Ahyřa piř uçırs'ā, avu-z'uxnige aty piřtipà.

Łoγ-fi čixkilz'ānā uxuči pařaya jařa pu avuny z'ū'miř. Łoγ-fi poikara-gyn aliřmiř. Pařařar'ne jyřmeř. Łoγ-fi jařameř: «Pugun mō'kenda pu avu me't e'miř. Mem mō'ken iřına z'ıř'parzi, munigi ondoγuna panzy elli vu-řu kelegà!»

Pařeřer man jařazi: «Mun' tōisā, ira!» — tizi. Pu avu k'ača jařazi: «Me ese, mini elli vuř, me e'mese, ıoγ-šinny elli vuřguř!» Pu avu nene jařazi: «Pu maņa me't e'tpà. Ahyřni me xyrřasa, mi atym piçtimās. Maņa me't e'kuçi vāra!» Pařařar man jařazi: «Pu avu jařagany li-syγ irà, tōı vō-mařa!» — tiř zi. Pu avu ıoγ-šinny elli vuřzi.

Jaγ' jıř kirkelzi. Pařeřer myγ taγıř'ıı. Avuřa kiin alzi. Ař kiigen kiçisyna kiiny janynda ja'zı. Ėtisy ėř'ū xuz'zı, kiinynige ořina varzi. Apasyna-amasyna jařazi: «Si anyγ zıγıu emesar. Si anyγ mi ořimda kiřa tořzi, inzi nečux e'kur?»

Āpasy-āmasy jařazi: «Kufo, tuγsā, nečux e'kur?» Pu avu jařazi: «Sō-tānā, seler jilimāsā, mi ořima vaxmä vāra!»

Pu avu ořina varzi, kiinyna jařazi: «Sōtana me kēzmē vāγuř, se kony tyğna, jengunige kicci pařasyn ař-dy gē, se xoçuxıa-da oı iřinda otıř-da řa! Me kiř gutānā koten čıxrař'a, se pařanige onduřuna zimde. Pu pařa syqyrasa, ihiřořa jünz'ı kiř por. Jyřıamasā, jünz'ı kiıoxtyr (<kiı joxtyr)!»

Pu avo keřligina kiiny ořina varzi. Apa-amasyn pařa kelzi. Kōsyna jic'ı. Avu kiinyn čıxrařı. Kiiny pařanyn ondoγun čımdizi. Pařa zyqyrařı. Apasy-aması izynigi anasy tořmyř te xorgařı. Pu avu apasy-amasyna jařazi: «İřkysyγ vāř! Ėtisy vaxà!»

Ėtisy avu kiinyn ořina varzi. Amasy sorzi: «Koho, ničux e'kur?» — diřzi. Pu avu jařazi: «Sen iřkisyγ čex jigurmu? Heli viř gūř!»

Amasy jařazi: «Sen men iřkysymny tōıquma! Naņ kelese, viřgè!» — tizi. Pu avu jařazi: «Ātux kelemes. Ař pōz iřki banzy keligūř!»

Amasy pu pōzni varzi. Avuz'ux any z'ūze, vusıayan joğna ořina varzi. Kiinyna jařazi: «Amyγ ūlmıř, negenz'ux ax tıx, ėtisyγ sēnıx usa'mā vāra».

Kiiny ax tıx'ı. Ėtisyna pu avu kiinynige k'u'řin xoxoř iřına qara qoı. zi. Kiiny jūzin juzi. Qarany k'u'řinter te sařanzi. Axny kiřzi. İřkisy pařmu-ğyna varzi. Kōsyna jıř parzi. Pu avu ilina varzi, amasyna jařazi: «Sinigi anyγ tiřilmiř. Jořden kiřpà, in vāx-ta gè!»

Avu piř tiřaņa vamiř. Amasy jořa vaxmä vamiř. Anasy: «Ama!» — de jařıamiř. Amasy anasy: «Tiřiltu?» — dimiř. İnzi amasyn ořina vamiř iřkysy. Amasy k'ohusy jemen kiřa te anasyn veřmemēř. Tosz'ı.

Был один богатый человек. У него было два сына. Старший (*букв.* большой) торгует, младший (*букв.* маленький) учится.

Младший — человек дурного [права]. Каждый день во время ученья учитель без [всякого] повода колотит [его]. Однажды юноша подумал: «Учитель каждый день меня бьет, надо и ему сделать [что-нибудь] плохое».

Однажды в уборной, которой пользовался учитель, юноша подпилпил пилой деревяшку, за которую держался [учитель], вот-вот [она] сломается. На деревяшке написал свое имя. Как-то учитель пошел в уборную. Схватился за деревяшку. Деревяшка сломалась, и учитель полетел вниз. Посмотрел на деревяшку: [на ней] написано имя юноши.

Выбравшись [наружу], учитель [с помощью] ученика поймал юношу. Учитель переменял одежду. Собрав детей, учитель сказал: «Сегодня в уборной этот юноша причинил [мне] зло. Я упал вниз. Ему надо дать пятьдесят ударов!» Ребята все сказали: «Его побить — хорошо!» Юноша промолвил: «Коли я [это] сделал, мне всыпьте пятьдесят, коли не я [это] сделал, учителю всыпем пятьдесят!» Еще юноша сказал: «Этот на зло мне делает. Если бы я подпилпил деревяшку, я не написал бы свое имя! [Он] мой мучитель!» Ребята все сказали: «[То, что] сказал парень, правда, нельзя [его] бить!» Юноша всыпал учителю пятьдесят [ударов].

Наступил новый год. Все ребята разошлись. Юношу женили (*букв.* взяли жену). В ту же ночь, как привели жену, [юноша] лег с ней. Утром рано [он] встал и отправился [в дом жены]. [Придя], отцу и матери [жены он] сказал: «Ваша дочь не девинная. Вчера в моем доме ваша дочь родила. Что же будем делать?!» Юноша сказал: «Если вы не верите, приходите вечером ко мне домой посмотреть!»

Юноша отправился домой и сказал жене: «Вечером я пойду погулять, ты запри дверь, принеси маленького ребенка невестки, возьми (*букв.* обними) [его] на руки и сиди дома. [Когда] я приду, покричу у дверей, ты ущипни ребенка. [Если] ребенок заорет, нам с тобой выпадет (*букв.* придет) счастье! [Если он] не заплачет, счастья не будет (*букв.* не придет)».

Вечером юноша пошел в дом жены. Повел отца и мать [жены]. Добрались до дверей [дома юноши]. Юноша крикнул жену. Жена в это время ущипнула ребенка. Ребенок закричал. Отец и мать, убедившись (*букв.* сказав), [что] их дочь родила, испугались. Юноша сказал отцу и матери [жены]: «Ступайте! Завтра посмотрим [что делать]!»

На следующий день юноша пошел в дом жены. Мать [жены] спросила: «Зять, что делать?» Юноша сказал: «Хотите ли вы оба отведать палку? [Или] дадите денег?» Мать [жены] сказала: «Ты нас не бей! Что хочешь, дадим!» Юноша сказал: «Лишнего не хочу. Мне надо два тюка белой бязи!»

Мать [жены] дала эту бязь. Юноша взял ее и, притворившись грустным, пошел домой.

Жене [он] сказал: «Твоя мать умерла, быстро сшей белый [траурный наряд], завтра пойдем хоронить (*букв.* провожать кости)».

Жена сшила белую [одежду]. На другой день юноша положил в коробку с пудрой жены сажу. Жена вымыла лицо. Попудрилась сажью, думая (*букв.* сказав), что [это] пудра. Надела белое [платье]. Оба (*т. е.* юноша и жена) отправились в семью жены. Достигли дверей [дома]. Юноша прошел вперед и сказал матери [жены]: «Твоя дочь сошла с ума. Идет по дороге. Иди сама и взгляни!»

Юноша куда-то скрылся (букв. ушел). Мать пошла посмотреть. Дочь [се] плакала, говоря: «Мама!» Мать сказала дочери: «[Ты] сошла с ума?» Обе отправились в дом к матери. Мать не отдала [больше] дочь, говоря, [что] зять плохой человек. Конец.

7. *МУНГЫСКАРДЖАХ. I (ТОМБАХ)

(По словам рассказчика, это тибетская сказка, услышанная им от саларов)

(Хе Ли-лу, мужч., 30 лет, род. в сел. Уджирем, служащий.

Записано в сел. Уджирем 15 июня 1957 г.)

Текст

Piř bōsyř vumēf. Ninusur vumēf. Anur vumēf. Posy ma ninusy, iřkysy, her kuni taqqa č'ōp ormā vāpā. Var'sa, jořta arxur vāra. Ašinda su kiř pā. Anden elsā ūtparsa, ōzenur vāra. Ōzen iřina su kiř pā. Anden elsā var'sa, taqqa jiřpā. Oryx č'ū'ny ur'kiř pā. Tāryx č'ū'ny tāry kiř pā. Janganda ōzen suny māny kiř pā. Āruх suny a'tta kiř pā.

Anasynige azy'ny Tutyrja čařapa. Apasy kōny tagnaz'ānā syxřapā. Apasy-amasy kōsynā kiř'ānā anasyny čařapā. Čařas'a, pelege čařapā:

Tutyrja, kōne ař!

Apa kelzi, ama kelzi,

oryx č'ū'ny ur kelzi,

tāryx č'ū'ny tāry kelzi,

ōzen suny māni kelzi,

āruх suny a'tta kelzi,

Tutyrja, kōne ař!

Tutyrja kōne ařmif. Apasy-amasy ōjina kiř'kiřmif. Piř kuna apasy ōl-mif. Amasy tařqa č'ōp ormā vāmif. Vu tiřanda Muğas-qarjař piř vāra. Muğysqarjař anaz'uxnige amāsyna pellenmēf. Anaz'uxnige kōsyna kiř mif. Kiř'ānā anaz'uxny čařamēf:

Tutyrja a, kōny ař!

Ama kelzi, oryx č'ū'ne ury kelzi,

tāryx č'ū'ne tāry kelzi,

ōzen suny māni kelzi,

āruх suny a'tta kelzi!

Etezy'ānā jeřyan čexmif. Tutyrja kōnige arāšinten uçirmēf. Učirzy'ānā jařamēf: «Sen menige amym emesa, mi amym ařazy'uxtyř, sē qarazy'uxa!»

Muğysqarjař jan'mēf. Jan'zānā ař toryx iřinta pařtanmēf. Nene anaz'uxnige kōsyna kiř mēf. Kiř'ānā čařamēf. Anēzy'ux kōnyge arāšynten uçirmēf. Amasy eřiny emeskinь pilmemēf, kōny ařmēf. Ařzy'ānā izu ōi iřinta kuřy jūřinta jařinmif.

Muğysqarjař ōi iřina kirpāmēf, anāzy'uxne iřtimēf. Iřtezy'ānā ta'māmēf. Jātāgutānā kuřy iřzy'ina zogzāmēf. Kuřy jūřinda anāzy'ux xor'hamif. Xorhagutānā usyramif. Muğysqarjař pilmif. Pilzy'ānā kuřyny almis. Anaz'uxny zy'ummiř. Zy'zy'zy'ānā jimiř.

Amasy tařdan kiř mif. Kelse, Muğysqarjař ōjynda o'tpā. Amasy xorgāmif. Muğysqarjařqa sormif: «Sen menige ōjimda na'ti por? Mi anaz'ugum qāta varzy?» Muğysqarjař jařamif: «Sinige anaz'ugun mē jizi, sōtānā mē sen-te jiř gur» — tezy'ānā vāmif.

Amasy č'ōpne ōjinta qoiř'ānā tāřina jyřta-jyřta vāmif. Varzy'ānā jořta jiginūr kōrmif. Jig'ne k'ača jařamif: «Ninō, sen nēgē jařtapor?» — tiř mif. Ninusy jařamif: «Izynige anāsyny Muğysqarjař jiř mif, sōtana izyn'dā jiř-

gur!» — tiře, — ele'ku jyřtapor». Jigenä jařāmif: «Jyřtaquma-a-a, sōtana mē saŋ'a ĵāp o'qá».

Ninusy «ja!» taz'ana nene jürmif. Jořtä pizuř kōrmif. Piz ninusyna sormif. Ninusy jōvān iligi k'ača kagy jařāmif. Piz ninusyna jařāmif: «Jyřtaquma-a-a! Sōtana ize t'āp o'ma ki'ge», — dimif.

Ninusy «ja!» taz'ana jürmif. Jořta senzür üčramif. Ninusyna sormif. Ninusy jōān ilige k'ačany jařāmēf. Jařagudānā senzy ninusyna jařāmif: «Sōtana ize t'ān ki'ge», — dimif.

Ninusy «ja!» taz'ana jürmif. Jürz'ana jořta jumotor üčī ramēf. Ninusyna sormif: «Sen nēgē jyřtapor?» — dimif. Ninusy jōān iligi k'ačany jařāmif. Jumotā ninusyna jařāmif: «Sē jyřtaquma-a-a! Sōtana ize t'āp ki'ge», — deī mij.

Ninusy «ja!» taz'ana jürmif. Jürz'ana jořta pagor üčramif. Pagaž'ux ninusyna sormif. Ninusy jōān iligi k'ačany jařāmif. Pagaž'ux ninusyna jařāmif: «Se jařtaquma-a-a! Sōtana ize t'āp ki'ge», — demif.

Ninusy «ja!» taz'ana jürmif. Jürz'ana jořta qořkor pīr koř kormif. Ninusyna sormif. Ninusy jōān ilige k'ačany jařāmif. Qořkor pīr kořy ninusyna jařāmif: «Sē jařtaquma-a-a! Sōtana ize t'āp ki'ge», — diī mij.

Ninusy «ja!» taz'ana jürmif. Jürz'ana jořta čaryx tezexuř kōrmif. Čaryx tezex ninusyna sormif. Ninusy jūān ilige k'ačany jařāmif: Čaryx tezex ninusyna jařāmif: «Se jařtaquma-a-a! Sōtana ize t'āp ki'ge», — dimif.

Ninusy «ja!» taz'ana jürmif. Jořta tōjixur kōrmif. Tōjex ninusyna sormif: «Sen nēgē jařtap'or?» — temif. Ninusy jōān ilige k'ačany jařāmēf. Tōjex ninusyna jařāmif: «Se jyřtaquma-a-a! Sōtana ize t'āp ki'ge», — dimif.

Ninusy «ja!» tiž'ana izyntige ōjina jan'mef. Ōjina kilz'ana keřligina vuler jořda kōginy naŋkisy kiī mij. Kilz'ana pučōsy ninusyny syxřāmif. Jigine ninusynige pařinta syxřāmif. Piz ninusynige xusařynda syxřāmif. Senzy aļegynda syxřāmif. Jumutā ōčyxřinda (<očax řinda) syxřāmif. Pařa sučyx řinda o'mef. Kořkor biř kofe kō ātynda syxřāmēf. Čarex tezex ōtex jūřinda syxřāmēf. Tōjex kō pařinda syxřāmēf.

Keřligina Muņysqarřax kiī mij. Ninusyna sormif: «Nino, me sine qāten jī'gu?» — deī mij. Ninusy jařāmif: «Se miny qāten jī'sa, jī'!» — dimif. Muņysqarřax ninusynige «pařinden jigur!» teī mij. Jignā Muņysqarřaxnige ařynda jīřāmif. «Xusařynden jigur!» — deī mij. Piz Muņysqarřaxnige ařynda jīřāmif. «Ajařynden je'gur!» — deī mij. Senzy totařyny sellī mij. Muņysqarřax o'axqa č'ōp ařmā vāmif. O'luxta jōvā pařina řořāmif. O'čyx řinta o'ny Muņysqarřax furmef. Jumutā pātāmif. Muņysqarřaxnige kuzina toryx vāmif. Muņysqarřax sučyx řina: «Jūzyn jugur», — teī mij. Pařa zampāsyna řōřāmif. Muņysqarřax xorygyz'ana qařmif. Qařz'ana kō jan'ynda č'aryx tōzexka tōjinz'ana kulenmif. Xot kilz'ana: «Qařqur!» — diī mij. Qořqur biř qořse sū'z'ana kulendermif. Kō pařindaŋy tōlex čixkilz'ana ūldermif. Ūlderz'ana vuller naŋkisy syxřaguče tařalmif. Ninusyna žūřāmif. Tosmef.

Перевод

Были некие старик и старуха. [У них] была дочь. Старик и старуха вдвоем каждый день ходят в горы косить траву. На [их] пути арык. В нем течет вода. После него речка. В ней вода бежит. Если [речку] перейти, достигнешь горы. [Старик и старуха] серпом траву косят, граблями траву собирают. При возвращении [домой] речку вброд переходят, арык перешагивают.

Их дочь зовут Тутырджа. Она, заперев дверь, сторожит [дом]. Отец и мать, придя к дверям, зовут свою дочь. [Они] зовут так (поется):

«Тутырджа, открой дверь!
Отец пришел, мать пришла,
серпом траву накосили,
граблями траву собрали,
речку вброд перешли,
арык перешагнули.

Тутырджа, открой дверь!»

Тутырджа открыла дверь. Отец и мать вошли в дом. Однажды отец умер. Мать [одна] отправилась в горы косить траву. В этой местности живет (букв. есть) Мунгыскарджах. Мунгыскарджах принял образ матери девушки и пришел к ее дверям. Придя, [он] позвал девушку (поется):

«Тутырджа-а, открой дверь!
Ма-а-ать пришла,
серпом траву накосила,
граблями траву собрала,
речку вброд перешла,
арык перешагнула».

Говоря так, [он] лгал (букв. тянул ложь). Тутырджа посмотрела в дверную щель. Посмотрев, сказала: «Ты не моя мать. Моя мама беленькая, [а] ты черный!»

Мунгыскарджах ушел (букв. вернулся). Покатался в бсло[-ватой] пыли и снова пришел к дверям девушки. Придя, позвал [девушку]. Девушка посмотрела в дверную щель. Не узнала, что [это] не (букв. есть или нет) ее мать, и открыла дверь. Сама спряталась дома под мерой для зерна.

Мунгыскарджах вошел в дом и [начал] искать девушку. Не нашел [ее]. Устав, [он] сел на меру для зерна. Под мерой [сидевшая] девушка испугалась и издала звук. Мунгыскарджах узнал [ее]. Поднял (букв. взял) меру и схватил девушку. Схватив [ее], съел.

Пришла мать [девушки] с гор. Пришла, а в ее доме сидит Мунгыскарджах. Мать испугалась. Спросила Мунгыскарджаха: «Что ты делаешь в моем доме? Куда ушла моя дочь?» Мунгыскарджах ответил: «Твою дочь я съел, на ужин и тебя съем!» Сказал [так] и ушел.

Мать, положив дома траву, плача вышла наружу. Выйдя, увидела на дороге иглу. Игла промолвила: «Старушка, ты что плачешь?» Старуха сказала: «Мою дочь Мунгыскарджах съел, на ужин и тебя съем, говорит! Поэтому и плачу». Игла сказала: «Не плачь! Вечером мы с тобой вдвоем посидим».

Старуха, сказав «да!», пошла дальше (букв. опять). В пути [она] увидела шило.

Шило спросило старуху. Старуха, как и раньше, ответила теми же словами. Шило сказало старухе: «Не плачь! Вечером приду с тобой посидеть вдвоем».

Старуха, сказав «да!», пошла [дальше]. В пути [она] встретила ножницы. [Ножницы] спросили старуху. Старуха ответила прежними словами. Ножницы сказали старухе: «Вечером придем к тебе [посидеть] вдвоем».

Старуха, сказав «да!», пошла [дальше]. Идя, в пути [она] встретила яйцо. [Яйцо] спросило старуху: «Ты почему плачешь?» Старуха ответила прежними словами. Яйцо сказало старухе: «Ты не плачь! Вечером приду к тебе [посидеть] вдвоем».

Старуха, сказав «да!», пошла [дальше]. Идя, в пути [она] встретила лягушку. Лягушка спросила старуху. Старуха ответила прежними словами. Лягушка сказала старухе: «Ты не плачь! Вечером приду к тебе [посидеть] вдвоем».

Старуха, сказав «да!», пошла [дальше]. Идя, в пути [она] увидела пару баранов. [Бараны] спросили старуху. Старуха ответила прежними словами. Пара баранов сказала старухе: «Ты не плачь! Вечером придем к тебе [посидеть] вдвоем».

Старуха, сказав «да!», пошла [дальше]. Идя, в пути [она] увидела жидкий кизяк. Жидкий кизяк спросил старуху. Старуха ответила прежними словами. Жидкий кизяк сказал старухе: «Ты не плачь! Вечером приду к тебе [посидеть] вдвоем».

Старуха, сказав «да!», пошла [дальше]. В пути [она] увидела каменный валик для обмолачивания пшеницы. Валик спросил старуху: «Ты почему плачешь?» Старуха ответила прежними словами. Валик сказал старухе: «Ты не плачь! Вечером приду к тебе [посидеть] вдвоем».

Старуха, сказав «да!», пришла (букв. вернулась) к себе домой. Вечером те, которых [она] видела в дороге, все пришли. Придя, они все [стали] охранять старуху. Игла охраняла старуху на голове. Шило охраняло старуху на животе. Ножницы охраняли [старуху] у ног. Яйцо охраняло [старуху] в очаге. Лягушка села в чан для воды. Пара баранов охраняла [старуху] за дверью. Жидкий кизяк охранял [старуху] у порога. Валик охранял [старуху] под дверью.

Вечером пришел Мунгыскарджах. [Он] спросил старуху: «Старуха, откуда тебя есть?» Старуха ответила: «Где хочешь, там меня и ешь!» Мунгыскарджах сказал: «[Начну] есть с головы старухи!» Игла кольнула губы (букв. рот) Мунгыскарджаха.

«[Начну] есть с живота!» — сказал [Мунгыскарджах]. Шило кольнуло губы (букв. рот) Мунгыскарджаха. «[Начну] есть с ног!» — сказал [Мунгыскарджах]. Ножницы вонзились в губы [Мунгыскарджаха]. Мунгыскарджах пошел в сеновал взять сена. На сеновале вилы свалились на его голову. Мунгыскарджах дунул на огонь в очаге. Яйцо лопнуло и залепило пылью глаза Мунгыскарджаха. Мунгыскарджах сказал: «Вымою лицо в чане!» Лягушка ударила [его] по щеке. Мунгыскарджах, испугавшись, убежал. Убегая, он поскользнулся о жидкий кизяк у очага и упал. Встав, сказал: «Убегу!» Пара баранов боднула [его] и свалила наземь. Валик сорвался с двери и убил [Мунгыскарджаха]. Все охраняющие разошлись. Старуху [они] спасли. Конец.

8. * ГЛУПЫЙ ВОЛК (ТОМБАХ)

(Ха Ми-ду, мужч., 40 лет, род. в сел. Уджирем, крестьянин.
Записано в сел. Уджирем 18 июня 1957 г.)

Текст

Puře vumēf. Goł t'ü'ne kiimif. A'tur kormef. A't palčyx ifina tyxytmēf. Puře a'ta jafazi: «A't, men seni jegâr a!» — ti'zi.

— Meni piligi jina'kur i? Palčyx ifinden meni sūr^e te tařinda ji! — dimif.

Tařina sūr^emēf. Tařinda a't jafazi: «Menigi peřjemni ařyt^y sen je!» A't puřeni biř t'ö'zi. A't qařzi. Puře jan'fazi: «A'tni palčix ifinda (// ifinden) sur^ogen kuřli puři, a'tnigi palčagyn ařy'qan ařy puře, a'tnigi japařyn jegen iřkin puřa. Toszi.

Был некий волк. Пришел [он] к низовью горной речки. Увидел коня. Конь увяз в грязи. Волк сказал коню: «Конь, я тебя съем, а?»

«Зачем есть меня такого? Вытащи меня из грязи и на воле (букв. снаружи) съешь!» — сказал конь.

[Волк] вытащил [коня]. На воле (букв. снаружи) конь сказал: «Очисти меня от грязи и ешь!».

Конь вдруг (букв. раз) лягнул волка и убежал. Волк сказал: «Коня из грязи вытащивший — сильный волк, коня от грязи очистивший — чистый волк, от коня получивший (букв. съевший) оплеуху — жалкий волк!» Конец.

9. * ЗАЯЦ И МЕДВЕДИЦА (ТОМБАХ)

(Ха Ми-ду, мужч., 40 лет, род. в сел. Уджирем, крестьянин.

Записано в сел. Уджирем 18 июня 1957 г.)

Текст

Piř ätyx vumēř. Tořjanur vumēř. İřkysy zuma qazymēř. Ätyx zuma sön-sön čyxkiřgu jimif. Töřen zumanе jimimēř. Keřligina, İřkise jan'mēř. Ätyx töřen(n)ä jafazi: «Zumany maņa piņa veř!» Piņa verzi. Ätyx jizi. Nene keliži zuma. Töřen vemizi. Ätyx jan'fazi: «Sen ver'se, veř! Vēmese, men sene jigurl»

Töřenne ätyx jizi. Töřennigi pařine ätyx pařasyna akelži. Ätyx, pařasyna jan'fazi: «Änigi pařini sen je! Töřennigi pařasyna jafaquma!»

İnži töřen pařasy ätyxqa sorzi: «Mini amym qařa varzi?» Ätyx jafazi: «Men kormiži!»

— Pöxtä İřkysy piřotuga varzi, menigi amym kēmiřzi!

Töřen pařasy ätyxnige pařasynе čallazi: «Eheřo zuma qaz'mā vařař!» İřkysy varzi. Töřen pařasy ätyx pařasyny ūlderzi. Töřen qařz'i. Ätyx İřasy töřenni qořazi. Töřen qoř arasyna varzi. Ätyx qoř k'o'kučiga sorzi: «Töřenni kortu?»

— Kormiži!

— Sen jafasa, jan'fa! Jan'famasа, men seni jigurl

— Qořini arasynda piř vax!

Töřen qařmiř. Töřen pugu jānyна varzi. Töřen puguga jan'fazi: «Sen meni jāřirgu jery vōsa, piř jāřir! Ätyx mini amymny jizi, meni ham jigurl tepa!»

Puřu töřenni jāřirzi. Ätyx kelzi, puguga sorzi: «Sen töřenni korto?»

— Kormiži!

— Sen jafāsā, jefa! Jeřfamasа, men seni jigurl

Pugu jafamaži.

— Sen mini jisa, je!

Ätyxny muğāřa piř suřz'č. Ätyxne ūlterzi. Töřen jānyны culaži.

Tombax anda qalži. Tosz'i.

Перевод

Были медведица и зайчиха. Обе выкапывали сладкий корень. Медведица выкапывала корень и тут же съедала [его]. Зайчиха корень не ела. К вечеру обе они [решили] вернуться [домой]. Медведица сказала зайчихе: «Дай мне корня немного!» [Зайчиха] дала немного [медведице].

Медведица съела. [Потом] опять попросила корень. Зайчиха не дала. Медведица сказала: «Дашь, так дай. Не дашь, я тебя съем!»

Медведица съела зайчиху. Голову зайчихи медведица принесла своему детенышу. Медведица сказала детенышу: «Съешь ее голову, но зайчонку не говори!»

Вот зайчонок спросил медведицу: «Куда ушла моя мама?» Медведица ответила: «Я не видела!»

— Сегодня утром вы вместе пошли, [а] моя мама не пришла! [— сказал зайчонок].

Зайчонок пригласил медвежонка: «Пойдем вдвоём копать корень!» Оба отправились. Зайчонок убил медвежонка. Заяц убежал. Мать медвежонка погналась за зайцем. Заяц забежал к овцам. Медведица спросила пастуха овец: «Ты видел зайца?»

— Не видел! [— ответил пастух].

— [Хочешь] говорить, [так] говори! Не скажешь, я тебя съем! [— сказала медведица].

— Посмотри среди овец! [— сказал пастух].

Заяц убежал. Заяц направился к оленю. Заяц сказал оленю: «Если у тебя есть место, где меня спрятать, [то] спрячь! Медведица съела мою мать и меня намеревается съесть!»

Олень спрятал зайца. Пришла медведица [и] спросила оленя: «Ты видел зайца?»

— Не видел! [— ответил олень].

— [Хочешь] говорить, [так] говори! Не скажешь, я тебя съем! [— сказала медведица].

Олень не выдал (*букв.* не сказал) [зайца].

— [Хочешь] есть, так ешь меня! [— промолвил он].

И вдруг (*букв.* раз) пырнул рогами медведицу и убил. [Так он] спас жизнь (*букв.* душу) зайца. Сказка там осталась. Конец.

10. АГУ КАРАДЖИ. I (ТОМБАХ)

(Ту Ла-гу, женщ., 56 лет, род. в сел. Уджирем, домохозяйка.

Записано в сел. Уджирем 19 июня 1957 г.)

Текст

Oxta ba'asyr' vumēf. Ninusu' vumēf. Avu jic'i vāra. İnzi ana pırz'ux vāra. Anasynige ātyny Agu Karaʒi čalapā. Agu Karaʒiga kufu ištepāmēf apasy. Anda ma' k'o'ken pır avur kōrme'f.

— Avū, sen maḡa o'ut vo'tto'ut! dimi'f. İnzi avuz'uxny Agu Karaʒiga k'ufu apasy ba'šta kiimēf.

— Öje je'z'i mu? avu bo'syna dimēf. İnzi öje je'z'z'i.

— Pisinigi öi pazar — t'ūgu, öje je'z'i! el dimi'f.

— Avu, pisinige öi iter!

— Apa, sinigi pazaryḡa qu'laq jo'xara? — dime'f. İnzi öjina je'mēf. Apasy Agu Karaʒiga: «Ana, saḡa kufur akiimēf! — dime'f. İnzi Agu Karaʒi: «A-a, apa, saḡa jo'lda naḡ dira?» — di'ime'f.

— Sinigi pazaryḡa qu'laq jo'xa? — dime'f. İnzi Agu Karaʒi apasyna: «Apa, sen kamagura, pazaryḡda qu'laq jo'xa — öjinda i'ft jo'xa digen'era! — dime'f. Agu Karaʒi apasyna: «Apa, avuz'ux sūlor, sen kamaguar, kakafer any ūltergā pa!» — dime'f. İnzi xorgymēf. Ta'finda i'f e'mi'f.

Agu Karaʒi jogumusunden her kunc a'j vijūimēf (< veri jūrmēf). Jogumu jo'lda qojusyn i'fmi'f, susyny aparmi'f. Komeš emexnigi jārymyny je'imēf, jārymyny apāmi'f. Avunige ātyny Kuzkur-o'ḡān čixramēf. Jogumuga el de'i-

miş: «Agu Karaĵiga jaſatoŷo-on beſnigi keĉisindiġi aġ ĵarym tuħar, on aĉc'-ynigi keĉisindiġi ĵiltis sirixer! te jaſatuŷu!»

İnzi jogumu ðĵina kilmif.

— Åze, Kuzkur-oġlån jaſapa — on beſnigi keĉisindiġi aġ ĵarym tuħar te-
pa, on aĉc'-ynigi keĉisindiġi ĵiltis sirixer tepal

Ågu Karaĵi jogumusuny uħremif: «Aſni iſmiſoġ, susyny ħamiſoġ, emex-
ni ĵarym ĵemiſoġ!» — te ŷħremif.

— İnzi, jogumu, sen var-ta Kozkur-oġlånne vaħ-ta jaſatuŷu: inzi a'tni
iſinda jaħſi a'tny taġna-da, pō iſinda jaħſi pōny taġna-da niŷgenz'ux qaſ!
Ĵic'i kaka ðreten qyĩri kiġpa. Enſeden pō vur kiġpa, sini ŷltergà. Niŷ-
gen qaſ!

Kuzkur-oġlån jaſaĵi: «Sinigi qara saĉiġny men piř kōrgi-ta jaġŷŷ!» —
dimēſ.

Agu Karaĵi jaſamif: «Kōrgu neme joħtyr! Q'ara a'tnigi kuruguna ŷĉŷŷ-
da jan!» — dimēſ.

Kuzkur-oġlån jaſamēſ: «Sinigi kōmūſ ĵŷzŷġni bir kōrgi-ta janinal» —
diĩmif.

İnzi Agu Karaĵi jaſameſ: «Kōmāſ ĵŷzŷm kōrgŷ neme joħtyr. Om beſ-
nigi keĉisindiġi aġny ŷĉŷŷ-de jan!» — dimeſ.

İnzi Kozkur-oġlån qaſmif. Kakasy ĉosy qōlapor, ŷltermif. İnzi Agu Ka-
raĵi: «Eſ-ſ, minigi apym iſti kigen kufu, kiſi paſasyn ŷltermiſoġ!» — te senigin
iſte pāmif. Paŷsor kōrmeſ: «Pavō, Kuzkur-oġlån qāta ŷltermeſ, qarŷa —
quzŷun qāta ilānpā?» Paŷsy jaſameſ: «Tu, taſ ĵŷjinda ŷltermeſ, qarŷa —
quzŷun anta ilenpāl»

İnzi Agu Karaĵi jaſamif: «Sinigi o'toġ ata pellengi-te min-de varioġ!» —
dimif. Agu Karaĵi piř ŷĉŷŷsa, o'toġ ata pellenmif. Poŷy mine vāmif. Ante
iline varsa, axun bir qoſ kōrmif.

Agu Karaĵi el dimeſ: «Axun, sentuħ iſki jaſa! Kozkur-oġlånne āſina
qoĩŷŷ! Se iſkysynġigi sandugi qaĩsy ili ĉix kiĩsa, maġa iſy taġna!» — dimeſ.

Piř kiſniġi iliz'ux ĉixkiĩmif.

— Men vaħŷŷju! — Sanduħ iĉina kirpāmif.

— İnzi Kozkur-oġlånne sinigini sanduħ iĉina qoĵal-ŷ! — dimif.

İnzi qoĩmif. Agu Karaĵi «Kozkur-oġlānni sinigi ornaſpa mo?» vaħqy kir-
pāmif. İnzi iĉinden ĉixkiĩmimif. Axun iſkiŷy pile piř ŷĉŷŷse, zaġyr ĵirigi aŷ-
zyna qatamif ta Agu Karaĵi ŷlmiſ. Axunz'ux iſkiŷy il dimif: «E-e-e, pu
jaħz'ux anaz'ux piligi ŷlto: ŷlŷto iſy taŷŷmatol! Sanduħny soſaŷa te, ĉōi-
gata vāra!» — dimif.

Tombax anta qalmif. Tosmif.

Перевод

Давным-давно были старик и старуха. [У них] — семь сыновей и
только одна дочь. Девушку зовут Агу Караджи. Отец отправился искать
для Агу Караджи жениха. В одном месте (букв. там) [он] увидел юно-
шу, который пас скот.

— Мблodeц, будь мне сыном! — сказал [отец Агу Караджи]. Вот
он повел юношу — жениха для Агу Караджи.

— Добрались ли мы до дома? — спросил юноша старика. Вот [они]
добрались до дома.

— Стены нашего дома вон там! Домой [мы] добрались! — так ска-
зал [отец Агу Караджи].

— Мблodeц, [вот] и наш дом! [— сказал он].

— Отец, у твоих стен ушей нет? — спросил [юноша]. Достигли
[они] дома. Отец сказал Агу Караджи: «Дочь, привел тебе жениха!» Агу
Караджи сказала: «Отец, что он сказал (букв. говорит) тебе в пути?»

«У твоих стен ушей нет?» — ответил [отец]. Агу Караджи сказала отцу: «Отец, ты — глупец; „нет ли ушей у твоих стен“ означает „нет ли дома собаки?“» Агу Караджи сказала [еще] отцу: «Отец, юноша — умный, ты — глупец, старшие братья его убьют, пожалуй!» [Агу Караджи испугалась. Приняла меры (*букв.* вне дома дело сделала)].

Каждый день Агу Караджи посылала со служанкой [юноше] пищу. В пути служанка гушу съедала (*букв.* пила), [а] жидкость относила. Юношу звали Коскур-оглан. [Он] так сказал служанке: «Скажи Агу Караджи: „Месяц на пятнадцатый вечер [только] вполнощину нарождается, звезды на шестнадцатый вечер редкие!“».

Служанка пришла домой.

«Госпожа (*букв.* старшая сестра), Коскур-оглан говорит: „Месяц на пятнадцатый вечер [только] вполнощину нарождается, звезды на шестнадцатый вечер редкие!“» [— сказала служанка].

Агу Караджи побранила свою служанку: «Пищу ты съела, жидкость отнесла, половину хлеба [тоже] съела!» [Так] говоря, [она] бранила [служанку]. [Еще она сказала служанке]:

«Служанка, ступай посмотри Коскур-оглана и скажи ему: „Выбери лучшего из коней и лучшее из ружей и быстро скрывайся! С юга семь старших братьев идут крича, с севера ружья палят, тебя убьют. Скрывайся скорей!“»

Коскур-оглан сказал: «Посмотрю-ка разок на твои черные волосы и пойду!»

Агу Караджи сказала: «Нечего смотреть. Посмотри на хвост вороного коня и ступай!»

Коскур-оглан сказал: «Посмотрю разок на твоё круглое (*букв.* лепешка) лицо и пойду!»

Агу Караджи сказала: «Нечего смотреть на моё круглое (*букв.* лепешка) лицо. Посмотри на месяц в пятнадцатый вечер и ступай!»

Коскур-оглан убежал. Все старшие братья погнались [за ним] и убили [его]. Агу Караджи, говоря: «Жениха, которого нашел мой отец, убили», отправилась искать его кости. [Она] увидела старика. «Папаша, где убили Коскур-оглана, где кружатся вороны?» [— спросила Агу Караджи]. Старик ответил: «Вон, под деревом [его] убили, там вороны кружатся!»

Агу Караджи сказала: «Пусть твой посох превратится в коня. Садись [на него] и поедem!» Агу Караджи раз взглянула, и посох превратился в коня. Старик сел [на него] и поехал. Впереди увидели двух (*букв.* пару) ахунов.

Агу Караджи сказала: «Ахуны, сделайте два сундука. Положим в один из них Коскур-оглана. Тот, кто раньше сделает сундук, станет моим [мужем]!»

У одного [работа] раньше кончилась (*букв.* получилась).

— Посмотрю-ка [я]! [— сказала Агу Караджи] и забралась в сундук.

— Теперь положим кости Коскур-оглана в сундук! — сказала [Агу Караджи].

[Кости Коскур-оглана] положили [в сундук].

Агу Караджи забралась в сундук, чтобы посмотреть, поместились ли кости Коскур-оглана. И не вышла оттуда.

Ахуны посмотрели, [и что же?] Агу Караджи вонзила себе в сердце булавку и умерла. Ахуны сказали [друг другу]: «Э-э-э, так умерла эта красивая девица. Никто из нас не смог стать её [мужем]! Закроем сундук, оставим [его здесь] и пойдем!»

Сказка там осталась. Конец.

(Ми Ри-зу, женш., 37 лет, род. в сел. Уджирем, крестьянка.
Записано в сел. Уджирем 20 июня 1957 г.)

Текст

Piř bosyr, aǵa iřki kiınur vumiř. Piř uřlyřx, piř kiçiliř.

Pařa jořa (// jořmamiř). Ėar'sy asmane pařa keleme vāmiř. Asmande ořuř uř yumēř. Uřisinden kiçi vosa, piřni viř miř. Keleme vaguçi apasy iřkiimiř. Ořy: «Aťykune ēřz'ux kiīgi!» — dimeř.

Ėrřz'ux pazara piř űçirmiř. űçirsā, piř qara perkutur pazara kelz'anā konmiř. Apasy aǵa sū'ni qaına'z'anā appāmiř. Apāǵařy sū' iřina berkut piř qanatyny mānmiř. Apasynigi iřtini bir řařłamiř. Uřlyřxn iřtini bir řařłamiř. Kiçiřyx kēmigili o'myř. İhinři qanatyn sū' iřinā mānmiř. Kiçiřlyřxn pořunc bir řařłamiř. İnři uřz'anā vāmiř.

Vu kiçiřlyřxn řusařyna kiimiř. İnři řatař řusařy tořmaz'ux vumiř. Uřlyřlyř any aparz'anā řařda čū'i ki'i miř. Vu kiçisy qar řařmyř. Apasy kōřnanmiř. «İnři kiiny toř űłzi!» — el diř'anā kōřnanmiř.

Aťkun apasy ēřz'ux tařqa vaxmā vāmiř. Var'sa, anda qar řařmamamiř. Keřny tořmyř. Kiiny avur tořmyř. İnři kiiny kařłamiř. Tař a'kunz'ux tořmyř. Uçiř'ugunda avu tuřmyř. Avusyn űjina aki'i miř. űjina harařmamamiř, uřlyřxtan řořłamiř. İnři tiřux iřinda o'miř.

Muřysqarřyx kiimiř.

— Se avuřny řiř gur! — timiř.

Avusy amasyňa řařłamiř: «Se meni āryz'ux řū-ta tez iřina qořtuřu!» — Avusy pařařa pellenmiř.

Amasy: «İnři čenikuma, men seni ařzyřni iřiz'ugunda qoř quřu. Pařa kiçiř'uxa, eligiz'ux uřtuřu. Muřysqarřax se any uřqur jořa, eligiz'ux uřquřu!» — dimiř.

Uřqarřy pařa kiři ke pellenmiř. İfte ařzyny asmane asmyř, řūři ařzyny jere qadāmiř. İnři ante any űłtermiř. İnři āřtynři kiři jeřelmamamiř.

Anda tombax qalmiř. Tosz'i.

Перевод

Были старик и две его жены. Одна — старшая (букв. большая), другая (букв. одна) — младшая (букв. малая).

Детей не было. Муж отправился на небо просить ребенка. На небе были три мальчика. Из них (букв. трех) дали [старик] одного младшего (букв. малого). Отец, который [ходил] просить, явился (букв. спустился) [домой]. Сын его сказал: «Завтра рано приду!»

[Отец] рано [утром] взглянул на стену и увидел, что какой-то черный беркут, прилетев (букв. придя), сел на стену. Отец, вскипятив, отнес ему молоко. Беркут окунул в молоко одно крыло и вдруг ударил [им] отца, ударил его старшую [жену]. Пока не пришла младшая жена, [беркут] сидел. [Он] окунул второе крыло в молоко и вдруг ударил [им] по телу младшей жены. Потом улетел.

[С тех пор] младшая жена забеременела. Живот ее раздулся, вот-вот родит. Старшая жена отнесла ее в горы и оставила [там]. Вечером повалил снег. Отец забеспокоился. «Жена замерзнет и умрет!» — так говоря, [он] беспокоился.

На другой день рано-рано отец пошел в горы посмотреть [жену]. Там снега не было (букв. снег не шел). Жена его родила. Родила мальчика. [Она] родила до зари. В конце концов родила мальчика. Принесла

сына домой. Но внести домой не решалась: боялась старшей жены. [Она стала] жить (*букв.* сидеть) в пещере' (*букв.* внутри отверстия).

Пришел Мунгыскарджах.

— [Я] съем твоего сына! — сказал [он].

Мальчик сказал своей матери: «Выймой меня и посади (*букв.* положи) на чистую тарелку!»

Мальчик превратился в лягушку.

Мать сказала [Мунгыскарджаху]: «Ты не жуй [только], я положу в твой рот. Лягушка малюсенькая, [ты] проглоти [ее] целиком. Мунгыскарджах, ты не глотай [ее по частям], [а] целиком проглоти!»

Как только [Мунгыскарджах] проглотил, лягушка обернулась человеком.

Верхнюю челюсть (*букв.* рот) [Мунгыскарджаха он] подвесил к небу, [а] нижнюю челюсть (*букв.* рот) к земле прикрепил. И так [его] там убил. Больше [Мунгыскарджах] не мог пожирать людей.

Сказка осталась там. Конец.

12. * МАЛЬЧИК — СЫН КОРОВЫ (ТОМБАХ)

(Ми Ри-зу, женщ., 37 лет, род. в сел. Уджирем, крестьянка.

Записано в сел. Уджирем 20 июня 1957 г.)

Текст

Piř uřıııyř ma kičiıyř vāra. İřkisy xarsy kō čyxıııř. Uřıyıyry el diııııř: «İs'y saņa poıkyryx e'ki-ta seligi!» Kičiıyry diııııř: «İzyga peıkyryx e'ku negař? Niıngu juřar. İzy avur toxqı, seni zeligi! İnzi xar'sy vāıııř. Kičiıyry toııııř. Uřıyıyry zeleııııř. Avusy ūltermıř, pařda any kommiř. Xapaıyry akiııııř.

— Se toqqan — bu ira! — diııııř. İnzi vu jyřıamıř. Any apasy kiııııř. Uřıyıyry: «Se kiııy xapaıy toııııř!» — diııııř.

İnzi apasy varz'ānā simeř pařda. «Apa, sen mi pāřima sigūr u?» — diııııř. El digele uřııııř jařaganne iřtimıř.

Uřıyıyř pařany iıux taıy jūjinda kom'y kilmiř. Mōden čičex ačiłmiř. Čičexni kōlex jydyrmiř. Kōlex puzyřıamıř. Elıgu pařaz'ux ira. Aņa jigusy veımemiř.

Kičiıyř inzi her kuny kōlex k'u'mē vāıııř. Emex vēmemiř. Tēzex tere-mē jōrmiř. Kōlex el diııııř: «Četelni kuruguma pařıatatuıy!» — diııııř. İnzi āřıni toııııř čařıamıř. Pařasinigi amasy kōlex vumiř. Aņa jař emez'ux jidermiř.

Ujina kiııııř. Ujina kelz'a urxanny tiřmiř. Jař emex piřaz'ux čiřkiııııř. Uřıyıyř avuz'uxny tōııııř: «Se pu egiıııııne qāten akelzi?»

— İnzi vu kōlex ızyga veriri — dimeř, — četelni ızy kur'guna pařıasa, čařııar! — diııııř.

İnzi uřıyıyř ızyne ōsune jūrmiř. Vu pařıamıř. Aņa čařıamamıř. Jař ek mex vēmemiř.

Keskunz'ux uřıyıyř ačiıy jyřıamıř. Ujina kiııııř. Amāsyna jařamıř. Amasy nene avuz'uxne tōııııř.

Tombax anda qalımiř. Tosz'ı.

Перевод

Были старшая (*букв.* большая) жена и младшая (*букв.* малая) жена. Муж их уехал [куда-то] из дому. Старшая (*букв.* большая) жена сказала: «Сам тебе сошьет платье и пожалует!» Младшая (*букв.* ма-

лая) жена сказала: «Зачем ему [для меня] шить платье? Детей (букв. ничего) [у меня] нет. Ты родишь сына, тебя [он] и одарит!»

Муж [куда-то] уехал. Младшая (букв. малая) жена родила. Старшая (букв. большая) жена поздравила [ее]. [Сама же] убила [новорожденного] мальчика и закопала его в саду. [Вместо сына] принесла собаку.

— Ты родила вот это!— сказала [она]. [Младшая жена] заплакала.

Приехал муж (букв. отец). Старшая (букв. большая) жена сказала: «Твоя жена родила собаку!»

Муж вышел в сад по своей надобности. «Отец, ты зачем меня беспокоишь?» — сказал [его сын]. [Затем] муж услышал, [что] сказала старшая (букв. большая) жена.

Старшая (букв. большая) жена закопала ребенка под абрикосовым деревом. [Там] вырос (букв. раскрылся) цветок олеандра. Цветок съела корова. [Стала стельной] и отелилась. [Так появился] прежний ребенок. Ему не давали есть.

Младшая (букв. малая) жена каждый день ходила пасти корову. Хлеба [мальчику] не давали. [Он] ходил собирать кизяк. Корова сказала: «Привяжи корзину к моему хвосту!» [Корова] наполнила [корзину] навозом. Матерью ребенка стала корова. [Она] угощала его маслом и хлебом.

[Мальчик] пришел домой, развязал веревки. Появились в небольшом количестве масло и хлеб. Старшая (букв. большая) жена побила мальчика, [говоря]: «Ты где взял этот хлеб?»

— Та корова мне дает!— сказал [мальчик].— Корзину подвешиваю к хвосту, [и она] наполняет!

Вот старшая (букв. большая) жена погнала своего сына. Тот подвязал [корзинку]. Но [корова] ее не наполнила. Не дала ни масла, ни хлеба.

Вечером [сын] старшей (букв. большой) жены, проголодавшись, заплакал. Пришел домой и рассказал матери. Мать снова побила мальчика (т. е. неродного сына).

Сказка там осталась. Конец.

13. * ХИТРЫЙ ЗАЯЦ (ТОМБАХ)

(Зей Не-пá-ту, женщ., 47 лет, род. в сел. Уджирем, крестьянка
Записано в сел. Уджирем 20 июня 1957 г.)

Текст

Ax toŭšenur vumēf. Vu ax kapa jūjinda jilem qaīna'mēf. Puře kiīmē.

— Toŭšen, na'por i? — dimef.

— Pu jilemne k'ozyŋa saŋasa, qoj'xuī jisa, vuŋyr!

Puřež'uxne k'ozyna jilem saŋamēf. Puřež'ux qoi jemā vāmēf. Varsa, k'uzu kormemēf. Inzi maŋčiŋa puŋyny tōimēf.

Toŭšenž'ux nene qzyŋ qajani jūjina vāmēf. Puřež'ux ax toŭšenni iŋte pāmēf. Inzi qzyŋ qaja jūjina vāmēf puŋyž'ux. Toŭšenž'uxne ŋanyamēf.

— Ax toŭšenur k'urto? — dimef.

— Izy toŭšen kormiži na'kuri? — dimef.

Ax toŭšenž'ux yŋgyrčyx jaŋamēf.

— Pu yŋgyrčyxny na'kur e? — dimef.

— Pu yŋgyrčyxny bileŋā qoiž'anā qoi jysa, xutu jysa voŋar! Pu yŋgyrčyxny iŋtyŋa qoi kutyr kēse. voŋar!

Inzi puŋi: «Pu eŋgyrčyxny maŋa vertoŋo!» — dimef.

— Vemese! — dimef.
 Puřiz'ux: «Sen vemese, men seni jigur!» — timēf.
 — Sen meni jikuma, men saņa viġel — dimēf.
 Īnzi viimēf. Puřyz'uxnige pilenāz'ux qoimēf. Īnzi qoīnige jānyna vāmēf.
 Qoī jyjytmamēf. Maļčīta puřenys tōimef, poqutary čiqamēf.
 Īnzi toŭšenz'ux xy qyryņyna vāmēf. Xēī qyr'ņynda aŗu čū'pne tat'y-
 poř diz'anā o'myf. Īnzi puřy ķiimēf.
 — Tū anda toŭšenz'uxne korto? — dimef.
 — Na'z'i? — dimef.
 — Avu mini xy etz'il — dimēf, — toŭšen, sen na'por i? — dimef.
 — Men aŗu čū'ne tātupoř, tātymyř! — dimēf.
 Pūre: «Any men tātaŗā!» — dimēf.
 Īzy pir tāt'sa, ĩnzi hyšine z'iparmif. Īnzi toŭšenz'ux anda kozur kor-
 mēf. Kozyz'ux jyřtamēf.
 — Kozy, nege jyřtapor i? — dimēf.
 — Īzyny anda puřur jigur tepa — ĩzy jyřtapoř.
 — Se jyřtaquma, ihiŭo vāra! — dimēf.
 Īnzi ĩfkisy vāmēf. Jořta ax qātexur ta'mēf. Nene aŗa-a-a varsa, qara
 qātexur ta'mēf. Ax z'aŗu piř tikke ta'mēf. Qara čaŗu piř tikke ta'mēf. Īnzi
 ax xāxyt piř tikke ta'mēf. Kozy ĩfkisy aŗa-a-a vāmēf. Var'sa, puře z'ux ķiimef.
 — Ja, toŭšen, kelto? — el dimēf.
 — Men ĩfkisym kelzi! — el dimef.
 Toŭšen qozyŗa: «Ax čexne čītoŗo! — dimēf, — qara čixne čītoŗo! —
 dimef, — synny maņa veř, me oxqā!» — dimef.
 Īnzi ox'mēf.
 Īnzi: «Puře, — el dimef, — pox k'oz, — el dimēf, — ahys řatax, — el di-
 mef, ku jirdigi puře ūltosmēf, — el dimef, — a, puře, sen pirz'ugun qalto? —
 el dimef, — kozy, ax sinjirny āt-dy ġel — dimef, — qara sinjirni āt-dy
 ġel!» — dimef.
 Digeli puřiz'ux qafmēf.
 Puřiz'ux t'uligur kormēf.
 — Puře, nege qafpor i? — dimēf.
 — Anda toŭšenur ma kozur vāra! — demiš.
 — Ax sinjirni āt-dy ġel — el tiŗer, — qara sinjirni āt-dy ġel — el tiŗer.
 Īnzi ĩzy qafz'il
 — Īhiŭo vāra! — dimef t'ulugo.
 Īnzi t'ulugo ma puře ĩfkysynige kuruguny ĩzy pařtařtymēf. Kozyz'ux
 ma toŭšenz'ux jānyna vāmēf.
 — Ja, puře, kelto? — el dimēf.
 Toŭšenur: «Sen maņa sat piř ġi tiginī, sary inegīņ pudyr o? — dimēf.
 Puře ma t'ulugo ĩfkysy qafmēf. Īnzi toŭšenz'ux ma kozyz'ux ĩfkisy
 vāmēf. Atyxurnīgi ōjina ķirpāmēf.
 Atyx z'ux: «E-e, toŭšen, ne'mē kelzi? — dimēf.
 Tū elendigi ōiz'ux, kem ōjidir i? — dimef.
 — Vu pāsniġi ōji, vāquma, seni jjer! — dimif.
 — Īzy var'y-da piř vax ķiġi! — dimēf.
 — Īnzi pasz'ux: «Toŭšen ne'mē kelzi? — dimēf, — men seni jiġgurl» —
 dimēf.
 — E-e, sen meni ji na'ķur? Men si tišīņ arasynda z'ux qatŗā! — el timēf.
 — Pās, seni ōjuņda ġaja vāra? — dimēf.
 — Naŗař i? — dimēf.
 — Sen muŗa ķe, ġaja munda vāra! — dimef.
 — Qalē? — dimēf.

— Ajetnigi otaz'ugynda xyjur vāra!
 Pās xyī qyr'yna vāmēf.
 — Inži xyī iřinta t'ūgu seni jigur tepa! — timiř.
 Pās'ux xyī iřindagyny qōla pāmēf.
 Xyī iřina z'üz'pāmēf ize. Inži ātyxnigi ōjina vāmēf.
 — At'yx nařdyr ma kiřpá! — dimēf.
 — Qālē? — dimēf.
 — Tū e'z'ikke čixparař, ūčirel! — dimeř.
 Inži ātyxz'ux xorgameř.
 — Inži, to'řen qālē jařyngur a? — dimeř.
 — At'yx, sinigi altun ma kumuř qātá vāre? — demiř.
 — Kumuř qazembař ārtynda vār! — dimēf, — altun z'ūgu jūjinda vār! —
 dimēf.
 — Inži — qačař! — dimeř te qařmēf.
 Qaz'z'ānā: «Hyī iřina kirtu'ul!» — dimeř. Hyī iřina kirmēf. Hyī iřinda
 ātyx ūlmēf.
 Kazembař iř'tinda kumuřne vāameř. Z'ūgū jūjinda ałt'unne vāāmēf.
 Inži to'řen'z'ux kozyz'uxke kīny almēf. Kozy emes, inži avu ira vu!
 Inži tombax qalmēf. Tosmiř.

Перевод

Был белый заяц. Он варил клей у подножия белой горы. Пришел волк.

— Заяц, что ты делаешь? — спросил [волк].

— Если ты этим клеем намажешь глаза, [то] сможешь съесть много овец! [— ответил заяц].

[Он] намазал клеем волку глаза. Волк пошел ловить (*букв. есть*) овец. А глаза у него не видят. Пастухи побили волка.

Заяц устроился (*букв. пошел*) под красной скалой. Волк направился на поиски белого зайца. Вот волк пошел под красную скалу, но зайца не узнал.

— [Ты] белого зайца видел? [— спросил волк].

— [Я] зайца не видел, что делать? [— ответил заяц].

Белый заяц сделал седло.

— С этим седлом что делать? — спросил [волк].

— С этим седлом на пояснице ты сможешь съесть много овец.

Если положишь это седло на спину и понесешь [его], [то все] будет! [— сказал заяц].

Волк сказал: «Дай мне это седло!»

— Не дам! — сказал [заяц].

— Если не дашь, я тебя съем! — сказал волк.

— [Нет], не ешь меня, я тебе дам! — сказал [заяц].

[Он] отдал [седло волку]. [Заяц] положил [седло] на поясницу волка. [Волк] отправился к овцам и [опять] не мог съесть овец. Пастухи сильно побили волка.

Заяц побежал к берегу реки. На берегу реки [он] остался, решив (*букв. думая*) нарвать ядовитой травы. Пришел волк.

— [Ты] видел вон там зайца? — спросил [он].

— Зачем он тебе (*букв. что сделал*)? — сказал [заяц].

— Он мне сделал плохое! — сказал [волк]. — А ты, заяц, что [здесь] делаешь?

— Я рву ядовитую траву, да не могу вырвать! — ответил [заяц].

— Я вырву! — сказал [волк].

Он рванул [траву] и полетел в реку. Заяц увидел ягненка. Ягненок плакал.

— Ягненок, почему плачешь? — спросил [заяц].

— Меня там волк собирается съесть, [потому] и плачу! — ответил ягненок].

— Не плачь, [мы] вдвоем пойдем! — сказал [заяц].

Оба они отправились. На дороге нашли белую бечевку. Пройдя немного, нашли черную бечевку. Нашли кусок белого войлока. Нашли кусок черного войлока. Нашли кусочек белой бумаги. Ягненок [и заяц] пошли дальше. Встретили (*букв. пришел*) волка.

— А-а, заяц пришел? — сказал [волк].

— Мы (*букв. я*) вдвоем пришли! — сказал [заяц].

— Расстели белую кошму, — сказал заяц ягненку, — расстели черную кошму, — продолжал [он], — письмо дай мне, я почитаю!

[Заяц начал] читать [письмо].

— Волк, — сказал [он], — такой-сякой, — сказал [он], -- большеротый, — сказал [он], — в разных местах все волки погибли, -- сказал [он], — только ты один остался, — сказал [он]. — Ягненок, принеси белую цепь, — сказал [он], — принеси черную цепь, — сказал [он].

Волк убежал. [По пути] волк увидел лису.

— Волк, [ты] почему бежишь? — спросила [лиса].

— Там заяц и ягненок! — ответил [волк]. «Принеси белую цепь, — говорят, -- принеси черную цепь», — говорят. Вот я и убежал!

— Пойдем вдвоем! — сказала лиса.

Вот лиса и волк связали себе хвосты и отправились к ягненку и зайцу.

— Ну, волк, пришел? -- сказали [ягненок и заяц].

Заяц [еще] сказал [волку]: «Продай мне то, что обещал (*букв. сказал*). Твоя желтая корова эта самая и есть?»

Волк и лиса убежали. Заяц и ягненок пошли [дальше]. Пришли [они] в дом к медведю.

Медведь сказал: «Э-э, заяц, ты что пришел?»

— Вон, недалеко дом. Чей это дом? — спросил [заяц].

— Это дом тигра. Не ходи, [он] тебя съест! — ответил [медведь].

— Пойду-ка посмотрю! -- сказал [заяц].

Вот тигр сказал: «Заяц, зачем пришел? Я тебя съем!»

-- Э-э, меня есть не стоит. Я застряну в твоих зубах! — сказал [заяц].

— Тигр, в твоём доме есть враг? — спросил [заяц].

— Что? — сказал [тигр].

— Иди сюда, враг здесь! — сказал [заяц].

— Где? — спросил [тигр].

— Посреди двора река [течет]! [-- сказал заяц].

Тигр побежал к берегу реки.

-- Тот (*т. е. враг*) сейчас съест тебя в реке! — сказал [заяц].

Тигр бросился за тем, кто [находился] в реке. Тигр свалился в реку. И вот они отправились в дом к медведю.

— Медведь, кто-то идет! — сказал [заяц].

— Где? — спросил [медведь].

— Поднимись наверх, посмотри! — ответил [заяц]. Медведь испугался.

— Заяц, куда же спрячемся? — сказал [медведь].

— Медведь, где находятся твоё золото и серебро? — спросил [заяц].

— Серебро — за плитой! — сказал [медведь]. — [А] золото под каном!

— Теперь бежим! — сказал [медведь], и [они] убежали.
 [Заяц сказал]: «Бросайся (букв. войди) в речку!» [Медведь] бросился (букв. вошел) в речку и там умер.
 [Заяц] у плиты раскопал серебро. Под каном [он] раскопал золото.
 Заяц добыл жену для ягненка. [Он] вовсе не ягненок, а юноша!
 Вот и сказка осталась. Конец.

ПОЭЗИЯ

14. САГЫШ. I

(Ми Ри-зу, женщ., 37 лет, род. в сел. Уджирем, крестьянка.
 Записано в сел. Уджирем 19 июня 1957 г.)

Текст

(Jaŋy kiŋny aŋganda juŋtaŋan egen. Saŋar kiŋi juŋtaŋan)
 Sāhyŋ ŋaŋna'kan,
 ŋosa ta'faŋ. ŋosa ta'z'i!
 Mi pāšima el qoŋuči,
 qaryntaŋim aŋuz'ixuŋ!
 minⁱ artyma aŋ ar'ane
 kormaŋi k'ā ačŋŋuŋ kiŋsyn-jō!
 Mē artyma serkizny (<sary kizy-ny)
 urŋuŋu k'ā peligur kēsŋyn'-jō!
 Sen avaler, menⁱ qyzyŋne
 aŋzymdege sary tiŋim
 sōlengine kuŋyŋmaŋi!
 Pāšimdegi qara sāčim
 tūzelgene kuŋyŋmaŋi!
 Sen avaler, mē qyzyŋny
 koŋ ilima koŋ tūŋe
 «z'ūt te ŋigē» dimiŋŋ!
 Koŋ ilima koŋ senzy
 «z'ūt te iŋká» demiŋŋ!
 ŋŋmegi-jū! ŋimegi-jū!
 ŋŋku nigide Xudaŋ egisŋ ŋara'miŋz'e?
 Āny ŋanitine, men telli qyz,
 ŋandyŋmas-či, Aŋŋa ŋandyŋyŋ!
 Tosz'i.

Перевод

[То, о чем плакала (женщина), когда ее брали
 в жены. Саларская женщина плакала.]
 Сагыш заставляет вспоминать,
 мула найдут, мула нашли!
 О расплетающая мои косы (букв. кладущая руку на мою голову),
 родственница моя, девушка!
 Пусть за мной последует [жизнь],
 которая раскроется, как жареные зерна белого ячменя!
 Пусть за мной последует [жизнь],
 которая станет обильной, как семя желтой горчицы!
 Вы (букв. ты), родители (букв. отцы), у меня, вашей дочери,
 во рту младенческие зубы

пока вырастут, не подождали!
 Черные волосы на голове
 пока выровняются, не подождали!
 Вы (*букв. ты*), родители (*букв. отцы*), мне, вашей дочери,
 в обе руки две лепешки [положили].
 «Возьми и сшь!» — сказали [вы].
 В обе руки две чашки [дали].
 «Возьми и пей!» — сказали [вы].
 [Я] не буду пить! [Я] не буду есть!
 «Зачем мне пища, — сказав, — о бог владыка?» — с удовольст-
 вием ли (*букв. любя ли*) съела?
 Ответ на это я, неразумная девочка,
 не [могу] дать (*букв. вернуть*), пусть бог даст [ответ] (*букв.*
 вернет)!

Конец.

15. САГЫШ. II

(Ми Ри-зу, женщ., 37 лет, род. в сел. Уджирем, крестьянка.
 Записано в сел. Уджирем 20 июня 1957 г.)

Текст

Sahyſ janna'kan,
 ʃosa taʃaʃ, ʃosa ta'z'i!
 Mi bašima el qoſyūči,
 qāryntaſim āguz'uxuſ!
 Muſa jyſyſʃan avulerim
 janteſi ta jyſyſ dal
 ʃo pilmegen ʃoſisy avamni
 jānyſa kir te ʃo pir āhys
 k'ogäskočur čixyſyſz'ānā!
 Maſ paſnagan orny da iteri-ju!
 Mo jyſyſʃan iſjūlerim,
 janteſi te jyſyſ ta!
 ʃo pilmegen ʃoſisy iſjemni
 jānyſa kir te ʃo pir āhys
 kohūskočur čixyſyſz'ānā!
 Aſ tēiſgen orny da iteri-ju!
 Men ārtyma pās pūſi k'ā
 paſyſ da keliſyſz!
 Men ārtyma iſʒ'i tūxli
 ſūtil de keliſiz!
 Kēmēri teſe, myjaſ moronny
 puſāry ſačāry pir ider oſ!
 Sen avanigi a't quſax ider oſ!
 Men qyzyſyſnigi c't kōſni ider oſ!
 Saſyxyſrāni kāvusyſnta
 un pir ſanzy čixar per'se,
 āny vaſina ſu per zanzy
 qoſaſmaſanda taſina čix'
 taſ qajāny tōi! jaſer oſ!
 Xaſimen piſ čizy čixar perſe,
 āny vaſina k'ōh zenſeden
 piſ juriſz'ux jurelmaſanda

İf'na kîr î: îfî pîfkut
û.ke te jafer' oŋ!
Tosmîf.

Перевод

Сагыш заставляет вспоминать,
мула найдут, мула нашли!
О расплетающая мои косы (*букв. кладущая руку на мою голову*),
родственница моя, девушка!
Собравшиеся сюда дружки мои,
стекайтесь и собирайтесь!
К неразумному и простому отцу моему
придите и разум
раскрывающими будьте (*букв. выйдите*)!
Разве здесь место, где помогают, [одарив] скотом!
Собравшиеся сюда подружки (*букв. матери*) мои,
стекайтесь и собирайтесь!
К неразумной и простой матери моей
придите и разум
раскрывающими будьте (*букв. выйдите*)!
Разве здесь место, где раздают пищу!
[Вслед] за мной, как тигр [и] волк
ступая, следуйте!
[Вслед] за мной, [шубу] шерстью наружу
набросив, следуйте!
Если скажут, едва ли придут! [То ведь]
иногда по рисунку (*букв. по облику*) ветви и корни похожи
(*т. е. едины, как один*)!
У тебя, отца, это — слава (*букв. ухо коня*)!
У меня, твоей дочери, это — мягкость сердца!
В доме мужа
дают [такую] кроху муки,
[что] не могу чашку воды
налить [в нее]. [Тогда], выйдя наружу,
говорят: «Беда с ней (*букв. хоть бей каменную скалу*)!»
Материю для обуви дают такой длины,
[что] из нее стальными (?) (*букв. синими*) ножницами
не могу отрезать [даже] полоску.
[Тогда], войдя ко мне (*букв. внутрь*), говорят: «Напрасный труд
(*букв. дело ее — пугай беркута*)!»
Конеч.

16. САГЫШ. III

(Ми Ри-зу, женщ., 37 лет, род. в сел. Уджирем, крестьянка.
Записано в сел. Уджирем 20 июня 1957 г.)

Текст

(Kõî aŋan sāhyf)

Sāhyf jaŋna'kan,
łosa taʔar, łosa ta'pʒ'î!
Me pāf.ma el qoīʔuči,

qārıntajım akuz'ixur!
 Sen avaler, men qyzyǵny
 ajetyǵny ð'tasynda tūr'mā
 zizy k'a zilǵampo: (<zilāsāǵ pır) iratyr či?
 Kifni qānyny tōsy kile
 ine qānyna qar'yur itiroǵ!
 Qāryımaǵanda sen avagā,
 ilgi lenjāt, lānjāt vomasa,
 ātyy lānjāt, lānjāt vomasi ju!
 Men qyzyǵa iligi sāhyǵ,
 sāgyǵ vomasa, ārtıy sāhyǵ,
 sāhyǵ vomasi ju!
 Tosz'i.

Перевод

(Песнь о том, как муж брал жену)

Сагыш заставляет вспоминать,
 мула найдут, мула нашли!
 О расплетающая мои косы (*букв.* кладущая руку на мою голову),
 родственница моя, девушка!
 Вы (*букв.* ты), родители (*букв.* отцы), меня, вашу дочь,
 посреди двора, как рассадку редьки,
 посадили бы, неправда ли?
 «Чужая (*букв.* человека) кровь, накопившись,
 пусть смешается с моею кровью!» — [ты] говоришь.
 Если [она] не смешается, тебе, отцу,
 прежде всего раскаяние, если нет раскаяния [сейчас],
 потом [придет] раскаяние, как не быть раскаянию!
 Мне, твоей дочери, прежде всего воспоминания,
 если нет воспоминаний [сейчас], потом [придут] воспоминания,
 как не быть воспоминаниям!
 Конеч.

ПРОЗА

СВАДЕБНЫЙ ОБЫЧАЙ

(предание)

17. ВЕРБЛЮЖЬЯ ИГРА

(Мухаммеда Ша Бан-бо, мужч., 86 лет, род. в сел. Алтиюли, крестьянин. Записано в сел. Алтиюли 4 июля 1957 г.)

Текст

Íški kif törtenni čũre kije tõe tagnař. Pír kifi törtenni čõre kije Qaramaŋ tagnař. Qaramaŋ tõeŋigi purnuna čuťyř taxy je'ler. Qaramaŋ asany z'ijener. Taši pir kif Qaramaŋa sorryr.

Pařqa kif: «Sen qātan kēgen?»

Qaramaŋ: «Sāmārkandiden čixkēgen!»

Pařqa kif: «Qāfá kegen anden?»

Qaramaŋ: «Kanzatana kelzi!»

Pařqa kif: «Anda naŋ jegen?»

Qaramaŋ: «Anda šo^vmu qaĵaŋan, xõs čaĵaŋan!»

Pařqa kif: «Anden qāfa kēgen?»

Qaramaŋ: «Anden Zaŋzavaŋa je'z'i!»

Pařqa kif: «Naŋ jegen?»

Qaramaŋ: «Šo^vmu jezi, čõbuŋan čaĵazil!»

Pařqa kif: «Anda qāfá vāŋan?»

Qaramaŋ: «Otuz taqqa je'z'i! Tõruxny piŋna vursa, piŋ čixqan, õmen vursa, õmen toľŋan. Anden saľar tifaŋa je'z'i!»

Pařqa kif: «Saľar tifaŋda naŋ e'ken?»

Qaramaŋ: «Jule je'ken. Suny õmene vursa, õmen toľŋan, piŋ vursa, piŋ toľŋan. Munda ja'qu jer te-ta ja'qan. O:xa ućirsa, xui ĵaxynare, rytax vure, e't jije koŋien tulagu jeľaře!

En'ja ućirsa. Mõren ĵaxynare. Aktun qāzy koŋien tulasa, voĵařy!

(далее — orux sos)

Seĩ ihĩtonĩge uruřu tũvitařy.

Seĩ ihĩton'ge uruřu k'o'x vumustin'ge muĵazy kemagy tuľlag'al

Uzař'i kile seĩ ĵizany, Šansite qõĵy,

men ĵiza Xasite ot'yre, z'ēnũny zāry, zeľoŋny zāry.

Men ĵizany Šansyte qõĵy,

sen ĵiza Xansyta õtyre,

meni teizın ız'ı, zamehkune qafnasy,
seı ihlonıgı uruıu — nāmnāgān urıxaı.

Перевод

Два человека, надев вывернутую шерстью наружу шубу, изображают (*букв. становятся*) верблюда. Кто-нибудь, надев вывернутую шерстью наружу шубу, изображает (*букв. становится*) Караманга. Караманг ведет верблюда за веревку, продетую в его нос. Караманг опирается на посох. Кто-либо еще (*букв. чужой человек*) задает вопросы Карамангу.

Человек¹: «Ты откуда пришел?»

Караманг²: «[Я] вышел из Самарканда!»

Человек: «Куда пришел оттуда?»

Караманг: «[Я] пришел в Канджа-танг³».

Человек: «Что там ел?»

Караманг: «Ел жесткую траву, оставлял [после себя] орешки».

Человек: «Потом куда пришел?»

Караманг: «Потом пришел (*букв. достиг*) в Джангджава⁴».

Человек: «Что ел [там]?»

Караманг: «Ел жесткую траву, оставлял [после себя аргал], как ягода чабуган».

Человек: «Затем куда ходил?»

Караманг: «Добрался до Отузтага. Взвесил землю на больших весах, веса сравнялись (*букв. вышли*). [Один] омен [местной земли] оказался равным (*букв. наполнился*) [одному] омену [священной земли]. Затем достиг местности саларов».

Человек: «Что делал в местности саларов?»

Караманг: «Добрался до источника. [Один] омен воды оказался равным [одному] омену [священной воды]. Взвесил воду на больших весах, веса сравнялись (*букв. наполнились*). Сказав, что здесь подходящая земля, остановился [здесь]. Посмотришь на юг, лес близок, можно жить (*букв. передвигать время*), охотясь и питаясь мясом. Посмотришь на север, река близка. Можно жить (*букв. передвигать время*), добывая золото».

(далее идет «величальная»)

Ваши (*букв. твои, т. е. жниха и невесты*) родственники — тибетцы. Пусть соединятся ваши (*букв. твои*) родственники, как рога серого (*букв. синего*) яка!

[Как только] проводим вас (*букв. тебя*), единую семью, поселим в Шансы[-гуне],

а мы (*букв. я*) единой семьей останемся в Хасы[-гуне], закалывая коров и баранов.

[Или] нас (*букв. я*), единую семью, оставим в Шансы[-гуне], а вас (*букв. ты*), единую семью, оставим в Хансы[-гуне], [чтобы] меня ублажать, густым чаем поить.

Родственники ваши (*букв. ты*) — равные друг другу две части.

¹ Его изображал Та Ли-бу.

² Его изображал Ша Бан-бо.

³ Место в 10) ли на юг от Алтиюли.

⁴ Современный Мантал-таг, в 30 ли южнее Алтиюли.

СКАЗКИ

18. * БЕДНЫЙ ЗЯТЬ (ТОМБАХ)

(Ма Ху-сей, мужч., 29 лет, род. в сел. Алтиюли, крестьянин.
Записано в сел. Улагыл 13 мая 1957 г.)

Текст

Piř bösyr vumiř, ninsur vumiř. Any qyz' iřki vumiř. Piř qyzyne bar gufuga viimiř. Nene piř qyzyne joř kuhuga viimiř. Bar gufune taņžen e'miř. Joř gufune taņžen e'mimiř. Joř gūfū kilenmiř. Bar gufuga sūt'ča viimiř, pilmař viimiř. Joř kufuga južiža viimiř, arun kōten viimiř.

Mune viikutānē joř kufu jiriginta teišin sařynmiř.

Bar gufune suguda jatyrmiř. Ruzuni puļa biimiř, tonzy jorganne ōt'ip piimiř, žizex jatuxne qoi piimiř.

Joř kufune jerda jattyrimiř. Ĵarane čli piimiř, jaņsune ōzi piimiř, hap-ne jatyx qoi piimiř.

Mune ja'žane par gufu, joř kufu uxłaze. Ĵarym geĵeda joř gufu toņže, azygy kelži, xusage agryže. Ĵiriginda kilenži. Joř kiři: «Āřixaroņ!» — tiři. Joř kufu par kufuga xyi etži'i, sūguga čix parži, bar kufune saļłazi. Oř-nena piř žyļłazi. Žyļłaz'ane iņ kelži. Joř kufu izy ořnyņa kirži. Kiržane syqyrazi.

— Par gufu, par gufu! — čixrazi, — sen osyrapar-u? — tiři.

Par gufu uĵāņzi, ořnyne pir mōlazī, užiņa poř pezelži, poņnyņa raļłazi. Par gufu hutži'i, jiriginda qaņynži. Par gufu ryļłamiř'ux qařži'i.

Qařkudane joř kufu apāsnyņi čyxrazi: «Apā-apā, mali kele!» — tiři. Apasy kelži.

— Par gufune daņžen e'kine kō'p vumiř! — tiři, — bar gufu qařži'i! — tiři.

Apasy jaņšazi: «Nege qařmiř?» — timiř.

— Keže par gufu ĵigeni kō'p vumiř! — timiř, — sūgūta zaļłamiř, uĵaļy qařmiř.

Apāsi joř kufune u'riži: «Ļapaxy! — tiři, — pa'kyr!» — tiři, — par gufu qařži'i. Eřten nege jaņšamas? — tiři. — Xusařy vuļłanmam'iř! — Mali qōliř! — timiř.

Joř kufu kolisži'i, aĵintān qyryži: «Par gufu, par gufu! — diři, — oita zan čixiřpor! — tiři. — Žaļłaganune pařiņa āt-taž'ux vāri!» — tiři.

Bar gufu ařiņa čūrilmiř qařži'i.

Joř gufu jaņži. Apasyņa jaņšazi: «Apā, bar gufu kimir i! — tiři, — an-dān ģpare!» Joř gufu ta oļyņa jaņži.

Kiřniņa jaņšazi. Ĵyļłazi. Tūniata joř kiřtān ařagur jořar, iřkinur jořar. Joř kufu kiřniņa jaņšazi: «Simini sař'a kōļa (//satkōļa!» — tiři.

Sim'ni sař'e, ĵarmayļa a'tur aļži. Minžane kiřniņe pam'niņe varži. A'tniģi ontuguna kumuř kozy uř tyxži'i. Apasy oĵina inži. Apasy joř kufunige at'ina kōžini tixži'i.

— Joř gufu karłamiř! — tiři.

«Nino gufuga čayri ne», — tiři. «Gufu, iřina ĵūri!» — tiři. Apasi jaņšazi: «Apanti koņnyne aļgur tešā, ātyņne apaga raņna-ta vēri!» — tiři.

Joř kufu jaņšazi: «Apa, pařqa tugsiny vērsā, voļor. Mi pu atymni verelmās. Mi pu at'ym — publi attyr. Musinta koņiņy vāpor. Mi bu at'ym piř gunta kumuř kozy uř čaylē. Inži zaļłagu volži!» Joř kufu ine at'i qyryņy kelži. At'ini uř suvaži. Ati žyļłazi. Amařini čixrazi: «Su biļa āt-dyge!» — tiři. Tezex iřinda kumuř kōžini taņa čixkelži, suļa ĵūži. Kumuř kōžini žyņņazi.

— Uř sydyr vara! — tiři.

Apasi jiriginda ne'xi etz'i.

— Gufu, — di'zi, — at'ygni apaga žaŋna pigur mu, vėmes? — ti'zi.

Gufu jaŋšaži: «Atygne žaŋna vii'gi!» — ti'ze.

— Vėmese, apani koŋnine ata'magaŋ! — ti'zi. — Jarmaŋy še išky jūzdyr! — ti'zi.

Apasi iški jūz hellini zo'fa per'zi. Apasy sōjin'zi. Gufusyna aŋna'z'i: «A'tne niz'i'li asyraŋy keler?» — ti'zi. Jo'x kufu māt jaŋšaži: «Mi pu atymni piččax saŋarax i'fina vurgy keler!» — di'zi.

Jo'x kufu hellisini kōtiri ujina jan'zi.

Apasi atini piččyx saŋarax i'fina vur'zi. Aty tangynta pata'zi. Apasi azygy kel'zi.

— Jo'x kufune ūltūrgur! — ti'zi. Jo'x kufune ūltermā var'zi.

Jo'x kufu pil'zi. Ki'lnina janšaži: «Apa mini ūlterma ki'para(r). Oje ki' ganda kō a'jyndigi pengyŋne u'jiga a'ta, mēn čōŋta ūl'zi tigi-ta uzytk'j! Apa kirkiganta sen jes čixyr. Sovam-o d'j-ta j'y'fā! Sen j'y'fagu, apa-ta j'y'fār. Apa j'y'fāranda sen apani čōllā: «Apa, j'y'fakoma! Maŋa pubinigi penggurur var, mo'ta ū šovlāsā, tūrelār. Sālār čofa'fkomā!»

Apasy gu'fune ūltermā ki'mi'f. Apasi kirkiganta ki'ne jes čixyr'zi. Pengyŋne akel'zi. Ki'ne asampor šofa'zi, kūdi(r) teren'zi. Nene pi'f šofa'zi, jaŋzyn pi'f teren'zi. Xytyryx pi'f šofa'zi, jo'x kufu xu kel'zi. Apasyna sālām ver'zi.

— Apa kel-tu? — ti'zi.

Apasi janšaži: «Sen apaga xy' e'mi'fōŋ! — ti'zi, — atyŋ pata'zi!»

Jo'x kufu janšaži: «Asyrygane o'nyšmami'f!» — ti'zi.

Apasi jo'x kufunige pengyŋrina koz tix'z'i.

— Gufu, apanige koŋnine a'lgur dese, penggerune apaga žaŋna-te vēr! — ti'zi.

Jo'x kufu janšaži: «Apa, ačyx'fānguma! Mune veryŋ-o tese, vėmes! Mi-nigi pu pi'f pengartyr. Bu joxmāsā, pukun mēn tō'y'lytgar mu? Tō'ety'fma-gar! Iligi bubl atymny sinigi koŋnygne a'lyfmagar tā žaŋna per'zi. Mune žaŋna permes!» — ti'zi.

Apasy ōnyma'zi. Jo'x kufu janšaži: «Žaŋna bėmesē, sen onymagar. Žaŋ-na bi'igi!» — di'ze.

— Minigi pengyŋrema ja'max pi'ja kelegur! — di'zi.

Pi'f jūz kel'zi. Pi'f jūz ver'zi. Apasi pengarny apar'zi. Ujina jite z'ige kunda ninusy ul'zi. Ujina hāmmā ki'f j'y'yl'zi, j'y'fāš'zi. Ja'y'fjanda apasy čix kile nengisine tusz'e: «Čosyŋ j'y'fāfkomā! Maŋa pubinigi penggerur var; āta u'f šofasā, ūlgen ki'f tō'eler!»

Apasi vari pengyŋne akel'zi. Pi'f šov'fāzi — terenmi'zi. I'fki šofa'zi — terenmi'zi. U'f šofa'zi — terenmi'ze. Za'fakali bir šofa'zi — ki'ni terenmi'zi. Apa-sy a'jygy kile: «Jo'x kufu jirigi te'fari, mētin — met etipar, mini xēfapar. Mune pu geske o'ltertugu!»

Apasy ūltermā var'zi. Jo'x kufune z'ūz'z'c, ba'fāzi, te'fzi. Jo'x kufune apa-re sox ja'y'fj i'finda tānxanter kitire pexl'zi.

— Tangunz'ux pi'ar'j da ūlgil! — ti'zi. Apasy jan'zi.

Jo'x kufu j'y'fj i'fnda taŋor uli ta'fne ele-bele kūt'z'i. Tangen jaxyn. Apa-si jo'x kufune ūl'te mu? te vaxmē gel'zi.

Jo'x kufu apasini un'ni i'f'figu suguga čix'z'i. Tirini sa'fāzi. Agzy'fā janšaži: «E-e, publi xanter! Sen joxmese, mēn ūlgār! Sen qy'fin da yssy, jilin da laŋ!»

Apasi kōsynt aš'z'i. Apasina herun vol'zi. Nene jo'x kufun'ge xanterina kozini tix'z'i. Nene kufina janšaži: «Apan'gi koŋn'ni a'lgur tesā, xantaryŋni apaga žaŋna ta ver!» — ti'zi.

Jo'x kufu janšaži: «Xantaremne žaŋna pėmes! — ti'z, — minigi publi saŋa vir tusz'i. Muny verir-o tese, vėmes!»

Apasi jan'sa onymazi. Onymagu — jox gufu tajin etz'i.

— Mini muņa jarmaḡ keligur! — tiŋzi.

Apasy: «Jarmaḡ viŋgi!» — diŋzi.

— Mini muņa iŋki jüz keligur! — tiŋzi.

Iŋki jüzni verzi. Apasy sŋjine xantaryne aparzi. Ojyna iŋkisy vare apasy jox kufuga janšaзи: «Apa xantaregni kigi-ta apane jaŋtyx iŋinta čöitu-gul!» — tiŋzi.

Apasini paŋtap pare jaŋtyx iŋinta čüŋzi. Apasi taggynta üŋzi. Apasini anta хуŋtaзи.

Anda-synda tombaḡ qaŋzi. Tosz'i.

Перевод

Были старик и старуха. У них были две дочери. Одну дочь выдали за богатого мужа, другую — за бедного. Богатому зятю [они] оказали хороший прием, бедному [такого] приема не оказали. Бедный зять загрустил. Богатого зятя [они] угостили чаем с молоком и мукой, перемешанной с маслом. Бедному зятю дали напиток из пшеницы и овсяную кашу.

Бедный зять задумал отомстить (*букв.* недоброе в сердце).

Богатого зятя уложили [спать] на лежанку. Постелили ему тюфяк, укрыли шелковым одеялом, [под голову] положили [вышитую] цветами подушку.

Бедного зятя уложили на землю. Бросили [ему] матрасик из грубой шерсти, укрыли тканью из сырой овечьей шерсти, мешок положили [вместо] подушки.

Когда таким образом улеглись, богатый зять и бедный зять уснули. В полночь бедный зять замерз, рассердился и у него заболел живот. Ему (*букв.* в сердце) стало тоскливо. «Ах негодяй!» — сказал бедный зять. Он [решил] проучить богатого зятя — забрался на лежанку, толкнул его и обмарал место, [где тот лежал]. Затем спустился и лег (*букв.* вошел) на свое место. Лег и завопил.

— Богатый зять, богатый зять, — кричал [он], — ты чем занимаешься?

Богатый зять проснулся, потрогал свое место. Руки и весь он (*букв.* тело его) выпачканы. Он вскочил, перепугался и немедленно убежал.

Как только [он] убежал, бедный зять закричал отцу. «Отец, отец, иди скорей!» — сказал [он]. Пришел отец.

— Богатого зятя сильно угостили! — сказал [бедный зять]. — Богатый зять убежал! — сказал [бедный зять].

Отец промолвил: «Почему убежал?»

— Вчера богатый зять много поел, обмарал лежанку и от стыда (*букв.* устыдась) скрылся, — ответил [бедный зять].

Отец поругал бедного зятя. «Бездельник, лентяй! — сказал [он] — Богатый зять убежал. Почему раньше не сказал?! — говорил [он]. — Желудок у него не переварил. Скорее догоняй!» — говорил [он].

Бедный зять пустился в погоню, кричал вслед [богатому зятю]: «Богатый зять, богатый зять! — говорил он. — Дома большое событие! Признавайся-ка в своем проступке!» — говорил [он].

Богатый зять бежал без оглядки (*букв.* не оборачиваясь).

Бедный зять вернулся и сказал отцу: «Отец, богатый зять не возвращается, поэтому и я уйду!» И бедный зять вернулся к себе домой.

Рассказал жене, пожаловался (*букв.* всплакнул). В мире нет ничего [более] униженного и жалкого, чем бедняк! Бедный зять сказал жене: «Продадим землю!»

[Он] продал землю, на деньги купил коня. [Затем], сев на коня, поехал в дом (*букв. семью*) жены. Всунул под хвост коня три серебряные монеты. Приехал в дом отца [жены]. Отец устался на коня бедного зятя.

— Бедный зять разбогател! — сказал [он].

— Старуха, приготовь (*букв. сварь*) зятю чаю. Зять, войди внутрь [дома]! — сказал [он]. Отец промолвил: «Если захочешь привлечь [к себе] отца, поднеси отцу своего коня!»

Бедный зять сказал: «Отец, дам [любую] другую вещь, [но] этого коня моего дать не могу. Мой конь — драгоценный конь. С ним можно прокормиться (*букв. проводить время*). Мой конь в день выбрасывает три серебряные монеты. [Вот] сейчас он выбросит!»

Бедный зять подошел к коню. Три раза сго погладил. Конь выбросил навоз. [Бедный зять] сказал матери: «Принеси немного воды!» Показались серебряные монеты. [Бедный зять] вымыл и взвесил серебряные монеты.

— Три сыдыра есть! — сказал [он].

У отца потеплело (*букв. полюбил*) на сердце.

— Зять, — сказал [он], — дашь или не дашь коня отцу?

Зять ответил: «Отдам коня! Если не дам, не смогу привлечь [к себе] отца! Стоит он две сотни!» — сказал [зять].

Отец заплатил две сотни денег. Очень обрадовался. Спросил у своего зятя: «Как надо смотреть (*букв. воспитывать*) за конем». Бедный зять со злым умыслом сказал: «Моего коня надо поместить в кладовую с горохом!»

Бедный зять с деньгами отправился домой.

Отец поместил коня в кладовую с горохом. На рассвете конь лопнул. Отец рассердился.

— Убью бедного зятя! — сказал [он].

Отправился убивать бедного зятя.

Бедный зять знал [это]. Он сказал жене: «Отец идет убивать меня. Когда он придет, возьми из-за двери палку, скажи, что я умер в постели, и растянись! Когда отец войдет, ты заплачь. Говори: „Муж мой“ — и рыдай. Ты заплачешь, и отец заплачет. Когда он начнет плакать, ты отца утешай, [говоря]: „Отец, не плачь! У меня есть чудесная палка. Если ею три раза постучать, [то он] оживет. Вы не беспокойтесь!“»

[Вот] отец пришел убивать зятя. Когда он входил, жена [зятя] заплакала. Принесла палку. Тихо раз стукнула. [Зять] чуть-чуть пошевелился. Еще раз стукнула. [Зять] зашевелился больше. [Еще] сильнее стукнула. Бедный зять встал и приветствовал отца.

— Отец пришел? — сказал [он].

Отец сказал: «Ты отцу сделал плохо. Твой конь лопнул!»

Бедный зять возразил: «(Ты) не так за ним ухаживал (*букв. воспитывал*)!»

Отец устался на палку бедного зятя. «Зять, если хочешь привлечь [к себе] отца, отдай отцу палку!»

Бедный зять сказал: «Отец, не сердись! Этого я не дам. У меня такая палка — одна. Если бы ее не было, сегодня [разве] я смог бы ожить? Не смог бы! Прежде я отдал [тебе] своего драгоценного коня, [боясь], что не смогу привлечь [к себе] тебя. А этого [я] не отдам!»

Отец не унимался. Бедный зять сказал: «Не отдам! Ты не унимаешься — отдам!»

— За палку немного надо денег! — сказал [он].

Он захотел сотню. [Отец] сотню дал и унес палку. Пришел домой.

За эти дни его старуха умерла. Дома собрались все люди и плакали. Когда они плакали, появился отец и остановил некоторых: «Не плачьте все. У меня есть чудесная палка. Если ею три раза стукнуть, то мертвый оживет!»

Отец принес палку. Стукнул раз — [старуха] не пошевелилась. Стукнул другой — не пошевелилась. Стукнул третий — не пошевелилась. Бросившись [вперед], еще раз стукнул — жена не пошевелилась. Отец, рассердившись, [сказал]: «Бессовестный бедный зять! Плохое за плохим делает, мучает меня. На этот раз [я] его убью!»

Отец отправился убивать [бедного зятя]. Поймал бедного зятя, связал [его], поколотил. Взял бедного зятя и в одной рубашке запер в холодном помещении для выжимания масла.

— До рассвета окоченной и умри! — сказал [он].

Отец ушел. Бедный зять в помещении до утра таскал туда-сюда тяжелый камень. Вот и рассвет. Отец пришел проведать бедного зятя, [говоря]: «Не умер ли?»

Бедный зять, услышав голос отца, забрался на лежанку. Вытер пот. Устами своими сказал: «Эй, драгоценная рубашка. Не будь тебя, я бы умер! Зимой в тебе (букв. ты) тепло, летом — холодно!»

Отец открыл дверь. Удивился. Опять устался на рубашку бедного зятя. Опять сказал своему зятю: «Если хочешь привлечь [к себе] отца, отдай отцу рубашку».

Бедный зять возразил: «Рубашку не дам! Все ценности тебе отдал. Этого не дам!»

Отец не унимался. Тогда бедный зять согласился.

— За это я хочу денег! — сказал [он].

Отец сказал: «Дам денег!»

— За это я хочу две сотни! — сказал [зять].

[Отец] дал две сотни и, радуясь, взял (букв. унес) рубашку. Придя домой, отец сказал бедному зятю: «Отец наденет твою рубашку, и ты его запри в помещении для выжимания масла!»

Приведя отца, [зять] запер его в помещении. На рассвете отец умер. [Так] отомстил [он] отцу.

Там и сям сказка осталась. Конец.

19. О СЕМЬЕ (ТОМБАХ)

(Хан Редже-бу, мужч., 46 лет, род. в сел. Алтиюли, крестьянин.
Записано в сел. Алтиюли 11 июня 1957 г.)

Текст

Piř bösüř vāra, ninusur vāra. Ana iřki vāra. Ügyt joxar. Ana iřkige kufuř vāra. Ana piř bosŷny asyrypra. Ana piř ninusyny asvrypyra. Posyny asʳagan jaʳʳuxar. Ninusvny asrygan jaʳʳuxa emesar. Ninusy her kuny jaʳʳaparar. Posyʳʳux any čölläpyra: «Uřakuma!» — tepera. Ninusy koņnānzʳ-āne ŷlmʳf. Pösy jyʳʳamʳf. Anāsy hām jyʳʳamʳf. Kufusy bir vāmʳf. Anasy da vāmʳf. Bosy anasy, iřkisy oʳyʳpara. Anasy paʳa toʳʳi. O pyʳ toʳʳi. Ana uř toʳʳi. Bosy inʳi kaʳaʳi.

Перевод

Живут (букв. есть) старик и старуха. [У них] две дочери. Сыновей нет. Дочери замужем. Одна дочь смотрит за отцом (букв. стариком), другая — за матерью (букв. старухой). Та, что смотрела за отцом (букв.

стариком), — красивая. Смотревшая за матерью (букз. старухой) — некрасивая. Старуха каждый день плачет. Старичок ее утешает. «Не горюй!» — говорит он.

Старуха, горюя, умерла. Старик плакал. И его дочь плакала. Один зять ушел, и дочь ушла. Старик и другая дочь живут вдвоем. Дочь родила детей. Родила одного сына и трех дочерей. [Вот] старик и обрадовался.

20. АГУ КАРАДЖИ. II (ТОМБАХ)

(Хай Ю Су-фу, мужч., 56 лет, род. в сел. Алтиюли, торговец.
Записано в сел. Алтиюли 12 июля 1957 г.)

Текст

Kuskur-oŷlān tep pīr var. Agu Karaži tep pīr qatyn kiš var. İfkysy tašep (<tanišep) Agu Karaži Kuskur-oŷlānne čöjałmamış. Arzi vaŋfa pilep Kuzkur-oŷlānne z'umā ki' m'ş. Agu Karaže Kuzkur-oŷlānne qaf tep jan'famış.

Kuzkur-oŷlān Agu Karažinige: «Sazıŋny pīr vaxqı da jaŋqı!»—dimiş. Agu Karaži Kuzkur-oŷlānā jaŋamış: «Xuafsoŋ avunige atnige kuruguna vax tep jān da vār!» — dimiş.

Nene Kuzkur-oŷlān Agu Karažinige: «Men sinigi kōmāf jüzüŋne pīr vaxqı da jaŋqı!» — dimiş.

Agu Karaži Kuzkur-oŷlānā jaŋamış: «Ompešnige kēzisyndagy aīŋa vax t'ā jān!» — dimiş.

Перевод

[Были] юноша, по имени Коскур-оглан, и женщина, по имени Агу Караджи. [Они] познакомились, и Агу Караджи не могла оставить Коскур-оглана. Затем [об этом] узнали служивые люди и пришли схватить Коскур-оглана. Агу Караджи сказала Коскур-оглану, чтобы он бежал. Коскур-оглан сказал: «Взгляну разок на твои волосы и уйду!»

Агу Караджи сказала Коскур-оглану: «Взгляни на хвост коня императорского сына и иди!»

Коскур-оглан сноза сказал Агу Караджи: «Взгляну разок на твое круглое лицо (букз. лепешка-лицо) и уйду!»

Агу Караджи сказала Коскур-оглану: «Взгляни на луну в пятнадцатый вечер и иди!»

21. ХРАБРЫЙ ЛАН САН ЧЕНЬ (ТОМБАХ)

(Ма Усман, мужч., 43 лет, род. в сел. Алтиюли, крестьянин.
Записано в сел. Алтиюли 11 июня 1957 г.)

Текст

Łaŋ Saŋ Čeŋ. Xu-kekiř, Kırnıx, fīmra fūn'a, Artyx łamu, Tył. Łaŋ Saŋ Čen izy niř kiř, nařqa beř kiř vuryřqan.

Pu beř kiř Łaŋ Saŋ Čen kiřnıne čixarımış. Łaŋ Saŋ Čen jötuŋ iřinta o'mış, pu beř kiřnıne qarımış. Qırq'sa, niř xa'sy, kiřne, ifkysy, jał(ł)amā kiřmiş. Jätuŋkōta čā vumış. Čā vursa, ifkisyŋa zanzı pırz'ux vumış. Zaŋ-zy čixiřmiş. Vuriřmiş.

Kiine xarseny õ'rimis: «Sī aḡyḡa iriḡsa, kōlyḡ (<koḡyḡ) tūlālmagar,—il temis, —saḡa ūjit joḡar!»

Xarsy jaḡamis: «Maḡa ūjit naḡ vugur? Łaḡ Saḡ Čen kiīny ny čixparsa, ūjāl joḡar, jūtūḡ iḡinda qarḡypḡa».

Łaḡ Saḡ Čen jūtūḡkūta kiīny, xarsy, iḡkisy, vurišmis. Vuruškutāna Łaḡ Saḡ Čen tórmasy ny jyḡ'āna jaḡamis. Jūtūḡden čixkiīmis. Čixkiīžāna kiīny ny čixmā vāmis.

Kiīny ny ātiny Manzyḡmu čyḡarpora. Any Tyḡ čixparmis. Tyḡniḡe tiḡaḡyna Łaḡ Saḡ Čen vāmis. Varsa, su qyrgyna je'mis. Kiine su k'ū'mā kiīmis. Kiīni pīr jān jūzyny jūmis, pīr jan jūzine jūmāmis. Paḡintaḡy pīr jaḡ saḡiny fūrmis, pīr jān saḡiny fūrmāmis.

—Pīr jān jūzūḡni neḡe jū joḡtyr, pīr jān saḡiḡny neḡe furuxtyr (<fur joḡtyr)? —Łaḡ Saḡ Čen keīny na sormis.

Kiīny Łaḡ Saḡ Čena: «Neḡe jessanapor?» —teimis. Łaḡ Saḡ Čen kiīny na: «Otyrtuḡu! diīmis. —Suniḡe ašaḡyndan õ'ssā, tiḡuḡar-o?»—tiīmis.

Kiīny: «Tiḡuḡar! —diīmis, —jema pīr xōpen ūtiparyr, quḡaḡyny temāsā, korymer, anden ōḡikikuma!»

—Anden ūrisinden õ'ssā neč'i'lar? —diīmis.

Xuḡḡoḡ nīr xōpen ōḡepāryr, āniḡi quḡaḡyn demāsā, kormyr. Anden ōḡtiḡi! —diīmis kiīne.

Łaḡ Saḡ Čen ōḡepāmis. Keīnini jāniḡe je'mmis.

Kiīny Łaḡ Saḡ Čenni sormis: «Sen qaḡsy diḡaḡdagy kiḡter?»

—Men Łaḡ Saḡ Čender diīmis.

—Sen Łaḡ Saḡ Čen vōsa, men sī kiīnyḡdyr! —diīmis.

Kiīny vōsa, tānyḡmāmis.

İḡkisynyḡe pānjīr bīr vūmis. İḡkisy k'arḡanganda jārem-jārem e'mmis. İḡkisy rānjīrny tōilāmis. İḡkisy inzi tāniḡmis anta. İnzi iḡkisy tāḡyliḡžāna jyḡlamis.

Łaḡ Saḡ Čen kiīny na: «Kaḡka!»—diīmis.

Kiine jāšamis: «Ka'ḡmagā!»—diīmis.

Łaḡ Saḡ Čen: «Neḡe ka'ḡmagā?»—diīmis.

«Kaḡsa, —kiīny, —ohilāny ž'ūtī kile!»—jāšamis.

Kiīny Łaḡ Saḡ Čena ū-i'mis: «Sen izy diḡaḡa kell!»—diīmis.

—İzy su k'õ'ki-ta vāḡý!—diīmis.

Łaḡ Saḡ Čen kiīny na sormis: «Men izy kelsa, nič'i'li kigu?»—diīmis.

—Sen kelsa, maḡi'ni ūlter-ta, koḡyny sūr-ta, maḡi'niḡe poḡkaragyny ki-ta, koḡny sūr-ta kell!—kiīny diīmis.

—Kiḡḡudāna õḡta: ligi-ligi šei, rama-rama šei! elte jaḡa!—diīmis.

—Saḡa nēme: qan bīr zany, sūt bīr zany ve'e'e. Qanne tū'toḡo, sū'tne iḡtoḡo!—kiīny dimis.

Kiīny su koter vāmis. Łaḡ Saḡ Čen maḡi'ni ūltermis. Koḡny sūrmis. Maḡi'ni poḡkaragyny kiīmis. Tyḡniḡe õḡina je'mmis.

—Ligi-ligi, šei, rama-rama, šei!—syqyramis.

Koī koīja kēlenmis, esku eskuja kēlenmis. Łaḡ Saḡ Čen sūt nīr zany ny iḡmis. Qan bīr zany ny tō'mis. Tyḡ kiīmis. Kiīuina so mis: «Łaḡtagy kiḡ kiīmis nā?»—te so mis. Kiīny izy Łaḡtagy kiḡter.

—İskim mi kaḡa vācur?—diīmis.

Tyḡ kiīn'neḡe ka'č'asyny: «čīḡar!»—diīmis. Łaḡ Saḡ Čenny keīny oḡčax ž'ūjina kommis. Žūjina Łaḡ Saḡ Čenny qoīmis, iḡtina taḡ paḡyrmis. Taḡni iḡtina q'arynur qoīmis. Q'aryn iḡtina paḡsux qoīmis. Paḡsuxny iḡtina et qoīmis. E'tni iḡtina torvx te'ilemis. Torvxny iḡtina qāzembas tōimis. Tyḡniḡe āž'yni paḡlamis. At jaḡalmis. Qāzembasni pīr tō'mis, pīr čillāmis.

Tyť kiĩnyňa so miť: «A'ť qazembašny nēgē tō'pora? Nēgē čillāpora?»

Kiĩny aľa jaťamiť: «Senťgi aťyť tiĩlgenaf, eli'kudana tō'pora, tičlāpora!»

Tyť: «Pu ta čyňa!»—eltemiť.

Tyť, kiĩny, iškysy «ĩnzi ja'qal»—diĩmiť. Iškisy ja'miť. Jaťz'ana Tyťnige jĩrigi kyzygu-sōgu e'miť. Tyť kiĩnyňa šormiť: «Mi izynťge jĩrigi kyzygu-sōgu ityr, nēgesaf?»

Kiĩne jaťamiť: «Ryťame-ta uxťal!»—diĩmiť. Uxťamiť. Nene piť zamanta nene so miť: «Izynťgi jĩlgi kyzygu-sōgu iter, negesaf?» Kiĩny jaťamiť: «Uxťal!»—diĩmiť. Tyť: «Uxťamas!»—diĩmiť.

Xumiť. Kazembašne kazymiť. Kazz'ana e'ni čyxarmiť. Anden kiĩn-ta pařsuxny čixamiť. Kiĩny jaťamiť: «Iĩzi vūgý, kazymagá, cimenni kōz tiťka!»—diĩmiť. Kōz tiťsa, su čyx keg'ar, uhiĩny millig'at!»—diĩmiť.

Nene kazyimiť. Karyn čyxkliimiť. Kiĩny: «Qasgu!»—diĩmiť. Zimenne kōmmiť. Kiľzānā uxťamiť. Kiĩny ōsyny tatāmiť. Tyť: «Avu nige jy'ťapora?»—te sormiť. Kiĩne jaťamiť: «Avu siĩni pařťasa, nāgťa pařťat?»—te sorpa.

Tyť jaťamiť: «Miĩni kiĩnťgi tāmurf urxānťa pařťasa, k'atatyť!»

Kiĩny nene ōsyny tatāmiť. Tyť sormiť: «Avu nege jy'ťapora?»—diĩmiť. Kiĩne jaťamiť: «Avu sorpora, apy uxťasa, nič'i'li uxťar? Ujānsā, nič'i'li ūjāner?»

Tyť kiĩnyňa jaťazĩ: «Mē uxťasa, kōzem ačyr. Mē kōzym jumganda uxťax-tyr (<uxťa joťtyr>).

Iĩzi Tyť, kiĩny, ōsy — čōsy ja'miť. Kiĩny ūčĩrmiť: Tyť uxťamiť, kōzyny ačpora. Kiĩny xuty kiĩmiť. Āvusyny jĩťamiť, izy jĩĩlenmiť. Łaľ Saľ Čenny kázembaľ jĩĩnden čixřamiť. Łaľ Saľ Čen čixkliimiť. Iškisy ōxuťa vurĩmiť. Tyťnige sekis pašin' jaťamiť. Piť paľ qalmiť. Iškisy čaliťmiť. Tyťni paťťamiť. Kiĩnťgi tāmurf urxānťa pařťamiť. Iĩzi ūltermiť.

Łaľ Saľ Čen kiĩniny paľťzāna ojina kiĩmiť. Ojina kēsā, nene piť kiĩnyne Xorkekir čixpamiť. Łaľ Saľ Čen kiĩniny arťina čixmā vāmiť. Any čixz'ana ōjine aklĩmiť. Iĩzi Xorkekir, Kirnyx, Šampaľavu — čōsyny ūčysyny Łaľ Saľ Čen z'ũťi kiĩmiť. Xorkekirny tēmurf synjyryňa pařťamiť. Iťť kāmā asřamiť. Kiĩnyňny ūgen kitermiť, a'ť k'emaga minmiť. Šembajaľuga tenurjĩnygy toxmařur veĩmiť. Šambaľaľunťgi āvusy on iľki jaťapora. Rũx'ťa otupora. Šambaľaľnige aľētynda tēmurf ketur vara. Łaľ Saľ Čen Šambaľavu iľkisy, tēmurf e'miť.

Toxmāřy paľi čixpāmiť, řux'ťāřy ōsyny ūltermiť. Tosmiť.

Перевод

Лан Сан Чень, Хоркекир, Кирих, Шэмпэ Луня, Артых Ламу, Тыл.

Лан Сан Чень один [с теми] другими пятью человеками воевал. Эти пять человек утасили жену Лан Сан Ченя.

Лан Сан Чень сидел в ютуне¹ и проклинал этих пять человек. Когда он проклинал, пришли муж и жена вдвоем молиться. В ютуне [они] приготовили чай. [Оказалось, что] на двоих одна чашка. [Они] стали тянуть [друг у друга] чашку. Подрались.

Жена [стала] ругать мужа: «Пойдешь за тобой (букв. последуешь сзади), так не проживешь (букв. не сможешь проводить время), — так говорила [она], — стыда нет у тебя!»

¹ Ютун — жилище в пещере (кит.).

Муж промолвил: «Какой мне стыд? Жену Лан Сан Чень утащить не постыжусь — [ведь он только сидит] в ютуне и проклинаят».

В ютуне Лан Сан Чень, муж и жена вдвоем, [затеяли] драку. Во время драки (*букв. дерясь*) Лан Сан Чень собрал [все] гормы¹ и бросил [на пол]. [Сам] выбежал из ютуна. Пошел выручать (*букв. тащить*) жену.

Жену его зовут Манчыгму. Ее утащил Тыл. Лан Сан Чень отправился в землю (*букв. место*) Тыла. Добрался до берега реки (*букв. воды*). Жена его пришла за водой (*букв. нести воду*). Одну половину (*букв. сторону*) лица [она] вымыла, другую половину (*букв. сторону*) лица не вымыла. На голове одну половину (*букв. сторону*) волос [она] заплела, другую половину (*букв. сторону*) волос не заплела.

— Почему [ты] одну половину (*букв. сторону*) своего лица не вымыла, одну половину (*букв. сторону*) волос не заплела? — спросил Лан Сан Чень жену.

Жена сказала Лан Сан Ченю: «[Ты] зачем носишь траур?» Лан Сан Чень сказал жене: «Присядь! Река, если пройти по низу ее, глубокая?» — сказал [он].

— Глубокая, — сказала жена, — проходит табун диких коней — кроме ушей, не видны [кони], там не переходи!

— Если выше переправляться, то каково? — спросил [Лан Сан Чень].

— Стадо диких баранов проходит — кроме ушей, не видны [бараны]. Там переходи! — молвила жена.

Лан Сан Чень переправился и добрался до жены.

Жена спросила Лан Сан Ченья: «Ты человек какой местности?»

— Я Лан Сан Чень! — ответил [он].

— Коли ты Лан Сан Чень, то я твоя жена! — сказала [она].

Хотя и жена, но не узнать [ее]. У них на двоих был один браслет. Когда расставались, [они] поделили [его] пополам. Примерили [обе половинки] браслета. [Так] теперь они узнали друг друга. Бросились в объятия и заплакали.

Лан Сан Чень сказал жене: «Бежим!» Жена ответила: «[Я] не [могу] бежать!» Лан Сан Чень воскликнул (*букв. сказал*): «Почему не [можешь] бежать?» — «Убежим, нас обоих поймают!» — ответила жена.

Лан Сан Ченю жена дала совет (*букв. поучила*). «Ты [еще] приди в [это] место, — сказала [она], — а я пойду отнесу воду».

Лан Сан Чень спросил жену: «Если я [еще] приду, то как [мне] прийти?»

— Коли ты придешь, убей пастуха (*букв. скотовода*), возьми его овец, надень платье пастуха (*букв. скотовода*) и, ведя овец, приди [сюда]! — сказала жена.

— Придя домой (*букв. в доме*), скажи: „Овцы-овцы, отделитесь! Козы-козы, отделитесь!“ — сказала [она]. — Тебе дадут чашку крови и чашку молока. Кровь вылей, а молоко выпей! — сказала жена.

Жена ушла, неся воду. Лан Сан Чень убил пастуха (*букв. скотовода*). Угнал овец. Надел [на себя] платье пастуха (*букв. скотовода*). Добрался до дома Тыла.

— Овцы-овцы, отделитесь! Козы-козы, отделитесь! — закричал [он].

Овцы соединились с овцами, козы соединились с козами.

¹ Гормы — фигурки животных и людей (из теста) (*тиб.*).

Лан Сан Чень выпил чашку молока, а чашку крови вылил.

Пришел Тыл. Спросил жену: «Что, ланский человек пришел?» А жена сама из Лана.

— По запаху не узнаешь! (*букв.* куда доберется мой нюх?) — сказала [она].

Тыл слова жены признал правильными. Лан Сан Чень жена закопала в очаге. Вниз положила Лан Сан Чень, сверху придавила [его] камнем. На камень положила желудок. На желудок положила кишки. На кишки положила мясо. Мясо посыпала пылью. Сверху установила плиту. Привязала коня Тыла. Конь освободился от привязи. Лягнул плиту, разок укусил.

Тыл спросил жену: «Почему конь лягает плиту? Зачем кусает?»

Жена ему ответила: «Твой конь взбесился, поэтому он лягает и кусает!»

— Это верно! — сказал Тыл. Тыл и жена решили: «Теперь ляжем!» Оба легли. Сердце Тыла становилось то горячим, то холодным. Тыл спросил жену: «Мое сердце то горячее, то холодное. Почему бы?» Жена ответила: «Не разговаривай, спи!» [Тыл] уснул. Вдруг снова спросил: «Мое сердце то горячее, то холодное. Почему бы?» Жена ответила: «Спи!» Тыл сказал: «Не буду спать!» [Тыл] встал. Откопал плиту. Вытащил мясо. После этого вытащил кишки. Жена промолвила: «Ну хватит, не рой [больше]! Землю продырявишь! Сделаешь дыру, появится вода и нас затопит!»

Тыл [продолжал] рыть. Появился желудок. «Бежим!» — сказала жена. [Они] закопали снова все (*букв.* на земле). Пришли и уснули. Жена [стала] тянуть своего мальчика. Тыл спросил: «Мальчик почему плачет?» Жена ответила: «Мальчик спрашивает: если тебя вязать, [то] чем [можно] вязать?» Тыл ответил: «Если меня будут связывать жилами человека, то это будет возможно!»

Жена еще раз потянула своего мальчика. Тыл спросил: «Мальчик почему плачет?» Жена ответила: «Мальчик спрашивает: „Когда отец спит, [то] как он спит, а если просыпается, [то] как просыпается?“»

Тыл сказал своей жене: «Когда я сплю, мои глаза открыты. Когда закрываю глаза, [я] не сплю».

Вот Тыл, его жена и сын — все легли. Жена увидела, [что] Тыл спал и глаза его открыты. Жена встала, повела сына и пошла сама. Позвала Лан Сан Чень из-под плиты. Лан Сан Чень появился. Оба они (*т. е.* Лан Сан Чень и Тыл) [начали] сражаться стрелами. [Лан Сан Чень] уничтожил восемь голов Тыла. Осталась одна голова. [Начали] бороться. [Лан Сан Чень] опрокинул Тыла. Связал его жилами человека. [Потом] убил [его].

Лан Сан Чень повел жену домой. Придя домой, [узнал, что] еще одну его жену утащил Хоркекир. Лан Сан Чень отправился выручать (*букв.* тащить) жену. Выручив (*букв.* вытащив) ее, привел домой. Вот Лан Сан Чень изловил всех троих — Хоркекира, Кирниха и Шампаджаву. Хоркекира посадил на железную цепь. На Кирниха надел узду и сел [на него], как на коня. Шампаджаве [он] дал молот кузнеца. У Шампаджавы сын двенадцати лет. Он живет на верхнем этаже. Во дворе Шампаджавы куски железа. Лан Сан Чень и Шампаджава ковали (*букв.* делали) железо.

Молот взвился вверх и убил сына [Шампаджавы], который находился [в это время] на верхнем этаже. Конец.

(Ма Ху-сей, мужч., 29 лет, род. в сел. Алтиюли, крестьянин.
Записано в сел. Уллагыл 14 мая 1957 г.)

Текст

Piř tořenuř vumiř. Piř púřeř vumiř. Iřkisyňe pařa vara. Iřkisy hār kuna zuma vařama vāřora. Puře sen vařayu, sen jipora. Tořen sen vařayu pařasyňa jipora. Oĩe jaňğanda poře ızyga ařāğysy jořmayu, tořenni jimiř, 30-masyňy ċihmiř.

Tořennigi pařasy bilmiř. Bilžane amasinigi zusine pořymā vāmiř. Puřinigi pařasyňi ċixrāmiř:

— Pure-kaka, oĩnařa! — diřmiř.

Pure janřamiř: «Oĩnāmās — tiřmiř, — minigi amem sinigi amegni jimiř».

Tořen janřamiř: «řani jisā, jigi! Őhilā oĩnami na'kur? — diřmiř.

Pure bařasy tajn e'miř. Iřkisy oĩnāmā ċix kelmiř.

Touřen janřamiř: «Pure-kaka, ōgeli piř ċaliřa!» — diřmiř. Pure: «Ja!» — diřmiř.

Iřkisy ċaliřmiř. To'řenni bir gāz bařamiř. «Nene piř gez ċaliřa!» — diřmiř. Tořen ořğyndāň'ux piçyňni jere tik kiřmiř. Tořen iřkisi ċaliřqanda puřene piçix ićina žagāmiř. Pure bařasyne ūltermiř. Amasinigi ċusini řuřamiř.

Purinigi iřisi bilmiř. To'řen qařmiř. Pure kōřamiř. To'řan'qařž'ane qoi ko'kuziř janyňa je'miř. Qoi ko'kućıřa janřamiř: «Ei, qoi ko'kuzi, sen mini piř jařer! Mini pure kōřař kipur, minigi žanyň piř žuřa!»

Qoi ko'kuři janřaži: «Men jařerelmes!» — tiřzi.

To'řan' jarełzi. Mař ko'kuři tājin etž'e: «Qojimdigi arasynda jařintořu!» — diřzi.

Pure kōřaři aņa ježž'e. Puře aňnařž'e: «Mař ko'kuže, muņa tořenur va-řeřu(r)?» — tiřzi.

Mař ko'kuže janřaže: «Me kō'miř ži!»

— Sen janřagur mu, janřamas? — tiřzi, — jāňřamāsā, māň sini jigur! — tiřzi.

— Jāňřamās! Jisā, jiř! — diři.

Puře tiřni biliži. Małči orařyny biliži. Pure qařž'i. To'řen hām qařž'i. To'řen nene piř je.e ježž'e. Puřune kōži.

— Puřu-kaka, sen meni piř jařer! — diři, — puře mini kōřa kipoř, puře mini jigur řepēřa!

Puřu janřaže: «Sen maņa jařž'ūžux řařqafur jūr, men sini jařirgi!»

To'řan janřaži: «Puřu, puřu, sinigi muņasyň qylemā oxřiri, sinigi pur-neğ ċō.e cřřiri, sinigi řonyň ja'ž'ūřari!»

Mune janřařu puřu ōjiniži: «Sen minigi p'urnym ićinā jařintuřu!» — diři. To'řen purnu ićinā kiři.

Pure kōřaře aņa ježž'e. Puřuņa sorži: «Puřu, muņa to'řenur kelto?» — diři.

Puřu janřaži: «Kō'miři!» — diři.

Puře janřaže: «Sen jařž'ūž'ux janřagur mu, jāňřamās? — tiřzi. — Jāňřamāsā, māň seni jigur!» — tiřzi.

Puřu janřaži: «Jisā, jiř!» — diři.

Pure tiřni piliži. Puřu muņasyny piliži. Puře jimā varži. Puřu bir sūt-ž'ane (s'ū'ž'ane?) purine ūlterži. Puřu to'řenni ċixraži: «To'řan, sen én-di gē, māň purini ūlterži!»

To'řan iğgelže. Puřu janřaži: «To'řan, sinigi žanyňne men žuliži, inže sen maņa ja'ž'ūž'ux řařqafur jūř!» — tiři.

To^ujan jiriginta deñit saýynzi. To^uñan koz ifina kirzi. Koz ifinden jan-
jaži: «Pu^u, sen tig^una, men saña xałgeř jürgi!» — diñzi. To^uñan xałgeř jürzi:
«Pu^u, pu^u, sinigi muğasyñ qaragař jovyra oxřiri, sinigi p^uurnyñ mařu^ura
oxřiri, sinigi kuzeg čazu^uge oxřiri!»

Muni janša^u pu^u k^uagnane koz elindaž^uux ize-izyne s^uti (s^ut) üłzi.

To^uñan čixkelzi. To^uñan čixkeli kynje tañne ž^ute pu^uñilgi etini kesž^ue.
Ani ž^ute to^uñan jüzi.

Pir jere jesse, tülügu körzi.

— Tülügu, men aýyⁱ ne išteper, sen aýyⁱ ne tanyřkur-o? — diñzi.

Tülügu janšaži: «Men te aýyⁱ nur išteper! — diñzi. — Üxili tanyřk^ula!» —
diñzi.

İfkisy tan^uyřž^ue. To^uñen janšaži: «Üxiliga kakar v^usä, jaxři vo^ura!» —
tiñzi.

— Üxili iřtipa^ura! — diñzi.

Nene pir jere je^uže. Purer körzi.

— Qa^ula va^uur, — tiñzi, — sen?

Pure janšaži: «İzy aýyⁱne iřtepagur!» — diñzi.

— Eligi vusa, pišä aýyⁱne išteper, eji-žo, tanyřk^ula! — diñzi.

Čösy anta tanyřž^ui. To^uñan, aki^ugen e^utni iřkisinä verzi.

— To^uñan-kaka, sen pu e^utni qatän akelzi? — diñzi.

— Xona-xonanigi köligi qaja^ura vämif^uta anten pišä kes kelži! — diñmiř.

İñzi čösy sorifmiř. To^uñan kaka tañnamiř. Pure ine tañnamiř. Tülügu
kiči ini tañnamiř. Mune suryřqanda öreten xurun^utu iñki^umiř.

To^uñan janšaži: «Pu^ure, tülügu, xurun^utu antan iñkilzi. Män axsa^ux čöğna-
y^u! Vu mini ž^uo^uqur dā xurun^utu sandugene qoi^ura^unda mini vu k^ulařer. Köläř-
qanda xurun^utu sandu^uune ifkisyñ k^uu^ut-te qāř!»

Xurun^utu je^už^už^ue. To^uñan axsa^ux žöğnaže. Xurun^utu sandu^uune qoiže.
To^uñanne köläřž^ue. Köläřqanda pu^ure xurun^utu sandu^uune k^uo^utere qařž^ue. Xu-
run^uune anda xy^ulaže.

İñzi čösy ujina vā:e üliřž^ue.

— Pure üliř! — tiñze. Pu^ure: «Ülišä pilmäs!» — tiñzi.

— To^uñen-kaka, sen üliř! — tiñzi. Tülüguga řagnaže: «Sen üliř!» — tiñzi.

— İzy üliřä pilmäs. To^uñan-kaka, sen üliř! — tiñzi.

To^uñan üliřž^ui. Patuñkusyñ tülüguga verzi: «Mune sen ujina apago!
Pir etete pařaryñnigi qu^ula^uy a^uinda pir-pir to^uñāt. Pařařaryñ pir kun pir
kundā māliz^uux čyñna keler!»

Sandux ičinta itux piř qoř vara. Mune pu^ury^ura viigé: «Mune apa^uru, sen
mune ki^u-ta taqqa vā^u-ta, portux-portux èt-tā, to^uñēt! Koilār janiña myñ je-
xař keler. Sen mintonž^uux jiša voler!»

Pu^ure, tülügu ujina janzi. To^uñena tikgiñe qat^uun — qu^uřane.

Tülügu ujinda patuñkusyne pir etete pařasynige qu^ula^uy a^uinda piř-piř
to^uñetž^ui. Pařasi k^uagnane myñ üłzi.

Pu^ure ituxni kiñje, taqqa vāre to^uñetž^ui. Koī ürgizāne jiryxtin jiraqqa
qařž^ui. Purinigi ařy^u kile janzi. Tülügunige kösynda čixraži. Tülügu čix
kelzi.

— To^uñen-kaka xy^utin xy^u etipa(r), mett^un met etipa(r) Pugun taqqa vāre
qoi bir de tutu^umaze, jiryxtin jiryx qāřir. Men xutu jataži!

Tülügu janšaži: «Pu^uru-kaka, maña taxi e^umiř. Patuñkunc to^uñitiper dā
minigi pařamlarym myñ üłzi. Üxili vā^ura-da To^uñen-kakane jiko^ula!» — tiñzi.

To^uñan soryřqanne biłzi. To^uñan ujinda je^už^ui, aýryxči čöğnaži. Kösyni
tyğnaži. Puži, tülügu — ifkisy, kösynda čixraži: «To^uñin-kaka, To^uñin-kaka!» —
diñzi. To^uñin unny verzi.

— Sen kemdir? — tiñzi.

— Men — puru, tülügu-inidir! — diñzi.

To^uñan xu kelzi. Kösyni ařž^ui.

— Izy aṛryr! — diṛzi, — sen iṣkisyṅ ne'me kelzi? Men aṛryṇanene piṭ-tu? — diṛzi.

Iṣkisy janṣazi: «Aṛryṇanyne bilmizi! Toʻʻfān-kaka, pisyṇa sen xyī etmi-ṣoṅ! — diṛzi.

Puṣi janṣazi: «Me etūxni kiṇe qoī kōṭaṣmā varzi, pir dā tutyṭmazi, men xutu jatazi!»

Tūlūgu janṣazi: «Sen maṇa vegiīni patuṅkune sen janṣagan k'āmā paṭ-ṭarimnigi quṭaṇy aṇinda toʻʻṣiti per dā paṭṭarym myn ūlzi. Iṣkisy soreṣa sini jigur ta kelzi!»

Etigu toʻʻṣinnigi jiriginda teiṣin saṇynzi. Iṣki kuzyni qysz'i. Puṛe aṇnaṣ-3'i: — Toʻʻṣin-kaka, si kuzynni na'3'i?

Toʻʻṣin janṣazi: «Mi kuzymni te'lli vuṇu-jizi!»

Pure janṣazi: «Minigi kuzemne ūṇor-te vēr, mān dā ji qāy!» — diṛzi.

Uṇar berzi. Kuzina pintaṇ piṇa kar berzi. Pure jizi.

— A'kō, kozem te'lār! — tiṛzi, — nene piṛ kozemne oṇyr-dā vērtuṇu! — diṛzi.

Nene biṛ kozini oṇar biṛzi. Jizi. Aṇnaṣ3'i.

— Pu iligi k'ama te'lli emesar! — tiṛzi.

Toʻʻṣin janṣazi: «Se xusaṇyṅ teiṇinigar!» — tiṛzi.

Tūlūgu aṇnaṣ3'i: «Toʻʻṣin-kaka, sinigi kōzūṅ neṇe qyspor?» — diṛzi.

Toʻʻṣin janṣazi: «Mān kozumne te'lli vuṇu jizi!»

Tūlūgu janṣazi: «Minigi kozumne oṇū,-da vēr, men dē kozumne ji qā-ṇu!» — diṛzi.

Kozuni oṇar birzi. Ṣataṇ biṇa kar berzi. Tūlūgu jizi.

— Ako, te'llār! — tiṛzi. — Nene bir kozumne oṇū,-ta vēr! — tiṛzi.

Aṇa oṇar birzi. Any da jizi.

— Pu te'lli emesar! — tiṛzi.

— Xusaṇyṅ teiṇinigar! — diṛzi. Puṛe tūṭigini kozyny xeṭlāzi.

— Toʻʻfān, puṣu, tūlūgu — iṣkisyṅ paṣle qaja qyr'ṇyna varzi. Anta o't qatazi. Toʻʻṣin meṭ e'tzi. Tūlūguga o saṣ berzi.

— Tūlūgu, sen aṇiṇa piṇā saṭlān, tū'hōṅ jarmaqqa vaṇu, vaxta3'ūx xyiṭagar!

Aṇina saṭṭan3i, tūlūgu qajaṇa varzi. Puryṇa o saṣ perzi.

— Pury, — diṛzi, — aṇiṇa p.ṇā saṭlān! Sinigi tū'hōṅ jarmaqqa vaṇu, vax-ta3'ūx xōṭaṇar. Aṇiṇa piṇā saṭlān!

Puṛy saṭṭan3i. Qajyṇa varzi. Toʻʻfān pu iṣkisyṅ mynda ūṭerzi. Tos3'i.

Перевод

Были зайчиха и волчица. У них были дети. Каждый день они обе ходили добывать сладкий корень. Волчица копает и ест. Зайчиха выкапывает и своему ребенку оставляет. Когда они возвращались [домой], у волчицы нечего было нести, [поэтому] она съела зайчиху и взяла у нее сладкий корень.

[Об этом] узнал зайчонок (букв. детеныш зайчихи). Узнав, решил (букв. пошел) отомстить за мать. [Он] позвал волчонка (букв. детеныша волчихи).

— Братец волк, поиграем! — сказал [он].

Волк ответил: «Я не играю. Моя мать съела твою мать».

Заяц промолвил: «Съела так съела! Почему нам не играть вдвоем?»

Волчонок согласился (букв. обещал). Оба вышли поиграть.

Заяц сказал: «Братец волк, поборемся!» Волк ответил: «Давай!»

Оба [начали] бороться. [Волк] один раз поборол зайца. «Ну, еще раз поборемся!» — сказал [заяц]. Заяц тайком воткнул в землю нож.

Когда они боролись, [заяц] бросил волка на нож. Убил волчонка. Отомстил за мать.

[Об этом] узнала мать волка. Заяц убежал. Волчица бросилась догонять [его]. Убегая, заяц добрался до пастуха овец. [Он] сказал пастуху овец: «Эй, пастух, спрячь меня! За мной волчица гонится. Спаси меня!»

Пастух овец ответил: «Я не могу [тебя] спрятать!»

Заяц пригрозил [ему]. Пастух согласился (*букв. обещал*). «Спрячься среди моих овец!» — сказал [он].

Волчица достигла пастуха (*букв. его*). Она (*букв. волчица*) спросила: «Пастух, заяц здесь?»

Пастух ответил: «Я не видел [его]!»

— Ты скажешь или нет (*букв. не скажешь*)? — сказала [волчица]. — Если не скажешь, я тебя съем!

— Не скажу, хочешь есть (*букв. если ешь*) — ешь! — сказал [пастух].

Волчица наточила зубы. Пастух наточил серп. Волчица убежала. Заяц тоже убежал. Заяц добрался еще до одного места. Увидел оленя.

— Братец олень, спрячь меня! — сказал [он]. — Волчица гонится за мной, вот-вот меня съест!

Олень ответил: «Скажи, что я красивый, [тогда] я тебя спрячу!»

Заяц сказал: «Олень, олень, твои рога, как (*букв. похожи*) тростниковое перо, твой нос, как флейта, ты (*букв. твоё тело*) прекрасен!»

После того как [заяц] это сказал, олень обрадовался: «Спрячься в моем носу!» — сказал [он]. Заяц вошел в нос [оленя].

Волчица достигла оленя (*букв. его*). [Она] спросила оленя: «Олень, сюда прибежал заяц?»

Олень ответил: «Не знаю!»

Волчица сказала: «Ты скажешь по-хорошему или нет (*букв. не скажешь*)? Если не скажешь, я тебя съем!»

Олень ответил: «Хочешь есть (*букв. если ешь*) — ешь!»

Волчица наточила зубы. Олень наточил рога. Волчица бросилась [на оленя]. Олень ударил рогами и убил волчицу. [Затем] олень позвал зайца. «Заяц, иди [сюда], я убил волчицу!» — сказал он].

Заяц прибежал. Олень промолвил: «Заяц, я спас тебя (*букв. твою душу*). Еще разок похвали меня!»

[Тут] заяц задумал недоброе. Заяц бросился в отверстие [на земле]. Оттуда (*букв. из отверстия*) сказал: «Олень, послушай, я похвалю тебя!» Заяц произнес (*букв. похвалил*): «Олень, олень, твои рога как (*букв. похожи*) ветви карагача, твой нос как (*букв. похож*) черпак, твои глаза как (*букв. похожи*) чашка!»

После того как [заяц] это сказал, олень в ярости забодал сам себя и умер.

Заяц вышел [наружу]. Выйдя, он схватил острый камень и отрезал [кусок] оленьего мяса. Взял его и пошел [дальше]. Дошел до одного места и увидел лису.

— Лиса, я ищу родных, породнимся с тобой? — сказал [заяц].

Лиса ответила: «И я ищу родных! Породнимся оба!» — сказала [она].

Оба [они] породнились. Заяц сказал: «Если бы у нас был старший брат, хорошо бы было».

— Поищем вдвоем! — сказали [они].

Опять дошли до одного места. Увидели волка.

— Ты, — сказали [они], — куда идешь?

Волк ответил: «Я ищу родных!»

— Если так, [то и] мы ищем родных, породнимся втроем! — сказали [заяц и лиса]. Все они там породнились. Заяц отдал [тем] двоим мясо, что принес [с собой].

— Братец заяц, ты откуда принес это мясо? — сказали [лиса и волк].

— Корова [одного] человека разбилась о скалу. От нее немного отрезал! — сказал [заяц].

Все [они] посоветовались. Зайца выбрали старшим братом. Лису выбрали самым (*букв. малым*) младшим братом. [Пока] они занимались [этим], с южной [стороны] пришел продавец.

Заяц сказал: «Волк, лиса, оттуда пришел продавец. Я притворюсь хромым. [Желая] меня поймать, продавец поставит [на землю] свой сундук и погонится за мной. Когда он побежит, возьмите сундук и бегите!»

Подошел продавец. Заяц притворился хромым. Продавец поставил свой сундук и погнался за зайцем. Только он побежал, как волк схватил сундук и скрылся. [Так] наказали [они] продавца.

Вот все они пришли домой и начали делить между собой [добычу].

— Волк, [ты] дели! — сказали [заяц и лиса]. Волк ответил: «Я не умею делить!»

— Братец заяц, ты дели! — сказали [волк и лиса]. Обратились к лисе.

«Ты дели!» — сказали [заяц и волк].

— Я не умею делить. Братец заяц, ты дели! — сказала [лиса].

Заяц поделил. Барабан он отдал лисе. «Отнеси это домой. Однажды утром поиграй за ушами детишек. День за днем они быстро вырастут!» — [сказал заяц].

В сундуке оказалась пара сапог. Их [заяц] отдал волку. «Унеси это. Надень их, ступай в горы, поскрипи [ими]. Все овцы к тебе сбегутся (*букв. соберутся*). Ты их запросто съешь!» — [сказал заяц].

Волк и лиса отправились (*букв. вернулись*) домой. Заяц достался весь остаток.

Лиса дома однажды утром поиграла на барабане за ушами своих детишек. Испугавшись, все ее детишки умерли.

Волк надел сапоги, пошел в горы и поскрипел [сапогами]. Овцы испугались и далеко-далеко убежали. Волк, рассердившись, пришел обратно. Покричал у дверей лисы. Лиса вышла.

— Братец заяц сильно мучает [нас], [много] плохого делает. Сегодня в горах ни одну овцу не поймал (*букв. не поймалась*), далеко-далеко [все] убегают. Я очень устал! — [сказал волк].

Лиса промолвила: «Братец волк, и мне [он] то же [самое] сделал. Я поиграла на барабане, и все мои дети умерли. Пойдем вдвоем, да съедем братца зайца!»

Заяц узнал о том, что они решили (*букв. посоветовались*). Заяц дома лег и притворился больным. Двери он запер. Волк и лиса закричали у дверей: «Братец заяц! Братец заяц!» Заяц подал голос.

— Кто вы (*букв. ты*)? — спросил [он].

— Мы (*букв. я*) волк и лиса — младшие братья! — сказали [они].

Заяц встал и открыл дверь.

— Я болею, — сказал [он], — вы (*букв. ты*) оба зачем пришли? Узнали, что я болен?

Волк и лиса (*букв. оба*) ответили: «Мы не знали, что ты болен! Братец заяц, ты помучил нас!» — сказали [они].

Волк промолвил: «Надел я сапоги и пошел за овцами. Ни одна не попала, я очень устал!»

Лиса сказала: «На барабанах, что ты мне дал, я поиграла, как ты говорил, за ушами моих детей, и все они умерли! Оба мы решили прийти и съесть тебя!»

[Тут] заяц задумал в сердце недоброе. Он зажмурил глаза. Волк спросил:

— Братец заяц, что с твоими глазами?

Заяц ответил: «Мои глаза вкусные, [я их] съел!»

Волк попросил: «Вырви-ка мой глаз, я [его] съем!»

[Заяц] вырвал. Глаз чуть-чуть посыпал сахаром. Волк съел.

— О-о, глаз мой вкусный!— сказал [он].— Вырви другой!

Заяц снова вырвал глаз.

— Этот не такой вкусный, как тот!— сказал [волк].

Заяц ответил: «Ты уже сыт!»

Лиса спросила: «Братец заяц, почему у тебя глаза закрыты (букв. сжаты)?»

Заяц ответил: «Мои глаза вкусные, [я их] съел!»

Лиса сказала: «Вырви мой глаз, и я съем-ка свой глаз!»

[Заяц] вырвал ее глаз. Посыпал [его] немного сахаром. Лиса съела.

— О-о, вкусно!— сказала [она].— Вырви другой мой глаз!— попросила [лиса].

Заяц вырвал. [Лиса] и его съела.

— Этот невкусный!— сказала она.

— Ты уже сыта!— сказал [заяц].

[Так заяц] лишил глаз волка и лису.

Заяц повел волка и лису к краю скалы. Там развел огонь. Заяц задумал плохое. Швырнул огонь на лису.

— Лиса, немного шагни назад, мех у тебя дорогой, как бы не испортился!

Лиса шагнула назад и разбилась (букв. упала на скалу). [Заяц] швырнул огонь на волка.

— Волк, — сказал он, — шагни немного назад. Твой мех ценится, как бы не испортился. Подвинься назад!

Волк ступил назад и разбился (букв. упал на скалу). [Так] заяц расправился здесь с теми двумя [зверями]. Конец.

ПРОЗА

СКАЗКИ

23. АГУ КАРАДЖИ. III (ТОМБАХ)

(А Фи-е, женщ., 50 лет, род. в сел. Ханбах, крестьянка.
Записано в сел. Алтиюли 12 июня 1957 г.)

Текст

Pir bösyр vumiş. Ağa Agu Karađi dıǵ'ānā anur vumiş. İnzi apasy Agu Karađıya kuı iştıpamiş. İnzi jıze kaka vugučiniǵı kičiz'ux inisyny kormiş. Agu Karađinıǵı apasyına öǵ'ux sormiş: «Pa-vö, kała vagur-a?» — te sormiş.

— Me anamā kuı iştıpagur! — diimiş.

— Mı vüsa, vugar-o? — diimiş.

— Pyrnyx, sē jaramagar! — diimiş.

Jaramagar digili öǵ'ux jüzini arǵız'ux jüz'ānā bösyр jānyına giimiş.

Nene sormiş öǵ'ux: «Pa-vö, kała vagur-e?» — diimiş.

— Anamā kuı iştı pagur! — diimiş.

— Mē vösa, vogar-o? — diimiş.

— E-e, sē vüsa, vugar! — diimiş.

Öǵ'uxny paǵlıǵ'ānā vāmiş. Jöla je'miş. Pösy a't minpara, öǵ'ux jürpora. İnzi öǵ'ux jaťamiş. İnzi posyny vaxǵ'ānā: «Pačixny a't jasa minsā, voťyr-o?» — diimiş.

— Kamaku, pačixny a't jasa minsā, jāryr-u? — posy diimiş.

İnzi pösy e'mex ji'miş, öǵ'uxqa vıımiş miş.

— Pačixny emexter te jısa, voťyr-o? — diimiş.

— Kamaku, pačixny emexter te jısa, jāryr-o? — posy diimiş.

İnzi kösy jānyına je'miş.

— Pa-vö, pāzaryņa quťax vār-o? — diimiş.

— Kamaku, pazarura qaısy quťax kiǵur-i? — diimiş.

İnzi öjına varǵ'ānā apasy anasyına jaťamiş: «Ana, saǵa kujyr akelzi či-kamakuar!» Anasy sormiş: «Naǵ kamakuar?»

— Pačixny a't jasa minsā, voťyr-o? — tijer, — vu kamaguar!

— Apa, öǵ'ux kamaku emesar, sē kamaguar, atyǵ arjıny pir minderer mu teı jaťamiş. Nene pir naǵ kamaguar? — anasy sormiş.

— Pačixny emexter te jısa, voťyr mu? — tijer, — vu pir kamuguar!

— Vu kamagu emesar, apa, sē kamaguar. Emegıǵten piča verir mu te jaťamiş. Nene pir naǵ kamakuar? — anasy sormiş.

— Pazaryņa quťax vār-o? — tijer, — vu kamaguar!

— Apa, vu kamaguar emesar, se kamaguar, õjinda ists vār-o, — tigenar, — e-e, ilig vūsa, kamagu emesar vūgar!

Ņzi Aku Karaĵini ōz'ux čaĵamīf: «Aku Karaĵi, kara saĵiņny pīf paqpy-da jānina, jānina!»

— Koskur-oyĵan-o, qara sačimny paxqu neme juxāne, xuanšon an'gi aty kurgune pax-ta janine!

Ōz'ux jaĵamīf: «Aku Karaĵi, čaĵuņ kōzūņny pīr paqpy-ta janina!»

Aku Karaĵi ōz'uxke jaĵamīf: «Koskur-oyĵan-o, čaĵuņ kozumny na'ku neme juxune, xuanšon anige soma čaĵuņny pax-ta janina!»

Kozkur-oyĵan nene Agu Karaĵīne čaĵamīf: «Aku Karaĵi, sinigi purnuņny pīr paxpy-da jānina, jānina!»

— Kozkur-oyĵan-o, mī purnumny paxqu neme joxune, xuanšon anige kāmuf čuryne, pax-ta jānina!

Ōz'ux nene čaĵamīf: «Agu Karaĵe-e, komaf juzuņne pīr paxpy-ta jānina!»

— Kuzkur-oyĵan-o, komaf juzumny paxqu neme juxuny. Om bešnigi keĵisyndagy ainy pax-ta jānina!

Ņzi nene Aku Karaĵini čaĵamīf: «Aku Karaĵi, me sini aĵeĵyņny pīr paxpy-ta jānina!»

— Kozkur-oyĵan-o, aĵeĵymny paxqu neme juxuny, k'ušini qenyne pax-ta jānina!

Any jašiz'ānā Ņzi jizi syņ ruxta paĵini tarāmīf. Saĵi jere sālinmīf. Ņzi Kuzkur-oyĵan anigi sāčini tagyĵz'ānā ruxka čyxparmīf. Ņzi Aku Karaĵinigi tūzini Kozkur-oyĵan jatyx kōizānā uxĵamīf. Kozkur-oyĵannige jizi kakasy Kozkur-oyĵāne ūltermē klīmīf. Agu Karaĵi Kozkur-oyĵāne čaĵamīf: «Kuzkur-oyĵan-o, Kuzkur-oyĵan-o, ōrete pō tušize, eišete qyī tušize. Jūz a'tni īfintā malisyny tāny-da, jūz eĵerny īfinta ja'z'uguny tāny-ta, jūz qilišni īfinta jī'lisyny tāny-da kāfina, jizi kaka jizina!»

Kuzkur-oyĵan uxĵaz'ānā ūjānmamīf. Agu Karaĵi jyĵta-jyĵta čaĵamīf. Jy-ĵĵagan jaĵ kuzy Kuzkur-oyĵanny kuĵagyna tammiĵ. Kuzkur-oyĵan a'tn'gi malisyn' tāny, eĵernigi ja'z'ugun' tāny, qilišnigi jī'lisin' tāny qaĵmīf. Qaĵz'ānā k'uņ taĵta čaču arasynda jašinmīf.

Ņzi Agu Karaĵi jogumusinden her kune neme tāfittyrmīf. Kumeĵ har'sa, jārymny joĵta jogumu jeimīf.

Kozkur-oyĵan: «Jogumu, sen var'ta azyņa jaĵa te ōmbefnigi kiĵisyntagy aī jārym tuxar — tyĵu!» — diimīf.

Jogumu kilzānā āzisina jaĵamīf: «Āzē, Kuzkur-oyĵan ombefnigi keĵisyndegi ainy jārym tuxar te jašaturu!» — tiĵer.

Ņzi āzisy: «Jogumu, komīfni jārymny sei ĵemiš-o?» — diimīf.

Ņzi jogumu Kozkur-oyĵānā af hāmīf. Joĵta jogumu āf'ny īfmiĵ, susyny hāmīf.

Kozkur-oyĵan jogumuga jaĵamīf: «Asmantay juĵtus' serexar'te-ta āziga jašaturu!»

Jogumu kelz'ānā āzisina jaĵamīf: «Asmantagy juĵtus' serixar!» — diimīf.

Ņzi āzisy jogumunu ūhremīf: «Af'nigi kōjusyny sei īsparmīf, susyny hāmīf!» — diiz'ānā ūhremīf.

Ņzi Agu Karaĵi nemeni izy hāmīf. Ņzi Agu Karaĵi Kozkur-oyĵan jaĵamīf: «Se oĵe var! Ōita kurgunz'ux kōf-kōf oĵe ensā, mē vār, kurgunz'ux tān-tān ensā, mē joxtyr, se meni senigimni īstetegel!»

Ņzi kurgunz'ux ilī kōf-kōf enmīf. Kuzkur-oyĵan vārar o te toĵtāmīf. Arĵi kurgunz'ux tān-tān enmīf. «Kuzkur-oyĵan joxar o?» — tiiz'ānā jyĵta-jyĵta īste pāmīf.

Joĵta ĵe'sa, posyr kormīf. Agu Karaĵi pōsyny sormīf: «Pa-vō, Kozkur-oyĵannigi qānyņny qāta tō'mīf? Kara-kozgun qāte ilānpōr a?»

Posy Agu Karaĵiĵa jaſamiſ: «Mi kormiĵi, arĵinden maĵta pir qoſ kiĵpo-
ra, aĵa sor!»

Maĵta ĵanina je'z'e. Axunz'uxa Agu Karaĵi sormiſ: «Maĵta, maĵta, Kuz-
kur-oĵtannige qānyny qāta tō'miſ? Karaĵa-kuzgun qāte ilānpora?»

Moĵtaſ'ux Agu Karaĵiĵa jaſamiſ: «Inzi Kozkur-oĵtanny xui arāsynda
ūltermiſ. Karaĵa-kuzgun anta ilānpora».

— Inzi maĵta, maĵta, se izyĵ meni piſ paſta!

Maĵtaſ'ux iſkisy paſtamiſ.

— Inzi anta tūrpet iſke qazy, qaĵsynigi tūrpety ili čyxſā, me kiĵny
tanāſy!

Inzi iſkisy ta maliſ'ux qāzymiſ. Iſkisynige piĵiſ'ux čyxmiſ.

Inzi Agu Karaĵi tūrpet iſinta izy piſ uzuĵſſy-da vaxqſ: «Qaĵsynta orna-
ſsa, āſinta Kozkur-oĵtanny komāli!» Tōrpāt iſinte izy uzyĵmiſ. Uzyĵſāna
paſintaqy zaĵyryny aĵmiſ. Agu Karaĵi ĵirigi aĵzynaz'ux zaĵyſtāta ĵyĵtaſ'āna
ūlmiſ.

Inzi tōrbet pirni iſina Kozkur-oĵtanne kommiſ, pirny iſina Agu Karaĵini
kommiſ. Inzi axunz'ux iſkisy kōmſāna kiĵmiſ. Inzi toſſ'i.

Перевод

Был один старик. У него была дочь, по имени Агу Караджи. Вот
отец отправился искать [для] Агу Караджи жениха. Увидел самого
(букв. маленького) младшего брата у семи старших братьев.

Юноша спросил у отца Агу Караджи: «Папаша, куда идешь?»

— Я ищу [для] своей дочери жениха! — ответил [он].

— А я подойду?! — воскликнул [юноша].

— Сопляк, ты не годишься! — ответил [старик].

После этого (букв. сказав не годишься) юноша, тщательно (букв.
чисто) вымыв лицо, явился [опять] к старику.

Юноша снова спросил: «Папаша, куда идешь?»

— Ищу [для] своей дочери жениха! — ответил [старик].

— А я не подойду?! — воскликнул [юноша].

— Э-э, ну ты подойдешь! — сказал [старик].

[Он] повел юношу. Достигли дороги. Старик едет на коне, юноша
идет пешком. Вот юноша устал. Взглянув на старика, он сказал: «Могу
ли ехать на коне, сделав [его] из глины?»

— Глупец, разве можно ехать на коне, сделав [его] из глины? —
ответил старик.

Вот старик поел хлеба, а юноше не дал.

— Могу ли есть глину вместо (букв. говоря) хлеба? — спросил
[юноша].

— Глупец, разве можно есть глину вместо (букв. говоря) хлеба? —
ответил старик.

Вот добрались до дверей [дома старика].

— Папаша, у твоих стен есть уши? — спросил [юноша].

— Глупец, какие уши могут быть (букв. подойдут) у стен? — отве-
тил [старик].

Придя домой, отец сказал своей дочери: «Дочь, привел тебе же-
нишка, совершенный глупец!» Дочь спросила: «Почему глупец?»

— Он говорит: «Могу ли ехать на коне, сделав [его] из глины». Он
глупец! — ответил отец.

— Отец, юноша не глупец, ты глупец. Он сказал, не посадишь ли
[ты его] сзади на своего коня. Еще почему он глупец? — спросила дочь.

— Он говорит: «Могу ли есть глину вместо (букв. говоря) хлеба». Он
глупец! — ответил отец.

— Он не глупец, отец, ты глупец. Он сказал, не дашь ли [ты ему] немного своего хлеба. Еще почему он глупец? — спросила дочь.

— Он говорит: «У твоих стен есть уши». Он глупец! [— ответил отец].

— Отец, он не глупец, ты глупец. Он сказал: «Нет ли собаки в твоём доме?» Э-э, если так, [то он] вовсе не глупец! [— сказала дочь].

Вот юноша сказал Агу Караджи: «Агу Караджи, на твои чёрные волосы взгляну-ка разок и уйду [я], уйду!»

— О Коскур-оглан, нечего смотреть на мои чёрные волосы, посмотри на хвост коня императора и уходи! [— сказала Агу Караджи].

Юноша сказал: «Агу Караджи, на твои чашеобразные глаза разок посмотрю и уйду!»

Агу Караджи ответила юноше: «О Коскур-оглан, нечего смотреть на мои чашеобразные глаза, посмотри на императорские чашки из-под сормы¹ и уходи!» [— сказала Агу Караджи].

Коскур-оглан ещё [раз] сказал Агу Караджи: «Агу Караджи, на твой нос взгляну-ка разок и уйду [я], уйду!»

— О Коскур-оглан, нечего смотреть на мой нос, посмотри на камышовую флейту императора и уходи! [— сказала Агу Караджи].

Юноша ещё сказал: «Э-э, Агу Караджи, на твоё круглое (*букв.* как лепешка) лицо разок взгляну и уйду!»

— О Коскур-оглан, нечего смотреть на моё круглое (*букв.* как лепешка) лицо. На месяц в пятнадцатый вечер взгляни и уходи! [— сказала Агу Караджи].

Вот [юноша] ещё сказал Агу Караджи: «Агу-Караджи, на твои ноги взгляну-ка разок и уйду!»

— О Коскур-оглан, нечего смотреть на мои ноги, взгляни на футляр кобуза и уходи! [— сказала Агу Караджи].

Сказав это, [она начала] причёсывать волосы (*букв.* голову) на седьмом этаже. Волосы её свисали до земли. Коскур-оглан, цепляясь за волосы, поднялся наверх (*букв.* на этаж). Положив подушку на колени Агу Караджи, Коскур-оглан уснул.

Семь старших братьев пришли убить Коскур-оглана.

Агу Караджи позвала Коскур-оглана: «О Коскур-оглан, о Коскур-оглан, на юге ружьё гремит, на севере [выстрел] громко раздается. Из сотни коней выбери [самого] быстрого, из сотни седел выбери [самое] красивое, из сотни мечей выбери [самый] острый и скачи, пусть догонят семь братьев!»

Коскур-оглан не проснулся. Агу Караджи плача позвала его. Слёзы [ее] закапали в ухо Коскур-оглана. Коскур-оглан, выбрав [самого] быстрого из коней, [самое] красивое из седел и [самый] острый из мечей, бежал. [Он] укрылся в кустарниках на безлюдной (*букв.* пустой) горе.

Каждый день Агу Караджи заставляла свою служанку носить пищу [Коскур-оглану]. Если служанка несла лепешку, [то] половину съедала в пути.

Коскур-оглан сказал: «Служанка, ты иди и скажи своей госпоже (*букв.* старшей сестре): „Месяц в пятнадцатый вечер только вполночь нарождается!“»

Служанка, придя, сказала своей госпоже (*букв.* старшей сестре): «Госпожа (*букв.* старшая сестра), Коскур-оглан говорит, [чтобы] я сказала, что месяц в пятнадцатый вечер вполночь нарождается!»

¹ Сорма — водка-сырец (*тиб.*).

Госпожа сказала: «Служанка, половину лепешки ты съела?» Служанка понесла Коскур-оглану пищу. В пути она гущу съела (*букв.* выпила), а жидкость отнесла.

Коскур-оглан сказал служанке: «Скажи своей госпоже: „Звезды на небе редкие!“»

Служанка, придя, сказала своей госпоже (*букв.* старшей сестре): «[Коскур-оглан] сказал: „На небе звезды редкие!“»

Госпожа побранила служанку. «Гущу ты съела, а жидкость отнесла?» — говоря [так], бранила.

Агу Караджи сама понесла пищу. Коскур-оглан сказал Агу Караджи: «Ты иди домой! Если голуби прилетят (*букв.* опустятся) домой парами, я жив (*букв.* есть), если голуби прилетят (*букв.* опустятся) по одному, [то] ищи мои кости!»

раджи] обрадовалась, что (*букв.* говоря) Коскур-оглан жив (*букв.*

Голуби сначала прилетели (*букв.* опустились) парами. [Агу Караджи], говоря: «Коскур-оглана нет [в живых]» — плача отправилась есть). Потом голуби прилетели (*букв.* опустились), по одному. [Агу Караджи] искать.

В пути [она] встретила старика. Агу Караджи спросила старика: «Папаша, где пролилась кровь Коскур-оглана? Где кружатся вороны?»

Старик ответил Агу Караджи: «Я не видел. Следом идут два (*букв.* пара) муллы, у них спроси!»

Муллы добрались до них. Агу Караджи спросила ахунов: «Муллы, муллы, где пролилась кровь Коскур-оглана? Где кружатся вороны?»

Муллы ответили Агу Караджи: «Коскур-оглана убили в лесу. Там кружатся вороны».

— Муллы, муллы, поведите меня [туда]! [— попросила Агу Караджи].

Оба муллы повели [Агу Караджи].

— Выройте там две могилы (*букв.* гробницы). Кто раньше выроет, пусть изберет меня женой!

Оба быстро [начали] рыть [и] кончили одновременно.

Агу Караджи легла в могиле, измеряя ее. «В которой поместится, там Коскур-оглана и похороним!» [— сказала Агу Караджи]. В могиле она вытянулась. Вынула из волос (*букв.* головы) серебряную булавку. [Этой] булавкой Агу Караджи пронзила себе сердце и умерла.

В одной могиле похоронили Коскур-оглана, в другой — похоронили Агу Караджи. Ахуны похоронили их и ушли. Конец.

24. * ГОРЬКАЯ ДОЛЯ (ТОМБАХ)

(А Фи-е, женщ., 50 лет, род. в сел. Ханбах, крестьянка.
Записано в сел. Алтиюли 13 июня 1957 г.)

Текст

Posyr vumış, n'nysur vumış. Posý ma nínusyna oçur (<oçutur) vumış.
Ösýna kılýn (// kılýn) aılmış.

Ağa kañasy jaşamış: «Se aňny aı k'ema jı, s'uç kema toçry! Kun kormegen, jel kormegen çoraýyny toçta!»—te jaşamış.

Ösýny kılýn aňny aı kema jı mış, s'uj kema toçramış. İnzi oçutýn kılýn toçruz'ana jytamış.

—Pu kun kormegen, jel kormegen pu çoraýyny qatan aklıgu?—diz'ana jytamış.

Jyřtasa, qātyñ kiřur o't ałmā kiłmiř. Qātyñ kiřz'ux sormiř: «Se nege jyř ĩapor?»

—Kun kormegen, ĩel kormegen ċorařyny ło_u^Vta tigu jyř ĩapor. ĩzy vu ċorařyny qāten akiř gur?!—kiłny dimiř.

Qātyñ kiřz'ux ĩafamiř: «Vuri ĩřina en-te, vār-ta turma zyzeten āt-dy gē-ta, ło_u^Vtā-ta, kaĩnāt-ta vēr'!»

Ĉoračysyny ło_u^Vłamiř. Āřiny kaĩna'miř. Kaĩna apasyna piř zanzы ĥamiř. Jołux uřĩta zanzyny ałmiř, syx uřĩta ĩampāsyny řo_u^Vłamiř.

Kaĩna ĩřisyna bir zanzы ĥamiř. Kaĩny ĩřisy jołux uřĩta zanzyny ałmiř, syx uřĩta ĩampāsyny řo_u^Vłamiř.

ĩñzi xarsyna bir zanze ĥamiř. Jołux uřĩta zanzyny ałmiř, syx uřĩta keĩnyñige ĩař kozuny sařypĩimiř.

ĩñzi kiłny pamiñina qařpāmiř. Apāsyna ĩariłmiř: «Apa, juğ fuğ zi, juğ-xuğ t'oruny fele-jā, so_u^Vsen qyzyğny k'o'ła-jā!»

Apasy anasyna ĩafamiř: «So_u^Vsen qyzym o, juğxuğ toryny felese, vogar-či, apağ sini k'o'łanmagare, ĩčiña sor!»

Anāz'ux ĩčisyna sormiř: «ĩča, juğ xuğ zi, řağ jeğř'kunne fele-ja, so_u^Vsen qyzyğni k'o'ła-jā!»

ĩñzi ĩčisy anāsyna ĩafamiř: «So_u^Vsen qyzym o, řağ jeğř'kune felese, vogar a! Apağ k'o'łanmamıř-ā, ĩřiğ ničux k'o'łagu(r)? Kakağa sor!»

ĩñzi kakasyna sormiř: «Kaka, juğ xuğ zi, vōten itıgu fele-jā, so_u^Vsen signiğne k'o'ła-jā!»

Kakasy signine ĩafamiř: «So_u^Vsen signim-o, vōten itıxne felese, vogar a! Apa-ıje k'o'łanmamıř, kakağ ničux k'o'łagu? Jeğguğa sor!»

Jeğğusyna sormiř: «Jeğgu, jeğ xuğ zi, so_u^Vsuřkunny fele-jā, so_u^Vsen signeğne k'o'ła-jā!»

ĩñzi jeğkusy signina ĩafamiř: «So_u^Vsen signim-o, apa-ıři k'o'łanmamıř, kakağ k'o'łanmamıř, jeğguğ sini ničux k'o'łagu? Āzyğa sor!»

Āzisyna sormiř: «Āzy, juğ xuğ ze, juğtu syrřağny fele-jā, so_u^Vsen signiğny k'o'ła-jā!» Āzisy signina ĩafamiř: «So_u^Vsen signim o, juğtu syrřany felese vuğar y! Apa-ıje k'o'łanmamıř, kaka-jeğgu k'o'łanmāmiř, azeğ ničux k'o'łagū? Xařağa sor!»

Xařasyna sormiř: «Xařa, juğ xuğ zē, sōpu kētony fele-jā, so_u^Vsen sunzyğny k'o'ła-jā!»

Xařasy anāz'uxka ĩafamiř: «Neğkysy k'o'łamagar!» «K'o'łamasa, ũłto-gol»—diř'ānā piř kāřiřniğe pičixur viłmiř, urxan bir qułař viłmiř.

ĩñzi anāz'ux ane z'ūz'z'ānā pařyna vāmiř. Urxanyny armūt tała taxmiř. Armūt tał taxtyrmāmiř: «ĩzyga taxquma, ĩrux tała tax!»—dimiř.

Anāz'ux ĩrix tała taxmiř. ĩrux tał-ta taxtyrmāmiř. ĩrux tał: «Xos tała tax!»—dimiř.

Xos tał taxtyrmāmiř: «Muř tała tax!»—dimiř.

Muř tała taxmiř. Taxz'ānā muř tała sormiř: «ĩzy ĩñzi poguğkur?»—dimiř. Muř tał: «Poguñ!»—diřmiř.

ĩñzi muř tał juřĩndāz'ux pogunmiř. Pogunz'ānā ũłmiř. Muř tały juřĩndāz'ux kommiř. Komz'ānā oñynda řendonxu_u^Va čixmiř, jyłuğkuř čixmiř. ĩñzi xařasy

paṭṭā vāmī. Čičexke jaśamī: «ſendonxua, ſendonxua, ſen paḍa ačiṭ na'kur? Pihi taḍa ačiṭ! Jyḷugkuſ, jyḷugkuſ, ſen paḍa čyḡna na'kur? Čelā varī»
Jelugkuſ čelā vāmī, ſendonxua taqqa vāmī. Inzi tosmī.

Перевод

Были старик и старуха. У них (букв. старика и старухи) был сын. Сыну [они] взяли жену.

Свекровь сказала ей: «Раскатай тесто (букв. пищу), [круглое], как луна, нарежь [тонко], как волос! Пожарь овощи, которые не видели солнца и ветра!»

Жена сына раскатала тесто, [круглое], как луна, нарезала [его тонко], как волос. Жена сына, когда нарезала [тесто], заплакала.

— Где я достану овощи, которые не видели солнца и ветра?!— [так] говоря, [она] плакала.

Когда она плакала, пришла женщина попросить огня. Женщина спросила: «Ты почему плачешь?»

— Я плачу [оттого, что надо] жарить овощи, которые не видели солнца и ветра. Где я достану те овощи?!— сказала жена [юноши].

Женщина ответила: «Спустись в погреб и принеси ростки редьки. Пожарь, свари и дай!»

[Жена юноши] пожарила овощи, сварила лапшу (букв. пищу) и понесла чашку своему свекру. [Свекор] левой рукой взял чашку, а правой ударил ее по щеке.

[Жена юноши] отнесла чашку свекрови. Свекровь левой рукой взяла чашку, а правой ударила ее по щеке.

Вот [она] понесла чашку своему мужу. [Он] взял левой рукой чашку, а правой вытер слезы жены.

Жена его убежала в свою семью. С мольбой сказала отцу: «Отец дорогой, розового жеребенка не пожалей, свою несчастную дочь возьми [обратно]!»

Отец ответил дочери: «О моя несчастная дочь, розового жеребенка не стоит жалеть, [но] твой отец не возьмет [тебя], попроси мать!»

Дочь попросила мать: «Мама дорогая, головной убор не пожалей, свою несчастную дочь возьми [обратно]!»

Мать ответила своей дочери: «О моя несчастная дочь, головной убор не стоит жалеть. Отец не взял [тебя], как же мать возьмет? Попроси своего старшего брата!»

[Девушка] попросила старшего брата: «Братец дорогой, суконные сапоги не пожалей, свою несчастную сестру возьми [обратно]!»

Брат ответил своей сестре: «О моя несчастная сестра, суконные сапоги не стоит жалеть. Отец и мать не взяли [тебя], как же старший брат возьмет? Попроси свою невестку!»

[Девушка] попросила невестку: «Невестка дорогая, головной убор не пожалей, свою несчастную сестру возьми [обратно]!»

Невестка ответила девушке (букв. сестре): «О моя несчастная сестра, отец и мать не взяли [тебя], старший брат не взял, как же невестка тебя возьмет? Попроси свою старшую сестру!»

[Девушка] попросила старшую сестру: «Сестрица дорогая, серьги на цепочке не пожалей, свою несчастную сестру возьми [обратно]!»

Старшая сестра ответила младшей: «О моя несчастная сестра, серьги на цепочке не стоит жалеть. Отец и мать не взяли [тебя], старший брат и невестка не взяли, как же старшая сестра возьмет? Попроси свою бабушку!»

[Девушка] попросила бабушку: «Бабушка дорогая, головной убор не пожалеи, свою несчастную внучку возьми [обратно]:»

Бабушка ответила девушке: «Никто не берет [тебя]!» Говоря: «Коли не берут, [так] умри!», [она] дала [девушке] нож в один вершок и веревку в размах рук.

Девушка взяла [все] это и пошла в сад. Повесила веревку на грушевое дерево. Грушевое дерево не позволило [на себя] повесить. «На меня не вешай, повесь на абрикосовое дерево!» — [сказало грушевое дерево].

Девушка повесила (веревку) на абрикосовое дерево. Абрикосовое дерево тоже не позволило повесить. «Повесь на ореховое дерево!» — [сказало абрикосовое дерево].

И ореховое дерево не позволило повесить. «Повесь на дерево черного перца!» — [сказало ореховое дерево].

[Девушка] повесила [веревку] на дерево черного перца. Повесив, она спросила дерево черного перца: «Я повешусь?» Дерево черного перца ответило: «Вешайся!»

В самом низу дерева черного перца [девушка] повесилась и умерла.

Под деревом черного перца [ее] и похоронили. На этом месте вырос красный цветок с черными тычинками, что растет в горах, и вырос синий придорожный цветок. Бабушка пришла в сад и сказала цветам: «Красный цветок, красный цветок, почему ты вырос в саду? Расти в высоких горах! Синий цветок, синий цветок, почему ты вырос в саду? Иди в степи!»

Синий цветок поселился (букв. ушел) в степи, красный поселился (букв. ушел) в горах. Конец.

25. * МУНГЫСКАРДЖАХ. III (ТОМБАХ)

(А Фи-с, женщ., 50 лет, род. в сел. Ханбах, крестьянка.
Записано в сел. Алтиюли 14 июля 1957 г.)

Текст

Pir ninusur vum'ēf. Ninusur suṛa vam'ēf. Suṛa varz'ānā susyny kutyki' mēf. Tanū jānā siča pyrt ki' mī ēf. Kilē kuiz'ānā pinz'any piṅ izap osyramēf. Osyrsa, pātanž'ux kō čyxkel'm fta Mungysk'arčax čyx ke' mēf. Mungysk'arčyx ninaž'uxka sormēf: «Ninō, sato sa'qy qaṛaумы seni jimā ki' gur!»—tim'āf.

Ninusy jyṛta-jyṛta ki' mī ēf. Kelsā, qojyr kōrmēf.

— Ninō, negē jyṛta : āja?—tim'f.

— Sōty meni Mungysk'a čyx jimā kigur tire — ele'ku jyṛtaṛpar!—tim'f.

— Ninō, jyṛta'komutāž'ux var, men saṇa ča'p ja'ma ki' gī!—tim'f.

Anā kelsā, paṛor kōrm'ēf.

— Ninā, negē jyṛtaṛ āja?—tim'f.

— Sōty meni Mungysk'arčyx jimā kigur tire — ele'ku jyṛtaṛpāja!—tim'f.

Anā kelsā, tōlexur (=tojexur) kōrmēf.

— Ninō, negē jyṛtaṛ āja?—tim'f.

— Sōty meni Mungysk'arčyx j.mā kigur tire — ele'ku jyṛtaṛpāja!—tim'f.

— Jyṛtykomutāž'ux var, piser saṇa ča'p ja'ma ki' gī!—tim'f.

Anā kelsā, pizur kōrmēf.

— Ninō, negē jyṛtaṛpāja?—tim'f.

— Sōty meni Mungysk'arčyx j.mā kigur tire — ele'ku jyṛtaṛpāja!—tim'f.

— Ninō, jyṛtamutāž'ux var, sōty men ča'p ja'ma ki' gī!—tim'f.

Anā kelsā, jig'nūr kōrmif.

— Ninō, negē jyŕŕappāja?—timif.
 Sōty meni Mungysk'arčyx jimā kigur tir — ele'ku jyŕŕappaja!—timif.
 — Jyŕŕamutāz'ux var, men saga ča'p ja'ma ki'ŕ gī!—timif.
 Anā kelsā, senzor kōrmif.
 — Ninō, negē jyŕŕappāja?—timif.
 — Sōty meni Muŕgysk'arčyx jimā kigur tire — ele'ku jyŕŕappaja!—timif.
 — Se jyŕŕakomutāz'ux var, sōty men saga ča'p ja'ma ki'ŕ gī!—timif.
 Anā kelsā, jomurtany kōrmif.
 Ninō, negē jyŕŕappāja?—timif.
 — Meni sōty Muŕgusk'arčyx jimā kigur tir — ele'ku jyŕŕappar!—timif.
 — Se jyŕŕakomutāz'ux var, men saga ča'p ja'ma ki'ŕ gī!—timif.
 Sato kezisini ninusy ja'm'ēf. Inzi niŕkysy paŕa, senzy inzi man jyŕŕŕ ki'ŕ mif. Senzy tērinta o'mif, jiginā ajāgynta o'mif, piz pāŕinta o'mif, jumur'tā o'z'ux iŕz'inta o'mif, paŕa su iŕintā o'mif, qoi qoi ič'inta o'mif, zāryx te-zex o'z'ux z'ūjinda o'mif, tūx kō pāŕinda o'mif. Inzi kōsy syxŕāmif.
 Z'ū, Muŕgysk'arčyx ki'ŕ m'ēf.
 — Ninō, kōny ač'!—timef.
 — Ač' yŕmagar!—timif.
 Kōsyny syxŕāmif ta kire ki'ŕ mēf. Kire ki'ŕ z'ānā: «Ninō, men siny kā-tyn jigor?—timif.
 — Kāten jisa, jī!—dimif.
 — Pāŕinden z'ifligur!—dimif. Senzy totāgyndan čillimif.
 — Ata, ata, ata, munda naŕara? Ajāgyndan jigur!—timif. Ajāgyn z'iflāmā vāmif. Ajāgyn z'iflāsā, piz tatāgyny pir čilŕāmif.
 — Ata, ata, ata, munda da naŕara? Men sēni pileŕden jigur!—timif.
 Pilini pir z'iflāmif. Piline z'ifligur tegāndā jig'nā tatāgyny pir čillāmif.
 — Ata, ata, ata, munda da naŕara? Z'arx tezekinz'ux jigur!—timif.
 O'zāgyna o'tzak o'tny po-po fur'sa, jumurta pō čexmiŕta, tatamiŕta, kozina man k'uli vāmif. Juŕa načar kuzum, juvur kelegar dimiŕta kan iŕina susyna vāmif. Kan iŕinda paŕa vara, č'ampagina č'a' e'ti pir ŕauŕāmif.
 — Qač'kim kelegar!—temiŕta, kač' mif. Qač' ku qoi ič'ina vāmif. Qoi toŕ ičmif. Toi ičkemēsinde toi ičkep pir temiŕ. Tein kilē kō pāŕinda tōxz'ux kēmiŕta pasmiŕta Muŕgysk'arčyxny ŕlterm'ēf. Ūlterz'ānā inzi tosmif.

Перевод

Была некая старуха. Пошла старуха за водой. Набрав воды, по-несла [домой]. К теленку подлетел воробей. [Старуха] поставила [воду], [увидела воробья] и вскрикнула. Появился Мунгыскарчах. Он сказал старухе: «Вечером приду тебя съесть!»

Старуха плача пошла [дальше]. Увидела барана.

— Старуха, почему плачешь? — спросил [баран].

— Мунгыскарчах говорит, что вечером придет меня съесть, потому и плачу! — ответила [старуха].

— Старуха, иди и не плачь, я приду к тебе спать! — сказал [баран].

Далее [старуха] увидела лягушку.

— Старуха, почему плачешь? — спросила [лягушка].

— Мунгыскарчах говорит, что вечером придет меня съесть, потому и плачу! — ответила [старуха].

Далее [старуха] увидела [каменный] валик.

— Старуха, почему плачешь? — спросил [валик].

— Мунгыскарчах говорит, что вечером придет меня съесть, по-тому и плачу! — ответила [старуха].

— Иди и не плачь, я (букв. мы) приду к тебе спать! — сказал [валик].

Далее [старуха] увидела шило.

— Старуха, почему плачешь? — спросило [шило].

— Мунгыскарчах говорит, что вечером придет съесть меня, потому и плачу! — ответила [старуха].

— Старуха, иди и не плачь, вечером я приду спать [к тебе]! — сказало [шило].

Далее [старуха] увидела иголку.

— Старуха, почему плачешь? — спросила [иголка].

— Мунгыскарчах говорит, что вечером придет съесть меня, потому и плачу! — ответила [старуха].

— Иди и не плачь, я приду к тебе спать! — сказала [игла].

Далее [старуха] увидела ножницы.

— Старуха, почему плачешь? — спросили [ножницы].

— Мунгыскарчах говорит, что вечером придет съесть меня! — ответила [старуха].

— Ты иди и не плачь, вечером я приду к тебе спать! — сказали [ножницы].

Далее [старуха] увидела яйцо.

— Старуха, почему плачешь? — спросило [яйцо].

— Мунгыскарчах говорит, что вечером придет съесть меня, потому и плачу! — ответила [старуха].

— Ты иди и не плачь, я приду к тебе спать! — сказало [яйцо].

Вечером старуха [готовилась] спать. И вот лягушка, ножницы — все, собравшись, пришли. Ножницы разместились (*букв. сели*) у лица [старухи], иголка села у ног [старухи], шило село на голове [старухи], яйцо село в очаг, лягушка прыгнула (*букв. села*) в воду, баран спрятался (*букв. сел*) в хлевушок, жидкий кизяк сел под очагом, валик сел поверх дверей. Все охраняли дом (*букв. двери*).

Мунгыскарчах явился.

— Старуха, отвори дверь! — сказал [он].

— Я не могу отворить! — сказала [старуха].

Мунгыскарчах вошел [внутрь дома]. Войдя, [он] спросил: «Старуха, откуда [начать] тебя есть?»

— Где хочешь, [там и] ешь! — ответила [старуха].

— Укушу [тебя] в голову! — сказал [Мунгыскарчах]. Ножницы укололи [его] в губы.

— Ай-яй-яй, что здесь такое? Съем твои ноги! — сказал [Мунгыскарчах]. [Он] бросился укусить ногу [старухи]. Шило укололо [Мунгыскарчаха] в губы.

— Ай-яй-яй, что здесь такое? Съем твои ноги! — сказал [Мунгыскарчах]. [Он] бросился укусить ногу [старухи]. Шило укололо [Мунгыскарчаха] в губы.

— Ай-яй-яй, и здесь что такое? Съем кизяк! — сказал [Мунгыскарчах]. Яйцо раздуло огонь в очаге и, сильно дунув, пустило всю золу очага в глаза [Мунгыскарчаха].

— Ой, плохо с глазами, надо [их] промыть! — сказал [Мунгыскарчах] и бросился к чану с водой. В чане — лягушка [сидит], [она] звонко ударила по щеке [Мунгыскарчаха].

— Надо бежать! — сказал [он] и побежал.

Попал в хлевушок. Баран пил [воду]. Напившись, [он] боднул [Мунгыскарчаха]. [Мунгыскарчах] ударился [о дверь]. Валик свалился с верха дверей, раздавил и убил [Мунгыскарчаха]. Конец.

(А Фи-е, женш., 50 лет., род. в сел. Ханбах, крестьянка.
Записано в сел. Алтиюли 14 июня 1957 г.)

Текст

Pir ninusur vumi ēf. Ninusyna ana uf vumiēf. Ninusy anasy uf čāi ičānā taqqa vamēf. Taqqa vāgānasynda anasy čosyny jaši pāmēf: «Ize kēmigenz'ux kōny afkumā! Iza kōta čaḡaguta kōny ač'!»—ētimēf.

Ižesine tarṭa Muḡysk'arčyx jimēf. Muḡysk'arčyx jiz'anā Muḡysk'arčyx zasta kiī mīšta pu vaxṭny kiī z'anā anaz'uxny čaḡamēf.

«Tuttyrzā, kōny ač'!

Iza kelzē,

oryx z'u'ny uri kelzē,

tāryx z'u'ny tara kelzē,

Moren-sun'e čumi kelzē,

aryk sun'e a'tta kelzī,

kōnē ač'!»—eltimef.

Tuttyrzā: «Ni'čün ēne säre, ni'čün a'tan k'ēpar?»—etimef. Tāryx ičintān bir paḡta kiī z'ana nene čaḡamēf:

«Tuttyrzā, kōny ač'!

Iza kelzē,

oryx z'u'ny uri kelzī,

tāryx z'u'ny tara kelzī,

Moren-sun'e čumi kelzī,

aryk sun'e a'tta kelzī,

ōzen sun'e māni kelzī»—dimēf.

«Ni'čün ene sār'e, ni'čün xyzyṭtan kiī par?»—timef. Kyzyṭ tāryx ičintān bir paḡta kiī mēf:

«Tuttyrzā, kōny ač'!

Izā kelzī,

Orux z'u'ny uri kelzī,

tāryx z'u'ny tara kelzī,

Moren-sun'e čumi kelzī,

aryx sun'e a'tta kelzī,

Tuttyrzā, kōny ač'!»

Ni'čün ene sār'e, ni'čün k'u'tan kiī par?»—dimēf.

—Kōny afqur mu afmas? Afmasa, illtermāgyn syndyrpar!—dimef.

İnzi kōsyny ač'mif. Afz'anā kōny ič'inta inzi ifke anaz'uxne kormif: «Ižāni kōinynta qafāsny ja'kor?»—dimif. —Izā kōinynta kiziz'ux anāsny ja'kor!»—dimif.

Uḡar anāsy ifkisi tānymif. Ižāsinā ja'māmif, xorgāmif. Ižāsini kōinynta ja'sa, u anāsny jaḡamif: «Ižāni tāfi kyrygynta jep'imaha koītogo! Su pe zānze koītogo! Koīmif per zenze koītogo! Izā tāfi kyrygynta iže kezesi jigur!»—dimif.

Kezesinā kiziz'ux anāsny jimif kōinynta «kostyr-kostyr-kostyr» jiz'anā. Jigu uḡ āzesi ifkisi sormif: «Ižā, sen n'ājitāje?»—timif.

Ižā: «Eḡke z'e, koḡgan koīmuš pīdānz'ux jitāja!»—timif.

Anāsny jikkan jikō tāny' parz'anā ōzēz'ux avēsnyzina vamēf.

—Ižā, pu ōzēz'ux naḡari?»—timif.

—Keze in su pe zanzu koḡgannygy tiū'rinzel—dimif.

Anāsnygi pāfi kulen pāmif azēsini jānyṇa.

—Ižā, munda kulelüz'ux var, āty naḡarē?»—timif.

—Apaḡnigi iḡpimaḡara!»—timif.

İnzi anäsy iŋkisi xorgamıŋ. İnzi xorkz'a «qafqurl»—timif.
 — İzä, mi ssigur-ä?—timif.
 — Andäz'ux sil—timif.
 — İza, me çaglagur-ä?—timif.
 — Andäz'ux çagta. Kez kez aŋga!—timif.
 — Moxkeme vagur-a!—timifte moxkeme var tegäç ajakynta ätyryvynta
 taŋaš ičina çyxmif. Çyxz'anä:
 «Aı-anä, urxan çäi,
 Kun-anä, fynzän çäi!»—timifte sykyramif.
 Sykyraganynta inzi fynze inderguzi vumif.
 Fynze indermifte anaž'uxne iŋkisini ta'mif, taxämif.
 İnzi Myŋ'ysk'arçax izy kulinmifta «izy» tigu inzi kōtan çyxki'mif.
 İnzi izy taŋaš ičina çyxz'anda (<çyxz'anä da):
 «Aı-anä, orxan çäi,
 Kün-anä, fynzän çäi!»—timif.
 Ele'kin anasyn indergän kiŋi vumif. İnderkimiftä jarym piggel čä't
 pämiŋ. Čä't pämiŋta čęçurmif ta Myŋ'ysk'arçaxny ultermif. İnzi tosz'ı.

Перевод

Была одна старуха. У старухи были три дочери. [Однажды], попив чаю с тремя дочерьми, старуха [собралась] пойти в горы. Перед тем как уйти, [она] сказала дочерям: «Пока мать не вернется, дверь [никому] не открывайте! Когда мать поκληчет [вас] у дверей, тогда открывайте!»

В горах Мунгыскарчах съел мать. Съев, он пошел [в ее дом] и [начал] звать дочерей.

«Туттырджа, открой дверь!

Мать пришла,

серпом траву жала,

граблями убирала (букв. причесала),

реку Морен переплыла,

[через] воды арыка переправилась,

открой дверь!» — так пропел (букв. сказал) Мунгыскарчах.

Туттырджа спросила: «Отчего лицо желтое, а сам — белый?»

Вывалявшись в пыли, [Мунгыскарчах] снова запел (букв. позвал) [у дверей].

«Туттырджа, открой дверь!

Мать пришла,

серпом траву жала,

граблями убирала,

реку Морен переплыла,

[через] воды арыка переправилась,

воды речки перешла!» — сказал [Мунгыскарчах].

— Отчего лицо желтое, а сам — красный? — спросила [Туттырджа].
 [Мунгыскарчах] вывалялся в красноватой пыли.

«Туттырджа, открой дверь!

Мать пришла,

серпом траву жала,

граблями убирала,

реку Морен переплыла,

[через] воды арыка переправилась.

Туттырджа, открой дверь!» [— пропел Мунгыскарчах].

— Отчего лицо желтое, а сам — синий? — спросила [Туттырджа].

— Откроешь дверь или нет? Не откроешь — крючок сломаю! — сказал [Мунгыскарчах].

[Туттырджа] открыла дверь.

[Мунгыскарчах] вошел и спросил двух девушек: «Кого взять из вас в материнские объятия? Возьму [самую] маленькую дочку!» — сказал [Мунгыскарчах].

Две девушки узнали [Мунгыскарчаха].

Уклонились от его объятий, перепугались. [Маленькая дочка] прижалась к груди матери (т. е. Мунгыскарчаха). [Мунгыскарчах] сказал [двум другим девушкам]: «Положите около вашей матери хлеба (?), поставьте чашку воды, положите чашку каши (?)! Все это вечером мать съест!» — сказал [Мунгыскарчах]. Вечером [он] съел, хрустя «костыр-костыр-костыр», [самую] маленькую девушку. Две старшие сестры спросили: «Мама, что ты съешь?»

Мать ответила: «Спасибо! Что [вы] положили, [я] и ем!»

[Сестры постепенно] узнавали части тела [своей младшей сестры] вплоть до влаги внутренностей.

— Мама, что это за жидкость? — спросили [сестры].

— Это остаток воды, что вчера [вы] принесли в чашке! — ответил [Мунгыскарчах]. Голова [младшей] сестры покатилась [в сторону] старших сестер.

— Мама, здесь что-то круглое, что это такое? — спросили [старшие сестры].

— Эта вещь — вашего отца! — сказал [Мунгыскарчах].

Сестры испугались и решили бежать.

— Мама, можно мне на двор? — спросила [одна из сестер].

— Оставайся здесь! — ответил [Мунгыскарчах].

— Мама, можно мне на двор? — спросила [другая сестра].

— Оставайся здесь. Ну, иди-иди! — сказал [Мунгыскарчах].

— Мне надо выйти! — сказала [сестра], и [обе они] вышли во двор.

Выйдя, громко закричали:

«Девушка Луна, протяни веревку!

Девушка Солнце, окажи помощь!»

После этого пришел спаситель. [Он] унес с собой двух девушек.

Мунгыскарчах, говоря: «Это я!», вышел из дверей. Во дворе [он] закричал:

«Девушка Луна, протяни веревку!

Девушка Солнце, окажи помощь!»

Появился тот, кто унес девушек. [Он] набросился на Мунгыскарчаха и, искромсав его мечом, убил. Конец.

ПОЭЗИЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

27. ПЕСНЯ О ПЕРЕСЕЛЕНИИ САЛАРОВ (ЛИШИ)

(А Фи-с, женщ., 50 лет, род. в сел. Ханбах, крестьянка.
Записано в сел. Алтиюли 14 июня 1957 г.)

Текст

Jā, Sāmārāktān kātķān
aχ t'ovāgā o'tuz tāmānni jūxlā.
O'tuz tāmānni aχ tōvāgā jūxlā čyχa kilē.

«Kaṭa kimiſ?»—tese,
 «O'tuz-taṇi o'tasya kimiſ!—tire.
 O'tuz-taṇi o'tasynda joṭ ta'mi xavaḥḥāni oḥamiſ tire.
 Xavaḥḥāni oḥaḡō O't-poīnaḥta o't čyxmiſ tire.
 Āni jāryguna īnex kilē pu valaḥ simina jimiſ tire.
 Valaḥ simintāqy toryxny p'īga vursa, p'īq čyxmiſ tire,
 tuḡzyṛa vursa, tuḡzy čyxmiſ tire.
 Munta sutan āz'yṇku jyrare tire,
 tājkān āz'yſku jyrare tire.
 Ur'ḫare učirsa, xyi jāxynare tire,
 letaxure iſ z'equ jyrare tire.
 Tūnā učirsā, Moren jāxynare tire.
 Aṭtyṇ kāzyi kon'jen tūlāgu jirare tire.
 Ĵa, fyžāxy jāre tire hin' oḡuḥḥary tire!
 Saṭar kazary tire!
 Tire tari kaṛūni sari tire uli kaṛ'inasini,
 sari tire fyžāxy jāre tire ihingi oḡuḥḥari!»—tire.
 Inzi tosmiſ. Omtyḥmiſ.

Перевод

Так! Из Семерека вышли,
 нагрузив тридцать частей [Корана] на белого верблюда.
 Тридцать частей [Корана] погрузив на белого верблюда и двинувшись
 [вперед].

Если спросят: «Куда пришли?»,
 отвечают: «В лоно Отуз-тага!
 В Отуз-таге, не найдя дороги, расспросили [о ней].
 Расспросив, [увидели], что в От-пойнахе появились огни.
 На их свет пришла корова и ела [траву] на этой плодородной почве.
 Землю этой плодородной местности (*букв. почвы*) взвесили на больших
 весах — вес ее совпал [с весом священной земли];
 взвесили на малых весах — вес ее совпал [и здесь с весом священной
 земли].

Здесь — земля, горящая в воде,
 земля, для которой потребны колодцы.
 Посмотреть на юг (*букв. вверх*) — рядом лес,
 место [пригодное] для занятий обработкой дерева.
 Посмотреть на север (*букв. вниз*) — рядом [река] Морен.
 [Это] — место, где можно жить (*букв. передвигать время*), добывая
 золото.

Так! [Здесь] — любимая семья [Караманга], его сыновья!
 [Здесь] — центр саларов!
 [Здесь] — великая сокровищница [саларов],
 любимая семья [Караманга], его сыновья!»
 Забылось. Конец.

ПРОЗА

28. ИСТОРИЯ СЕЛЕНИЯ КОМБА (ЛИШИ)

(Пекер, мужч., 40 лет, род. в сел. Комба, служащий. Записано в сел. Комба 5 июля 1957 г.)

Текст

Kompa ayyıda eslitä tüvitniki poxoř vořan. Ele'ku Komba temiř. Piser sařarnigi kinzy tüvit pař jilguči, zařax řarçuči piř čimsyğ řařa-miř. Pu kiř Pölerden kiřmiř. İnzi pu čimsanden ko'plini piř ayyı vumiř.

Anden pu seřynnigi ařtinden ařunuıř čixmiř. Pu ařun-bö xu^vas teje ařtynda o'miř. Pu ařun-böğa čoxuř hemmenene jořar.

Jařaqusyny Komba-ařun-bö, Jäzy-ařun-bö, P'endu-ařun-bö—puler pirinde o'miř. Ařty Komba ařun Xanzi zo^vřama vamiř. Väry piř jere jesse, asman tumu, pület tořy, joř ta'mi teřixur čipamiř. Teřux içinda qara kölexuř vumiř. Pu kölex tařni jařa o'miř. Ele'ku ařun-bö da tařni jařamiř. Jiti kun iřtinde teřuxni ařzynde pulet tořmiř. Ařun-bö kölexni quruğunden täxyř čyx keřmiř.

İNzi ařun-bönigi pu ka'č'any řar' kiřler, piser kiči te jařařer. Tosmiř

Перевод

В селении Комба прежде был тибетский монастырь. Поэтому и называли (букв. сказали) Комба.

[В Комба] основание нашему саларскому [населению] положила одна [саларская] семья, которая стригла головы тибетцам и резала ба-ранов. Эти люди пришли [сюда] из Полера. Вот эта семья, разра-стаясь, стала селением.

Вслед за этими предками появился ахун. Подражая этому ахуну, [все] сидели за ним (т. е. повторяли его движения). Теперь ничего не сохранилось, относящегося к этому ахуну.

Говорят, что Комба-ахун, Язы-ахун и Пенду-ахун сидели рядом. Затем Комба-ахун поехал совершать хадж. В одной местности небо потемнело, собрались тучи, потеряв дорогу, [ахун] свалился в пропасть (букв. отверстие). В пропасти оказалась черная корова. Она жила (букв. сидела) тем, что лизала камень. Ахун [тоже] лизал камень. На седьмой день над пропастью собрались тучи. Ахун вышел [из пропасти], держа за хвост коровы.

Этот рассказ ахуна старики да и мы, молодые, пересказываем. Конец.

ПОЭЗИЯ

ПЕСНИ

29. * ВОЗЬМУ-КА Я ТЕБЯ В ЖЕНЫ! (ЙИР)

(Чамо, мужч., 30 лет, род. в сел. Хозагач, крестьянин.
Записано в сел. Уллатыл 9 мая 1957 г.)

Текст

Sini ałgy-ju!
seni ałmasa,
göhuř joxař-ju.
Aja, minigi,
axuř emesken,
qaror emesken,
pořci jen'seili!
A-a-a řonseixu, jengo,
senuř pir a-jo, jengolirim o!

Перевод

Возьму-ка [я] тебя [в жены]!
Если не возьму тебя,
что же делать? (букв. дела нет).
О-о, моя,
и не беленькая,
и не черненькая,
цвета [спелой] пшеницы!
А-а-а, прекрасная молодушка,
ты одна, а-ё, из молодушек!

30. * ЕСЛИ Я НЕ ДУМАЮ О ТЕБЕ (ЙИР)

Текст

Men sumuřtamasa,
jisinař, y-ju.
Men piř sumuřtasa,
telli, ni, gönem tořta, ni, köleř.
Nařni jũlinta tořta, niř, tesa —

qaṛa sajiṇne jaṇtu tūkkāndān.
Kōčil kōmista, munc jūlinta ɬoṭṭa, ni, kōleṛ.
Aī ja minigi, jeṅkoliri mu!

Перевод

Если я не думаю [о тебе],
то душа [у нас] одна.
Если подумаю вдруг,
становлюсь безумным, душа моя в смятении.
Если спросят, отчего в смятении:
от твоих черных волос в прическе шанту.
[Мы] вместе росли. И от этого я в смятении.
Ай-я мои, вы молодушки!

31. * В ГОЛУБОМ НЕБЕ (ЙИР)

Текст

K'ōxur asmanne jūzinta
uṣkān aḫ quṣ vaṭasy iṣ ci čujunta
aṭtun koṇuṛa tep naṇur piṛ a-jo?
Iṣuni quzy, ɬori, ɬosempo, senur piṛ a-jo!
Qaṛa ziminne paṛyṇta
uṣkān qarṇa vaṭane iṣ ci zugunta
timor koṇra tep kemor piṛ a-jo?
Aṇkeḫnu oṭle, menur piṛ a-jo!

Перевод

В голубом небе
летающее дитя лебедя
с золотым колокольчиком — что [это]?
[Это] последняя дочь своей матери, ты одна!
По лону черной земли
летающий птенец ворона
с железным колокольчиком — кто [это]?
Бесшабашный парень — [это] я!

32. * НА ВЫСОКОЙ ГОРЕ ПЕСТРАЯ КУРОПАТКА ВОРКУЕТ (ЙИР)

Текст

Pixi taṭtigi aṭṭa kekelex zaṭṭaḫ zaṭṭači.
Anten jaxcūgur māji joḫaṛče.
Paṣe zūgunta mo'dān joḫmaṇ.
U piṛ tampaṛ — jo!
Āṣex čeldige quzyṭ kuṇku ne maṇraḫ maṇrače.
Anten jaxcūgur māji joḫaṛče.
Aṛzy zūgunta čišur joḫmaṇ.
U piṛ tampaṛ — jo!
Senur jeṅgoṭar kōga čyxkelse,
senten jaxcūgur māji joḫaṛči.

Paŋiŋ ačılmi, züjiŋ açıŋan,
ana Razagō, senur pir a-jo!

Перевод

На высокой горе пестрая куропатка воркует.
Красивее ее нет.
Макушка ее без веера (*букв.* кисточки).
Это изъян!
На низкой равнине красный петушок поет.
Красивее его нет.
Рот у него без зубов.
Это изъян!
Вы, молодушки, если выйдете за дверь,
красивее вас [никого] нет.
Волосы нечесаны, одежда в беспорядке,
девица Разаго — [это] ты!

33. * БУДУ-КА Я ТВОИМ! (*ЙИР*)

Текст

Men saŋa vuli'-ju!
İŋken sanzımnı
t'ō'tur tımzux!
çirama köje!
İŋken çükümne,
iŋken sanzımnı
iŋci çüguna
k'omıru çüjip!
Aı ja minigi, seŋ koŋ jeŋkom o!

Перевод

Буду-ка я твоим!
Чашку, из которой пью,
на четырехугольный
стол поставлю-ка!
Палочки, которыми ем,
чашку, из которой пью,
перевернув,
горкой (*букв.* мостиком) сложу-ка!
Ай-я, мои вы (*букв.* ты), пара молодушек!

34. * МЕЛЬНИЧНОГО КАМНЯ ВРАЩЕНИЕ (*ЙИР*)

Текст

Köskör termenne
jürgän jürişi
kostän koskoŋa.
İçi kogunta jeggex k'orguçç,
naŋur pir a-jo?

Qaṛa ziminne jarʸčix kegen
quzyɫ poɣtar-jo.
Aɪ ja minigi jeɣfa zellim o!
Seni aɣy-jo!
Seni aɫmasa, kohoɫ joɣar-jo!

Перевод

Очень круглого мельничного [камня]
вращение (*букв.* движущееся движение)
наикруглейшее.
Внутри — отверстие (*букв.* пустота), [все время] работает,
что это [такое]?
[Это] — черную землю пробив, явившаяся
красная пшеница.
Ай-я, [ты] моя единственная!
Возьму-ка [я] тебя [в жены]!
Если не возьму, что же делать (*букв.* дела нет)!

35. «ПЕЧЕНЬ» — ЗОВУТ ДЕВИЦУ ПАСУ (ЙИР)

Текст

Paɣuɫ — Paṣa-gɔ,
U'en — İra-gɔ,
Saɣsyɣ — Saṇa-gɔ.
Santux qoɣaqqan,
mɔxken toɫdurɣan,
siru zaɣɫaɣan.
İzuni q'zyz, senur piɫ a-jo!

Перевод

«Печень» — [зовут] девицу Пасу,
«Легкие» — [зовут] девицу Иру,
«Сорока» — [зовут] девицу Сану.
Опустошили ларь муки,
оставили [следы] в уборной,
как большие тарелки.
Дочь своей матери, ты одна, а-ё!

ПОЭЗИЯ

36. * В ПРОСТОРАХ ВЫСОКОГО НЕБА (ЙИР)

(Ма Ло-та, мужч., 62 лет, род. в сел. Ловэн, кузнец. Записано в сел. Эйше Ахвар 3 июля 1957 г.)

Текст

Pēxi asmanne sāmynṭa ūcken
 sāry seje tōven sāry pīr šōṅkoṭsa,
 u sāry seje qara sīminne jāry čīx kēgen
 qyzyṭ poṛdeden lski āryszyux
 koṭālār mu tef pīvur šōṅkoṭsa,
 u qyzyṭ boṛdē pašur čīxmīzux
 kū'li kuryra. U sāry seje
 jīmujic'etuṛ pēxi asmanne
 sāmūlirina jāny čyxpāy
 u sāry seje kohuṛ asmanne
 samolirinta pīvuṛ ilāngan aḫuṛ puṭuta
 u sāry seje jūzluxur itef
 u aḫur puṭut pefinjinige
 zimzim jāymuṛy pīr zemze kilēf
 u qyzyṭ boṛdy pašur' čyḫkilē^f,
 u sāry seje tōven sāryzyux
 pīr šaṅkuṭa^f lski āryszyux ko'ṭālār mu te^f_p
 inžige čyqqan munax vaṭaler
 kaṅur urāḫlēṛ uṛypakuṭzi.
 Tosmīf.

Перевод

В просторах высокого неба летящий
 желтый воробей, если спустится вниз,
 тот желтый воробей, пробившую черную землю
 красную пшеницу желая немного поклевать, ринется вниз,
 красная пшеница, не колосясь, на корню (бука. зеленея)
 завянет. И желтый воробей,
 в отчаянии на просторы высокого неба
 снова взлетев,
 тот желтый воробей, что на просторах голубого неба
 кружащемуся белому облаку

тот желтый воробей польстил,
и белое облако в пятом месяце
принесло каплю мелкого дождя,
и красная пшеница заколосилась,
{тогда} желтый воробей ринулся вниз,
желая немного поклевать {пшеницу},
но коварные парни,
стальными серпами срезав, [ее] унесли.
Конец.

ПРОЗА

СКАЗКИ

37. * СЛОВА — ПОМОЩНИКИ (ТОМБАХ)

(Хо Ша-пан, мужч., 28 лет, род. в сел. Эйше Ахвар, крестьянин.
Записано в сел. Эйше Ахвар 1 июля 1957 г.)

Текст

Oxta litum oγulur vumif. U hengune kifni ðjinda joγ o'mif. Vu helluř uf jüz çagnāmis. Çagnayı kiřmis ðjina. Hellisi z'üz'z'e k'a'ça ðrgenmē vāmis.

Kōny çuxpaγane piř posyr kormef. Ō jařagan ři: «Maγa ka'ça piř āxys ðrgēt-te vēř! Helli jipe koř veřil!» — temif. Piř k'a'ça «o't!» teger piř k'a'ça ðrgenmif.

Nene piřūnda kifuř kormif. Anda nene piř k'a'ça, «tiņne!» te piř k'a'ça ðrgenmif. Aγa heli piř jüz vūmis.

Anden vāre nene piřlīnta nene piř kifuř kormef. Anden «xēi!» etigen ka'çur ðrgenmif. Aγa jipei koř helli veřmis. İnzi jan'z'eleř kcimis. Nene kō çuxmis. Zāpuř uçīramif. İřkisy keři vule tēnte o'mef.

Kiřz'ux janřagan ře: «Mōren qyryγyndege tēnte o'tař!» — temef.

Ō jan'řagan ře: «O't tese, pēxi jūnte (<jerinte) o'quř!»

Pēxi jūvunta (<jerinta) o'mef. Etisyny taγ keřse, inzi ō iřkisy vāmis. Vāřz'eler kiřiz'uxnige ðjina pařta pāmis. Pařta pařz'eleř çelte řeř axtyrxu-çīγa řeřřagan ře: «Pu ðten ðlilux oza't jūrge! Oza't kiřgu ðne zyγ iřina çāγatūřol!»

Ō ořlelux apāmis. Aparsa, jořta kif piř xōpan kormif. Anta zoγyzařz'eleř «tiņne!» teger ka'ça kōnyγa kiřmis. İnzi k'a'çasyny tiņnez'eler o'mif.

İlgi kiřz'ux izynige ðsyny vaxmā jūrmef.

— Any řega çāγāmis o vāx-ta gēl! — ctemif.

Ōz'ux varsa, jořta ka'ça tiņnez'e ō't pařař. O'qu aγa řormef: «Sen tāry munda ōt'yř!» — temif. Etigu ōz'ux janřagan ři: «K'a'çane tiņnese, tiņnē-de ūjina çuxařař!» — temif.

Etigu izynige ðsy çele vāmis.

Vāγane jir axtyrūçi izynige ðsyny zyγ iřina çāγaqumis. Acy pu ō vāmis. İnzi řeř axtyrūçi jāna ře'mef.

Je'tz'eleř kiřz'ux kiřmef. Kūřgu řormef jir axtorūçiγa: pu ðny nege çāγamaři? — temif.

Jiraxturūçi jan'řagan ři: «Ōny çāγaři!» — temif.

— Çāγasa, ō puγařari? — temif.

— Ezyg janšagan ji — ilina kem jeci keŭse, ani čaŭa! — teiži.

Etigu pu ō jašagan ši (örgengen ka'ča könyňa keimiŭ): «Kiŭa ɣeŭ e'ken teŭŭke iŭy (izyŭ) ʒ'äpamiŭ!» Tosʒ'i.

Перевод

Давным-давно был [один] юноша-сирота. [Он] работал у чужих [людей] батраком. [Юноша] заработал три сотни денег и вернулся домой. [Затем он решил] пойти учить слова.

Выйдя из дому (*букв.* за дверь), [юноша] увидел одного старика. Юноша сказал: «Выучи меня несколькими словами! Дам тебе сотню денег!» [Юноша] выучил слово «сядь!»

Где-то [он] увидел человека. Там [юноша] выучил слово «слушай!» И этому [человеку он] дал сотню денег.

Пойдя дальше, [юноша] увидел еще одного человека. От него [он] выучил слово «мучай!» И ему дал сотню денег.

Затем [юноша] вернулся [домой]. Снова [куда-то] отправился (*букв.* вышел из дверей). [По дороге юноша] встретил спутника. Наступил вечер, и они [решили] остановиться в гостинице.

Спутник сказал: «Остановимся в гостинице, что на берегу реки!»

Юноша сказал: «Если уж останавливаться, [то] остановимся там, где высоко!»

[Они] остановились там, где высоко.

Утром, на рассвете, оба пошли [дальше]. [Они] направились домой к спутнику. В пути [спутник] сказал пахарю на пашне: «Пошли этого юношу за обедом! Как вернется, брось его в колодезь!»

Юноша нес обед. В пути [он] увидел толпу людей. Как только [люди] сели, [юноша] вспомнил слово «слушай!» [Все стали] слушать его слово.

Упомянутый (*букв.* прежний) человек (*т. е.* спутник) отправился посмотреть своего сына.

— Ступай посмотри, бросили [или нет] юношу в колодезь! — сказал [он своему сыну].

Юноша пошел, а на дороге [люди] сидят и слушают речь. Когда и [он] сел, ему сказали: «Посиди здесь и ты!» Юноша сказал: «Если уж слушать речь, то [надо] слушать до конца, [но мне некогда]!»

Итак, сын того человека пошел на пашню. Там пахарь бросил [его] в колодезь. Затем пошел [на пашню] тот юноша. Пришел к пахарю. Тут же явился и его [прежний] спутник.

[Спутник юноши] спросил пахаря: «Почему [ты] не бросил [в колодезь] этого юношу?»

— Юношу бросил! — ответил [пахарь].

— Коли бросил, то что за юноша этот? — спросил [спутник].

— Ты сам сказал: «Тот, кто придет раньше, того и брось!» — ответил [пахарь].

Тогда юноша сказал (припомнил выученное им слово): «Тот, кто сделал плохо человеку, сам провалился в пропасть!» Конец.

(Хо Ша-пан, мужч., 28 лет, род. в сел. Эйше Ахвар, крестьянин.
Записано в сел. Эйше Ахвар 2 июля 1957 г.)

Текст

Ox̣ta p̄ir pos̄ýr ma ninuṣuṛ vumeṣ. Aḡa oṛ vāraṛ. Ācy iḡasy ūlmēṣ. Acy apasy uhiḡōṛ (<uhi iḡēṛ) almeṣ.

P̄ir̄kunoṛ apasy kō čyx̄mēṣ. Čiqqany ugi iḡa oḡa ač̄is̄mameṣ. E^xmex veṛse, izyny oṣyna aḡun e^xmexz̄'ux vēⁱmēṣ. Vu litym oḡa k'o'gun cmez̄'ux vēⁱmēṣ. Pekyryx̄ ici peṛse, oḡ'uxke taṭ vaṣindege tūxil kēgen māmyxny joḡna peīmēṣ. Izynige oṣyna č̄iḡ mamuxne joḡnameṣ. Lēme veṛse, oḡ'uxke sanzyny o't qyryynda x̄aṭṭaz̄'eler lēme s'ū^(t) peīmēṣ. Oḡ'ux uḡina aḡana senzyny čaḡa jūrm̄iṣ. Hengune eligi soṭaḡu oḡ'ux jyḡyṭaz̄'ux o'm̄iṣ.

P̄ir̄ kun apasy kō čyxy jaḡ kiīm̄iṣ. Iḡzi iḡasy apasy na totyx čē'm̄iṣ:

— Senigi oḡ sanzyny sunduṛe e^xmex jeje kurl̄any ocyr̄a!

Etigu apasy oḡ'uxne peḡḡerler p̄ir̄ Ṣoṭ̄am̄iṣ. Soṭ̄asa, paḡṭaḡy iṣke tumbu vu p̄am̄iṣ. Iḡindegi taṭden tōx̄ul kēgen māmuḡu jōkō čyxkeimeṣ. Cix keḡgu apasy oḡ'uxka učiṛe p̄ir̄ jyḡyṭam̄iṣ.

Iḡzi apasy, oḡ'ux, iḡkysy, o'qanynda lēme ičmeṣ. Iḡasy oḡ'uxnige zanzysny o'ta qyzyt̄z̄'eler̄ akiīm̄iṣ. Oḡ'ux uḡina aḡanda zanzysny čaḡa jūrm̄iṣ.

Čaḡa jūrgine iḡasy apasy na vāxy: «Senigi oḡ sanzyny peligi sundyṛyṛ!» — etigu. Oḡ'ux apasy na vāxy: «Zanzyny sen p̄ir̄ z̄'ūt-ta vāx̄!» — tēm̄iṣ.

Apasy p̄ir̄ vāxsa, zanz̄y qyzyṛaṛaṛ. Qyzaḡu apasy varz̄'eler̄ zanzyny iḡasynige uḡina qoṭ̄ peīmēṣ. Qoṭ̄ piḡu iḡasy ta zanzyny čaḡa jūrm̄eṣ. Čaḡa jūrgū apasy iḡasynē čōiḡ'eler̄ oṣyny paṣṭa kō čyxmyṣ. Tosz̄'i.

Перевод

Давным-давно были старик и старуха. У них [был] сын. Мать его умерла, и отец женился на другой.

Однажды отец куда-то уехал. Как только [он] уехал, мачеха [совсем] перестала заботиться о юноше. Когда [она] раздавала хлеб, [то] своему [родному] сыну давала хлеб из белой муки, а неродному сыну давала хлеб из серой (букв. синей) муки (т. е. отрубей). Если [она] шила одежду, [то неродному] сыну делала ватник из пуха, что роняет тополь. Родному сыну [она] делала ватник из настоящей ваты. Если [она] раздавала пищу, [то неродному] сыну наеживала [еду] в чашку, которую накаливала на краю очага (букв. огня). Взяв чашку в руки, юноша бросал ее [на землю]. Ежедневно так страдая, юноша жил (букв. сидел) в слезах.

Однажды отец вернулся [домой]. Мать наговорила отцу на сына:

— Твой сын, разбив чашку, сидит и, согнувшись, ест хлеб!

За это отец поколотил юношу палкой. От этого куртка его разорвалась на две половинки и из нее вылез весь пух, что осыпался с дерева. Отец взглянул на сына и вдруг заплакал.

Однажды отец и сын, сидя на кане, обедали. Мать, накалив на огне, принесла чашку сына. Юноша взял [чашку] в руки и [тут же] бросил ее.

Мать, взглянув на отца, сказала: «Твой сын вот так разбивает чашки!» Сын, взглянув на отца, промолвил: «Потрогай-ка чашку!»

Отец взял чашку и [убедился], что она накалена. Отец сунул чашку в руки матери. Мать [тут же] выронила ее из рук. После этого отец бросил эту женщину и, взяв сына, ушел [из дому]. Конец.

(По словам рассказчика, китайская сказка, которую он слышал

от стариков-саларов в Эйше Ахваре)

(Хо Ша-пан, мужч., 28 лет, род. в сел. Эйше Ахвар, крестьянин.
Записано в сел. Эйше Ахвар 2 июля 1957 г.)*Текст*

Oxta pīr. peguīr vumēf. Pīr taɣda poxoīr vumēf.

Pīr kunoīr poxoīrta jaxʃi kaɫɫaguči Jikuntoīr vumēf. Vu pegnigi kōsyna kilz'ēleīr: «Jaxʃi kaɫɫasa, jēmen kēmes, jēmen kaɫɫasa, jaxʃi kēmes!» — te syqyrāmīf.

Peg čyx kilz'ēleīr aqa sormīf: «Sen naɣ syqyrapaīr?» — temīf.

Etīgu jikanto: «Izy jaxʃi kaɫɫasa, jēmen kēmes, jēmen kaɫɫasa, jaxʃi kēmes te syqyrapor!» — temīf.

Etīgu peg jašagan šī: «Men saɣa jaxʃi kaɫɫaɣy!»

Peg sorma pīr pinzy ifina tōjeny qāry u kīfa jikontoɣa usa'mīf. Peg kōnynta sumurɫagan fe: «Izynden pēxisuīr joxaīr. Men jikontoɣa xyjuīr c'kī, izyɣa jaxʃi keler mu, kēmuīr? — vaxqý-pe!»

Jikonto sorma pinzene z'üz'z'ēler loɫɫaz'ēnē vāmīf. Varz'ēleīr sorma pinzyne tāmyndaɣ'ux āsmīf. Āt'ygunc pegnige ōsy zīɣa kīf jirtyqqa vāmīf. Asman pōɣynaɣ kī'mīf. Kaɣz'ēleīr poxoīre vāmīf. Vāɣu jukunto: «Maɣa hemememuīr joxtur!» — temīf, — peg oza'qan sorma pīr pinzy vāīr. Muny seleīr iɣ!» — ete xōtaīr pi'mīf.

Xotaīrgane pegnige ōsy içmes. Iɣkīne pegnige ōsy ūlmes. Ūlgīne zapɣɫary jikontony paɣɫamīf. Paɣɫaɣy jikonto jašagan šī: «Izyɣa mune peg uza'qanydyr, izy mune pīlmes. Izy jaxʃi kaɫɫagučityīr. Sorma iɣkuči emestyīr!»

Etīgu z'üz'z'ēler pegnige jāna apāmīf. Apaɣu pekke sormīf. Peg janšagan šī: «Čīndyr!» — temīf, — izy muɣa jemen kaɫɫazi, izyɣa jaxʃi kēmitzi!» Tosz'i.

Перевод

Давным-давно был один князь. На одной горе был даосский монастырь.

Однажды в монастыре находился добродетельный даос. Подойдя к дверям князя, [он] закричал: «[Кто] хорошо поступает, [тот] плохого не испытает (*букв.* плохое не придет)! [Кто] плохо поступает, [тот] хорошего не испытает (*букв.* хорошее не придет)!»

Князь вышел и спросил: «Ты что кричишь?»

Даос ответил: «Я кричу: если ты хорошо поступаешь, [то] плохого не испытаешь (*букв.* плохое не придет), если плохо поступаешь, [то] хорошего не испытаешь (*букв.* хорошее не придет)!»

Князь сказал: «Я хорошо поступлю с тобой!»

В бутылку с сормой он добавил яду и протянул ее даосу. Князь подумал: «Выше меня [никого] нет. Сделаю-ка я плохое даосу и посмотрю, хорошо мне будет [от этого] или плохо».

Даос взял бутылку сормы и, радуясь, ушел. У себя [он] бутылку сормы повесил на стену. На следующий день сын князя и [еще] несколько человек пошли на охоту. Загремел гром. [Сын князя и его люди] бежали в монастырь. Даос сказал [им]: «У меня ничего нет. Есть [только] бутылка сормы, что подарил [мне] князь. Выпейте ее!» Так говоря, [даос] налил [всем] сормы.

Сын князя выпил и умер. Его товарищи связали даоса. Даос ска-

зал: «Это (т. е. сорму) подарил мне князь, я ничего не знаю! Я добродетельный [человек], а не любитель сормы!»

[Даоса] повели к князю. Спросили [обо всем] князя. Князь сказал: «Истинно! Я сделал ему плохое, и сам хорошего не испытал (букв. хорошее не пришло)!» Конец.

40. * СТАРУХА И НИЩИЙ (ТОМБАХ)

(Рамазан-по, мужч., 95 лет, род. в сел. Эйше Ахвар, крестьянин.
Записано в сел. Эйше Ахвар 30 июня 1957 г.)

Текст

Oxałda nene pır kōho ninusur vumıf. Ağa efku pef vumıf. Volzı ma uγru uf kiſi vařař.

İzynygi tağjasy: «Ē, nina, pu geze efkuny uγryma kegar! — temıf, — uγrymā kēsa, sen setoņny tūt-ta kōŋ artynda òt-ta řǎ! Pıř kıgu sētula pır ċit-ta oltērtuγu! Nene pıř kelse, nene ċit-ta oltērtuγu! Nene pıř kelse, any da ċit-ta oltērtuγu!»

İnze ninusur sumurłamıf: «E-ef, kiſur uf kiſni ulterz'anā neçux e'kur?» — eltemıf. Arcy oje emex keleguçi kēmiſ.

Ninusy jařamef: «Men kiſur ulterzı, se any çarà-ty gē! Men sağa c'mex viigi!»

İnzi u k'o't çuxpařanā nene pırne andaž'ux qoımiſ. U çara kigile: «Nene pırne k'o't-te vār!» — temıf. K'ote paržile çara klimiſ. U nene pırne jūān ornynnda qoımiſ. Nino jařamıf: «Sen çara keımimiſ-pa!»

Artyryny k'o'tpar pıxiž'ux qajaten çara jürmiſ. Z'ūjin da kiſur çarłta puřunaž'ile xorğa qafmiſ. Qařkane k'o'kuçi kormıf.

— Ja, k'òt çarařan kiſi qafvapā. İnzi me k'o'mās, emex te kelemes, seni te k'o'mes!

Tosmiſ.

Перевод

Давным-давно была одна старуха-вдова. У нее было пять козлов. Также [были] три вора.

[Однажды] родные сказали [старухе]: «Эй, бабушка, в эту ночь придут воровать козлов. Возьми большой нож и спрячься за каном! Кто придет, руби того и убей! Еще придет кто-то, снова руби и убей! Еще кто-то придет, и того руби и убей!»

Вот старуха и задумалась: «Э-эх, убив трех людей, как же быть?»

Пришел [один] нищий (букв. просящий хлеб).

Старуха сказала: «Я человека убила. Выбрось его! Я тебе хлеба дам!»

Как только нищий вынес [человека], [старуха] положила на его место (букв. туда же) еще одного. Когда [нищий] пришел, старуха сказала: «Унеси еще одного!» Нищий вынес и бросил [человека]. [Старуха] положила в то же самое место еще одного [человека]. Старуха сказала: «Ты [этого] еще не бросил!»

[Нищий] унес последнего и бросил его с высокой скалы. Внизу [некий] человек был занят своим делом. [Он] испугался и побежал. Нищий увидел, что кто-то бежит.

— О-о, человек, которого [я] вынес и бросил, бежит. Больше не буду таскать, и хлеба не хочу и тебя не понесу! [— сказал нищий]. Конец.

41. * О ГЛУПЦЕ (ТОМБАХ)

(Рамазан-по, мужч., 95 лет, род. в сел. Эйше Ахвар, крестьянин.
Записано в сел. Эйше Ахвар 30 июня 1957 г.)

Текст

Oxalda pir bosyr vumija. Piř ninusur vumiř. Vulz'ana o toymij. O toymisa, keifona peg janyňa poľyma vamiř. Poľyma varzi ma tajuja: «Meni kinyň o toymzi. Saga peisin k'oflenzi!»

Kun's'i el tici ma peg jafazi: «Kuavzy-kuavzy!» — demiř. Poľyma vařu-či izy örmex kuavzur kiřpoř.

inzi peg permayň jitiřamij o kizuxka: «Kuavzy-kuavzy!» — temiř.

El tegile kiz'ux qajmiř. Kiiny sormij: «Kozon nege kelzi?» — temiř.

— Pu peg pannexun: mi kuavzumu neřxyjit'para. Ele'ku me qajzi'i. Tosmiř.

Перевод

Давным-давно были некие старик и старуха. [У них] родился сын. После рождения сына [отец] отправился в город к князю с докладом. [Он] сказал сановнику: «Моя жена родила сына. Твой народ увеличился!»

Князь сказал: «Куавзы! Куавзы. (Дурак! Дурак!)» А тот, кто сделал доклад, одет в суконный куавзы (жилет).

Князь показал пальцем и [снова] сказал [тому] человеку: «Куавзы Куавзы!»

Человек убежал. Жена спросила [его]: «Почему [так] скоро явился?»

— Этот князь полоумный: завидует моему жилету, потому я и убежал! [— ответил муж]. Конец.

42 * СЛЕПОЙ И АХУН (ТОМБАХ)

(Рамазан-по, мужч., 95 лет, род. в сел. Эйше Ахвар, крестьянин.
Записано в сел. Эйше Ахвар 30 июня 1957 г.)

Текст

Oxalda ozenda maľ k'o'kuji aľty kiři varara. Aľty kiři voľzi ma aľinda kory pir kiři vumeř. Korzi'ux jyyľameř. Jyyľazi ma axunur vory sormij: «Nege jyyľapor-ja?» — temiř.

— Vu paľaľar eligi oinařpora, me kormyr, ele'ku jyyľapor!

El tegu vu axunzi'ux Xudadan dua qyľmiř.

— E-e, piř Xuda-jo, muni kozu pir aľiľy! Pu tiriľa!

Ele'kiľa vu kiřnigi kozu řasken aľiľmiř. Aľiľane vu kory řelte taľyľo sořuř keľmiř. Pu paľaľarny tõiřmiř, neřkisin' ultermij. Ele'kiľa vu axunzi'ux Xudadan dua qyľmiř.

— E-e, Xuda-jo, puny kozyny nene piř tyxtuřu, řaramařar! — temiř.

Перевод

Давным-давно [были] шесть человек пастухов. Из них один был слепой. [Однажды] слепой заплакал. Ахун, подойдя [к нему], спросил: «Почему плачешь, а?»

— Ребята так [интересно] играют, а я не вижу, потому и плачу [— ответил слепой].

Ахун помолился богу.

— О единый бог, да откроются глаза у того [человека]! Да сойдет он с ума! [— сказал ахун].

Тот человек тут же стал видеть (*букв.* глаза его мгновенно открылись). Бывший слепец выдернул на пашне саженец дерева, избил ребят и всех убил. После этого тот ахун [снова] помолился богу.

— О бог, ослепи опять того [человека] (*букв.* выколи его глаза) [Он никуда] не годится! [— сказал ахун]. Конец.

43. * НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ И СПРАВЕДЛИВЫЙ КНЯЗЬ (ТОМБАХ)

(Хо Ша-пан, мужч., 28 лет, род. в сел. Эйше Ахвар, крестьянин.

Записано в сел. Эйше Ахвар 1 июля 1957 г.)

Текст

Oxta par kişuř, jox kişuř vumiş. Par kişa atuř vumiş. Jox kişa enexoř vumiş. İşkysy hengune pirinde k'o'miş.

Jox kişnige inige puzořamiş. Puzořu pař kişi izyny ati puzořazi etiz'e jox kişa veimimiş.

Jox kişi her kune pegnige janynde čögüşmeş. Pař kişi pekke helli čařamiş. İnzi pař kişnige k'a'časyny jařamiş. Puzony pař kişa tořa peimiş. Jox kişi fař^y joxqan o'miş. Arcy pegni alişmiş. Alişqu nene pegni jana (// jany-na) čöxuşme vameş.

Vařu inzi pař kişni čařameş. Čařu peg jařagan' ši: «Pu kōlexne kem puzořazi?» — temiş.

Pař kişi jařagan ši: «İzynige ati puzořazi!» — temiş.

Etigu peg: «Er kişi heřzy keler o?» — temiş.

Pař kişi: «Er kişi heřzy kemes!» — etemiş.

— Etigu inzi er kişi heřzy kemese, pu puzony a't qotořlamařar-pe! Jox kişnigi inige puzořane iřař! — Tez'e jox kişa puzony pařa peimiş. Tosz'i.

Перевод

Давным-давно были богатый и бедный. У богатого была кобыла. У бедного — корова. Оба они каждый день пасли [их] вместе.

Корова бедняка отелилась. Когда [корова] принесла теленка, богатый сказал: «[Это] моя кобыла родила (*букв.* отелилась)!» — и не отдал теленка бедному.

Бедняк каждый день жаловался князю. Богатый дал князю денег, и тот [начал] поддерживать (*букв.* говорить слова) богатого. Теленка [он] присудил богатому. Бедный ничего не мог поделаться. Вместо того князя прислали другого. [Бедный] снова пошел жаловаться (*букв.* преклонять колена) князю. Князь пригласил и богатого. Князь спросил: «Кто родил (*букв.* отелил) эту корову?»

Богатый ответил: «Моя кобыла родила (*букв.* отелилась)!»

Князь спросил: «Мужчины похожи на женщин?»

Богатый ответил: «Мужчины не похожи на женщин!»

— Ну, раз мужчины не похожи на женщин, [то] и этого теленка кобыла не может родить. Его родила корова бедняка!» — [сказал князь].

[Он] отдал бедняку теленка. Конец.

(Хо Ша-пан, мужч., 28 лет, род. в сел. Эйше Ахвар, крестьянин.
Записано в сел. Эйше Ахвар 1 июля 1957 г.)

Текст

Oxta pīf kiſi vuməſ. Ağa oſ vuməſ. Ağa ūgi iſa vaſa. Ōsyna ačīſma-miſ. Ačīſmu(ſ) ōsyny ūhreməſ.

— Sen taſ.ne iſ e'mē vāmú(ſ)! — ete uhrigu (tana) ōz'ux vāmeſ.

Vāre taſinta pīf jī kēməm.ſ. Helli jipe koī čaġna keīmeſ. Inzi kōsyna jaŋkiimiſ. Kōsyna peīaġ taſuſ vāfaſ. Pāſinta tūli oġa qoīpaſaſ. Ōz'ux pā-ſina čyxpāre hellisini oġata čōī keīmiſ. Čōī kilz'eleſ ōjina kiri pāmiſ. Inzi kīrpaſez'eleſ iſasyna: «Helli čaġna kemizi!» — temiſ.

Etigu iſasy uhrimeſ. Uhrigu ōz'ux jyſyſa-jyſyſa hellisini aſmā keīmiſ. Keīſe, hellisi joxaſ. Inzi taſ jūjinta jyſyſa o'miſ. O'ku peg kiliz'eler oġa sormiſ: «Sen nēgē jyſyſapoſ?» — temiſ.

Etigu avu jyſagane ſi: «Izynige hellisini pu taſ pāſinda čōīparz'e. Čōī-parsa, hellim joxaſ!»

Inzi peg: «Helligne taſa k'ōlato?» — etemiſ.

Ō: «Kōlamaſi!» — temiſ.

Peg vārz'ileſ miſusun'e čaſa kiīmeſ. Taſa sorməſ: «Ōnige hellisin'e kem harze?»

Taſ jeſamamiſ. Jeſamaſy tāline teīmiſ.

Teīse te, jeīſamim.ſ.

— Jeīſamaſy tālne pāfuġ iſinta pəx'lē-de hēll — temiſ.

Synjērleſ tālne paſtām.ſ. Paſtaſē senjyrne pāfoġ iſinte čōī kiīmiſ.

Čōī kiīgu tālden koſ jaſ'ax z'ikeīmiſ. Z'i keīgu inzi pu jaſfaxne peg fyn'se e'miſ.

E'ku peg jaſfameſ: «Pu tiſante ſaġſaġ tēgen ātuſ varo?» — temiſ.

Ācy: «Qoī k'o'kujuſnige āt'iny ſoġ ſoġ čaſyſ!» — temiſ. Ane čaſa keī-miſ.

Ağa sorməſ: «Pu ōnigi hellisini sen aparto?» — temiſ.

— Aparzi! Izy qoī aranda kōmu kelzi! — temiſ.

Etigu hellisini a'keīmiſ. A'kilz'eler oġa paſta pīmiſ. Toſz'i.

Перевод

Давным-давно был один человек. У него был сын. Мать у сына — неродная. [Она] не заботилась [о] своем сыне. [Часто] его бранила.

— Ты не ходишь трудиться! — так попрекала [она его].

[И вот] сын уехал. [Его] не было (*букв.* не приезжал) целый (*букв.* один) год. Заработав сотню денег, [он] вернулся. Подошел к дверям [своего дома]. А у дверей растет береза. На ее вершине коршун гнездо себе вьет. Юноша взобрался на дерево и положил свои деньги в гнездо [коршуна]. Потом [он] вошел в дом и сказал своей матери: «Я не заработал денег!»

Мать [снова] побранила его. Плача, юноша отправился доставать свои деньги [из гнезда]. Денег [там] не оказалось. Заливаясь слезами, [юноша] сел под деревом. Проходил [мимо] князь, и [он] спросил юношу: «Почему ты плачешь?»

Юноша ответил: «Я положил свои деньги на верхушке этого дерева. А денег [там теперь] не оказалось!»

Князь спросил: «А у дерева [ты про] деньги спрашивал?»

Юноша ответил: «Не спрашивал!»

Князь вызвал своего секретаря. [Тот] спросил у дерева: «Кто унес деньги юноши?» Дерево не ответило. Секретарь побил дерево. Дерево не сказало [ни слова].

— А, не говоришь! [Тогда] посадите в тюрьму это дерево! — приказал секретарь].

Дерево обвязали цепью. [Конец] цепи отнесли в тюрьму. Вернулись обратно, и [тогда] с дерева упали два (букв. пара) листочка. Князь взял их в руки и задумался.

— В этой местности есть [человек] по имени Шан Шан (т. е. Паря)? — спросил он].

— Шан Шан — имя пастуха овец! — [ответили ему]. Привели пастуха.

[Князь] спросил у него: «Ты унес деньги этого юноши?»

— [Я] унес! Зарыл [их] в овечьем хлеву! — [ответил пастух овец].

[Вскоре он] принес деньги и отдал [их] юноше. Конец.

45. * ТОРЖЕСТВО СПРАВЕДЛИВОСТИ (ТОМБАХ)

(Хо Ша-пан, мужч., 28 лет, род. в сел. Эйше Ахвар, крестьянин.
Записано в сел. Эйше Ахвар 2 июля 1957 г.)

Текст

Oxta pīr pōsyr ma ninusur vumef.

Aḡa oṛ vumef. Ōsy heggune čūčoṛa oxumā vāmeṣ. Varsa, joṭta aḡsax paṛor kormef. Korgu ōz'ux aḡaṛyne paṛtaḡ'éleṛ čotṭog iṣinta qoimeṣ. Inzi heggune eḡmex jārymyny aḡa viīpāmeṣ. Pīr kun ōz'uxnige čyṛy joḡqan voṭa-voṭa vāmeṣ.

Vāṛu apasy iḡasyn euhremef: «Sen oṛa eḡmex veruxar!» — te uheremif. Uḡrigu iḡasy janṣagan ṣi: «Ōṛa koməṣuṛ pīr ma jārymten viīpor!» — temif.

Etigu āt'ykune apasy ōz'uxnige ātyna faḡneḡ'éler vāmif. Varsa, ōz'ux eḡmegine paṛaṛa ve'imif. Paṛaṛa vəḡine paṛa kiṣ kāmāsuṛ vumef. Inzi apasy xorṛaḡ'éleṛ ojyna jaḡkiīmef. Iḡasyna vāxy: «Ōny ultergu kelegar. Paṛa ōny jigar. Jigu iny ta jimē kegar!» — temif.

Keṣluguna o ṣōṣūten jaḡkiīmif. Jaḡkiḡu paṛa ōny čaṭamif.

— Sen oḡyṇa vāquma! Sen āpaḡ ultergar! Izyrige ka'časyny tiḡnese, izyrige paṛtaṛyne pīr sovaṭa iṣinden pōzi pīr qoṣ čyxkeler. Munny z'ūt-ta sen joṭta neḡ korsa, aḡa pīr tex. Tekkānā u türel geler. Kiṣi ulixka tekuma! Ki ṣiḡyṇe xēṭar!

Etigu ōz'ux: «İrar!» — etimif. Ōz'ux pōzyny z'üz'z'éler kō čyxmeṣ.

Pīr zyī jūrse, jilān uluxuṛ kormef. Aḡa pīr tegmeṣ. Jilānz'ux türelmeṣ. Anden nene pīr zē jūrse, iṣt ōluxuṛ kormef. Aḡa pīr tegmeṣ. Iṣz'ux türelmeṣ. Nene kemur kormef. Keməz'uxke pīr tegmeṣ. Keməz'ux türelmeṣ. Anden zōvānur kormef. Aḡa pīr tegmeṣ. Zōvānz'ux türelmeṣ. Anden nene pīr zē jūrse, kiṣ ōlexur kormef.

Koḡu: «Pu kiṣiz'uxke pīr tegz'é-da vaxāṭ!» — temif. Pu kiṣiz'ux türel keimif. Türel kelz'e ōz'uxka tāxytmeṣ: «Sen naḡ kiṣter?» — dəimif. Ōz'ux: «Kō čyxqučityr! — temif, — inzi iṣkysy aṛyṭne tanyṣaṭ!» — dəimif. «İrar!» — tez'é jürmeṣ.

Jüre-jüre ōz'ux pōzysyne kiṣz'uxke jaṣamif. Jeṣago poḡzysyny kiṣz'ux: «Izy z'ūko!» — temif. Ōz'ux «ja!» tez'éler ve'imif.

Pīr aḡyṭuṛ jeṭi pāmif. Ōz'ux: «Su iṣkur!» — temif. Etigu kiṣz'ux: «Syḡ iṣina ōmexlən-de iṣ. Men aḡaṛyḡden tā'qa!» — demif.

Özux pele ifkenta pîr ift'êler zyğ ifine çaya jürmiş. Çirz'êler kiş'ux vâmîş. Âty su tamaŷuêur kêîmesî.

Anigî su ta'qan laŷasy ifina tãxyli çixkeîmiş. Çyx kilz'êler ôz'ux kilz'uxne ifte pâmiş. Pîr zyî jürse, kiş'uxne kormesî. Korgu kiş'ux ôz'uxne pîr şo'laŷ'êler moŷqoŷyx jasamîş. Tõ.yx zûjina komz'êler vâmîş.

Vaŷu iftur kêîmesî. Jukuru kişnigî jãnyna vãry furmesî. Furyŷo kişlãr: «Pu ifz'ux nege furpa?» — temesî. Ifz'ux jukure ili ôz'uxne kômgen jûne (<jirine) kêîmesî. Ajaŷýler tõtãmiş. Tõtãŷu kişlãr any tõtãmiş. Tõtasa, ôz'ux çyxkeîmiş.

Înzi ôz'ux nene kiş'uxne ifte pâmiş. Kiş'ux pegnige jãna vãry põzy-syne pekke veîmesî. Veîgu pek âne oŷul e'mesî.

Pu ô aŷa varz'êler kiş'uxne korgu. Kiş'ux pekke jeŷez'êler ôz'uxne pexlemîş.

Pexligu keme, jilãn, z'üvin — çosy õnyge jãna varz'êler: «Sen pêligi taŷ şuilaganyny pişer pilmizi. Pişer saŷa niŷ po'laŷy?» — temîş.

Keme janŷaŷan şî: «Izy pegnige jaŷ e'megine taş'kiğel!» — temîş.

Jilãn janŷagany: Izy pegnige anasyny tyŷna kiğil!» — temîş.

Z'üvin janŷagan şî: «Izy saŷa ka'ça taşyŷy!» — temîş.

Înzi jilãn varz'êler pegnigî anasyny tyŷna kêîmesî. Kiğû pegnige anasyny hemme pâxymjî vaŷ vômamîş. Vômãŷu peg tama piştex jaŷmîş: «Izy-nigî anasyne kem vaŷ voŷtyrse, anasyny keîny viğur!» — temîş.

Etigu z'üjin varz'êler piştigini tãtã kêîmesî.

Tãtã kiğû peg: «Muny kem tãtãmiş?» — temesî.

Ôz'ux: «Izy tãtãzi!» — tem ş.

Etigu ôz'uxne pexlegen jünten çixar kêîmesî. Çyxar kelz'êler ôz'ux peg-nigî anasyne aŷyryŷyne vaŷmîş. Vaŷ vuŷu anasyny ôŷa kiîny vi'mîş.

Veîgu ô anaŷa vaŷ: «Izyga nenşinur vãr!» — temîş.

Vãr tese, ana: «Izyga jan'şal!» — temîş.

Etigu ô anaŷa vãxy janŷamîş: «Izynige po'zi pîr qoşny ilé oŷul e'kuşî izynden xeîle parzi. Izy neçe-neçe izi akêgen po'zityr!»

Ete jan'şayû anaŷ'ux apasyna janŷamîş. Janŷayû apasy ili oŷul e'ken ôz'ux, pu ôz'ux, ifkysyne jãna çãlameş. Çãlaŷ'êler ôz'ux ifkysyna sormesî. So'sa, ôz'ux: «Izynigiter!» — temîş. Kiş'ux ili oŷul e'kuçi: «Vu izynigiter!» — temîş.

Etigu peg janŷamîş: «Izy po'zini şirayã qoŷyŷy! Ifkysynigî aŷyğden çã-laŷy! Po'zi kemnige voŷsa, kem jãna varaŷ!» — temîş.

Îli kiş'uxne çãlameş. Po'zi vãmameş.

Âcy ôz'uxne çãlameş. Çãlaŷu ôz'uxn'ge qoŷnina po'zi sekere pâmiş.

Pãŷu peg janŷagan şî: «Ôz'uxnigaŷ!» Îli oŷul e'kuçini: «Sen kişni xyi-laŷuŷar!» — tez'e pexlemîş. Toşz'i.

Перевод

Давным-давно были старик и старуха. У них был сын. Он каждый день ходил в школу учиться. [Однажды он] увидел на дороге хромую лягушку. Юноша связал [лягушке] лапы и поместил ее в пруд [во дворе]. Каждый день [юноша] отдавал половину своего хлеба лягушке. День [ото дня юноша худел], и лицо его осунулось.

— Ты не даешь хлеба сыну! — упрекнул отец мать [юноши].

Мать ответила: «Я даю сыну [по] полторы лепешки!»

На следующий день отец пошел посмотреть, что делает сын. Юноша дал лягушке хлеба. Лягушка приняла образ человека. Отец, испу-

ганный, вернулся домой. Взглянув на мать [юноши], [он] сказал: «Сына надо убить! Лягушка его съест. Потом [лягушка] придет и нас съест!»

Вечером юноша вернулся из школы. Как только [он] пришел, его позвала лягушка.

— Не ходи домой, отец тебя убьет! Если [хочешь] меня слушать, [то] погладь мое горло, оттуда появится пара драгоценностей. Возьми их и, что увидишь на дороге, прикоснись [ими]. То, к чему [ты] прикоснешься, оживет. [Только] к мертвецу не прикасайся — он сделает тебе плохо! [— сказала лягушка].

Юноша сказал: «Ладно!» Схватив драгоценности, он вышел из дому (*букв.* из дверей).

Пройдя немного, юноша увидел мертвую змею. Коснулся ее. Змея ожила. [Юноша] прошел еще немного и увидел мертвую собаку. Коснулся и ее. Собака ожила. [Потом юноша] увидел [мертвую] мышь. Прикоснулся к ней. Мышь ожила. [Затем юноша] увидел [мертвую] пчелу. Прикоснулся к ней. Пчела ожила. [Юноша] прошел еще немного и увидел мертвого человека.

— Попробую-ка прикоснуться к нему! — решил (*букв.* сказал) [юноша]. Человек ожил и вцепился в юношу.

— Что ты за человек? — спросил [оживший человек юношу].

— Я странник, — ответил юноша, — давай будем друзьями!

[Человек] сказал: «Ладно!» — и двинулся в путь.

Когда [они] шли, юноша рассказал человеку о своих драгоценностях. Человек сказал: «Я возьму [их]!» Юноша сказал: «Да!» — и отдал [драгоценности человеку].

Дошли [они] до одного селения. Юноша сказал: «Попьем воды!» — «Нагнись в колодец и пей! Я буду держать (*букв.* тянуть) [тебя] за ноги», — сказал [человек].

Когда юноша так пил, [человек] толкнул его и сбросил в колодец, [а] сам ушел.

Пришел водонос. [Юноша] сел в его ведро и поднялся [наверх]. [Затем] он отправился разыскивать [того] человека. [Юноша] прошел немного и увидел [того] человека. От его удара юноша лишился чувств. Человек закопал [юношу] в землю и отправился [дальше].

Явилась собака. [Собака] подбежала к людям и залаяла. «Почему лает эта собака?» — сказали люди. Собака побежала вперед и достигла места, где был зарыт юноша. Стала разрывать [это место] лапами. Люди помогли ей. Показался юноша.

Снова он отправился на поиски [того] человека. [А тот] человек пошел к князю и отдал [ему] свои драгоценности. За это князь определил его [своим] сыном. Юноша пошел [тоже] к князю и [увидел того] человека. Человек рассказал [о нем] князю, и юношу посадили [в тюрьму]. Как только [его] посадили [в тюрьму], явились мышь, змея, пчела и сказали: «Мы и не знали, что ты испытал такие грудности. Чем мы тебе поможем?»

Мышь сказала: «Я принесу [тебе] сдобный (*букв.* масляный) хлеб князя!»

Змея сказала: «Я укушу дочь князя!»

Пчела сказала: «Я буду передавать тебе то, что говорят (*букв.* приносить тебе слова)!»

Змея уползла и ужалила дочь князя. Ни один врач (*букв.* смотритель) не в состоянии был помочь дочери князя. Князь повесил на стене объявление: если кто поможет его дочери, [то за того он] выдаст дочь замуж!

Пчела сорвала объявление и отнесла [его юноше].

Князь спросил: «Кто сорвал это [объявление]?»

Юноша ответил: «Я сорвал!»

Его выпустили из тюрьмы (*букв.* места, где он был заперт). Юноша [начал] лечить болезнь дочери князя. Вылечив девушку, он получил ее себе в жены.

Юноша, взглянув на девушку, сказал: «У меня есть печаль!»

Девушка сказала: «Расскажи мне!»

Юноша, посмотрев на девушку, сказал: «Пару моих драгоценностей, помучив [меня], отнял тот, кого [князь] сделал сыном. Это те драгоценности, с которыми [я] сделал многое (*букв.* столько-столько)!»

Девушка рассказала своему отцу [обо всем этом]. Отец ее призвал к себе и [того, кого он] сделал ранее сыном, и этого юношу. [Князь] расспросил обоих. Юноша сказал: «[Драгоценности] мои!» Тот, кого сделали ранее сыном, сказал: «Они мои!»

Князь промолвил: «Я положу драгоценности на столик и назову каждого из вас. Кому драгоценности принадлежат, к тому [они] и пойдут!»

Сначала [князь] назвал [того] человека. Драгоценности остались на месте.

Затем [князь] назвал юношу. Драгоценности [тут же] прыгнули на грудь юноши.

Князь сказал: «[Драгоценности принадлежат] юноше!» Человека, которого раньше [он] сделал сыном, со словами: «Ты истязатель человека!» [велел] запереть [в тюрьму]. Конец.

46. * КОШКА, МЫШЬ И ВОРОБЕЙ (ТОМБАХ)

(Рамазан-по, мужч., 95 лет, род. в сел. Эйше Ахвар, крестьянин.
Записано в сел. Эйше Ахвар 30 июня 1957 г.)

Текст

İnzî pîř kemur, pîř seřor vumîř. Meřux janynda ĉöxuřmîř.

Kema meřuxka jařamîř: «Pu seře talařında ię keımuř, aęa pîř sor!» — teımîř.

El tigu pu seře: «Eı mîřux, keme oęasynden neęe ĉyx keluxar? Aęa pîř soř!» — temîř.

Mîřux el temîř: «Ja, seře, en-di ge! Keme te, ĉyx-ty gê! İřyęne me jan'ary!»

Seře pîř janynda o'mîř, keme pîř janynda o'mîř. O'qaře mîřux «xap-xap» iřkysyn de jeımîř.

Ele'kennige mîřux, seře — kem'ni korelmes. Tosz'ı.

Перевод

Были мышь и воробей. [Они] пожаловались (*букв.* преклонили колена) кошке.

Мышь сказала кошке: «Этот воробей не спускается с дерева. Спроси его [почему]!»

Воробей сказал: «Эй, кошка, мышь не вылезает из норы. Спроси ее [почему]!»

Кошка так сказала [им]: «Ну, воробей, спустись! Мышь, вылезай! Я разьясню вам!»

Воробей сел с одной стороны кошки, мышь — с другой. Кошка «хам-хам» и съела [воробья и мышь].

С тех пор кошка не может [спокойно] видеть воробья и мышь. Конец.

ПОЭЗИЯ

47. ВЕЛИЧАЛЬНАЯ (ОРУХ СЕЇС)

(исполняется на свадьбе)

[Рамазан-по, мужч., 95 лет, род. в сел. Эйше Ахвар, крестьянин.
Записано в сел. Эйше Ахвар 30 июня 1957 г.)

Текст

Ōl vōsa, axun-bōny azy azy!
Nagny fynjunda azy azy tесе,
pisef amu — bendini miltōny jōtynden
jiltuṛa tā'ken. Siṭate'ni jōtynden
xitoje'ni jōtyna paṣṭaṛan.
Piṛ ḫaḫni čor'sa, iṣki tun'fany
korgen kifari tep azy azy!
Myndan čōsyna kelsa,
mynta ḫar' zamšini azy azy!
Oje'tta jan'fasa ḫaṭizun
«ōlet s-salāti ve s-salātil-vusto»,
pu oje'tni ṛazyje'tini suṭṭap
penzi o qōtuṛa jū'kūrūp
tun'fani iṣini paṣṭap
āxyryni jōtyny fusyn' e'ken
kifar tep azy azy!
Mynden čōsyny kelsa,
iṣki soji-pōny azy azy!
Joṇveī nagnigī funjun azy azy tесе,
asmante poṭut joḫmasa, raḫmet joḫtyr!
Sēminta sōji joḫmasa, ōryḫ joḫtyr!
İsmilūrlār čyxyp pēxi taqqa tō čiqqujāry
Aq qufa çoṇry taqujāry.
İs'ni azy azy!
Myntan čōsyny kelsa,
mynta iṣki azaṇni azy azy!
Joṇveī nagny funjun tесе,
ṛynju veī za ji t'e ju ṭajatyṛ!
Tuṛ'qy jan'fasa, asmānda
poṭyt čyxmasa, raḫmet joḫtyr!
Sēminta sōji joḫmasa, ōryḫ joḫtyr!
Mynden čōsyny kelsa,
ničičəṇ farimpa ḫāry-ḫōry,
zāmšiler vāḫ'p ākilep
pō — tataṭar iṣki āyys janšaqusytyr-jal
Teṭṭap ākilep men s'ōrena tūṭtyr.
Men s'ōrena tūṭlese, puṛoziḡi s'u'sler
ḫyṛe-ḫyṛo, ḫaṛe mūbarexni sōzare.

Kem jan'fasa, pir kačadyr tigenar.
Her kune alimner jan'fasa,
ši pā sa jeŋ myxtoqušinta
zikuč'ūgo piser ātamtyr tiro.
Joŋveī nagny fuŋjun tese,
t'uīga, oŋyī-qyznigi rōzysini keler.
Oŋyī-qyzni rōzysini verse,
enā-fūmune xusaŋynden jere eŋgul
Tunīane jārux seltineni korgu!
Axun-ālimne endeⁱ_p kileⁱ_p
paŋke kōme'tni oxyp
pīsinigi faŋrylāne ā'tyna
xoxo ec'ip at veīgusy.
Muny jōtynden ciguī jāry tire.
Myndan čōsyny kelse,
helale — haramune fyŋke ec'ip
halalini mālini — haramuny jōtyny
fijun e'mequsy!
Etō enōny vāšindege
ti sange kirdenari tire.
Myndan čōsyny kelsa,
esse oičyŋa oŋyīni rysqysyni verzi.
Men oičyŋa qyzny rysqysyny verzi.
İsy oičy men oičyŋa pyłtazi.
Men oičyŋa pyłasa, učirsa,
korgu jerare. Čyxrasa, iŋku jerare.
Kiši jan'fasa, toqos hakāne to^psyse tire,
toqos pine oruŋy tire!
İsy oholinige uruŋyny ōren
horuxqa jel furparsa,
ystaŋ hātiga su fyrparsa,
zoŋ sen piŋuryny uryŋari tese,
hāti jan'fasa, — kōfān foŋ
ten' tinŋe vālli min te heīli.
Seīha ŋi ŋyn jūkin tire.
Turky jan'fasa, — pēxi taŋda
zinŋaŋ teŋtirse, any
koŋlaŋy vālli te vuryr.
Ułŋy xyī qyrynta čičex syłasa,
ōzex omzasy terunten terunter tire!
Hāti jan'fasa, — pu zo z'el laŋŋa tire,
zo z'iq ši iza tire!
Myndan čōsyny kelsa,
mināgu ałtun vōsa,
aŋyryŋyn^y čeke!
Kumuŋ vōsa, koŋŋatugunu o'qy!
Menagu ōren putax-čjiary
tōne (<tō^vena) ozex uruŋy!
Aŋ ar^hane kurmaŋi te^p āčiŋy!
Jeŋ tep qaīnary! Sūt tep puxray!
Torma zize tep ziłtaŋy!
Pačyx k'āma jaxyŋy!
Su k'āma ŋiŋgy!
Xutani selāmūla pičlagy!
Tosz'ı.

Что касается старших, поговорим о старшем ахуне!
Если спросить, по какой причине [надо] говорить,
[ответ такой]: «[Он] нас, рабов божьих, с дурного пути
перетянул к пути хорошему. С пути ложного
привел к праведному пути».

Перевернет [лист] бумаги, и он [уже]
человек, видевший оба мира,— поэтому поговорим!

Если [мы] к этому [заклучению] придем,

[то] поговорим [о прежних] мудрецах!

В стихе [Корана] сказано:

«Охраняйте молитвы и молитву среднюю»¹,

[то], следуя содержанию этого стиха,

раб божий, бегая от двери [к двери¹ и

исполняя мирские дела, [все же останется]

человеком, думающим (*букв.* подчиненным) о пути

в тот мир,— поэтому поговорим!

Если [мы] к этому [заклучению] придем,

[то] поговорим о двух сватах!

Если спросить, по какой причине [надо] говорить,

[ответ такой]: «Если на тебе нет облаков, нет и благодати;

если на зсмле нет сватов, нет и родственников!»

Добрые люди — те, кто в высоких горах

водружают каменные изваяния [людей];

это те, кто вешает колокольца на лебедей,—

[вот] о них поговорим!

Если [мы] к этому [заклучению] придем.

[то] поговорим о двух братьях твоей матери!

Если спросить, по какой причине [надо] говорить,

[ответ такой]: «Какая бы я ни была, я пришла из

дома брата матери, [подобно] железным

орудиям, вышедшим из огня очага!»

Если по-тюркски сказать, [то] коли на небе

не появится облако, [то] не будет и благодати.

коли на земле не будет сватов, не будет и родственников!

Если [мы] к этому [заклучению] придем,

[то], пока большие и малые куски мяса,

[внимательно] оглядев, принесут почтенные старики,

скажу-ка два слова о старших и

младших братьях отца!

Поднявшись, я уступлю место маленьким людям.

Если я это сделаю, [то] моя сегодняшняя речь

[будет] хорошей, благословенной речью!

Если кто говорит, [то] сказанное [им] — одно [лишь] слово!

Если каждый день говорят ученые,

[то] из восьмидесяти трех видов существ

самый ценный [вид] — [это] мы, люди, — говорят.

Если спросить — по какой причине,

[то] прежде всего требуется согласие юноши и девушки.

Если согласие юноши и девушки будет,

[то] из чрева матери родится [дитя]!

И [оно] увидит яркий свет мира!

¹ «Коран», перевод и комментарии И. Ю. Крачковского, М., 1963, стр. 42.

[Тогда], призвав ученых ахунов и
прочитав молитву,
повторяя ее точь-в-точь за нашими
ахунами, [младенцу] дадим имя!
[Вот потому и] самое ценное — это люди, говорят.
Если [мы] к этому [заклучению] придем,
[то], различая дозволенное и запрещенное,
не будем использовать [в своих интересах]
добро [от] дозволенного и путь [к] запрещенному!
На плечах (*букв. голове*) отца и матери —
это гретий долг, говорят.
Если {мы} к этому [заклучению] придем,
[то] твоей семье дали сыновнее благо,
[а] моей семье дали дочернее благо!
Твоя семья попросила мою семью.
Если мою семью попросить, посмотреть,
[то] можно увидеть, позовут — можно кушать.
Если говорит [некий] человек, [то]
о гряде камней на девяти горных тропинках говорит,
о родственниках девяти поколений говорит.
Если вас, двух родственников, вверх (*или* на юг)
повсюду сдует ветер,
вниз, к китайцам, унесет вода и
если спросят, чьи вы родственники,
[то], говоря по-китайски: «Кѵ шань шан
тэнь тин ше валли мин те хэйли.
Сэй ха ши шин ю кин!»
Если говорить по-тюркски, [то это означает]:
«Если на высокой горе зажечь свечу,
[то] ее свет достигает десяти тысяч ли!
Если на берегу большой реки посадить цветок,
[то] стержневой его корень будет очень глубок!»
Если говорить по-китайски, [то]:
«Пу зо чел лан чжа! Зо чин ши и чжа!»
(т. е. «Если не стать родственниками, то будут две разные семьи!
Если же стать родственниками, то будет одна семья!»)
Если [мы] к этому [заклучению] придем,
[то], коли моя девица — золото,
взвесим его вес!
Если [она] серебро, то слиток пусть лежит [на земле]!
У моей девицы высокие ветви,
[и она] глубоко пускает корни!
Пусть [она] раскроется, как жареные зерна белого ячменя!
Кипит, как масло! Вскипает, как молоко!
Произрастает, как росток редьки!
Прилипаёт, как глина!
Пропитывается, как вода!
Проводим [ее] с одобрением (*букв. приветом*) бога!
Конеч.

ПОЭЗИЯ

48. САГЫШ. IV

Се-Ли-ха, женш., 30 лет, род. в сел. Ноджа, служащая
Записано в сел. Ноджа 23 июня 1957 г.)

Текст

Sahyſ-jŭl! ʹJyſyan avalerim!
Sahyſi-jŭl! ʹJatyan iſelirim!
Me pāſima eſ qoſruçil!
Ax arfane qurmaſi ta (// te)
açiſtur kigi-jŭl!
Sāry jāruſne jaſaſi da (// de)
qaſnaſur kigi-jŭl!
Sahyſi-jŭl! Jatyān avelerim!
Sahyſ-jŭl! Jatyān iſelerim!
Me pāſima eſ qoſruçil!
Kunsenige qanāty te
sōllengur kigi-jŭl!
Puſunige moſusy ta
zomnāſur kigi-jŭl!
Ax aʹtnigi. jāſogy da
faſaſur kigi-jŭl!
Qara qoſnigi joſari te
ozaſur kigi-jŭl!
Sahyſ-jŭl! Jatyān avalerim!
Sahyſ-jŭl! Jatyān iſelerim!
Mi pāſima eſ qoſruçil!
Ārt y paſdigi mōden çiçex te
faſaſur kigi-jŭl!
İli paſdigi qazqan çiçex te
açiſtur kigi-jŭl!
Sahyſ-jŭl! Jatyān avelerim!
Sahyſ-jŭl! Jatyān iſilerim!
Men qyſzygne jilāmaſunzʹux,
sen avāler, keſiſy vusa,
koſ kuzyſa çisynzʹuxur
uxūtyr kēmito-o-ſ!
Kunſiſy vusa, koſ uſiſa

čisyŋǵ'uxur içür te kēm'toŋ!
Muŋa jyŋyŋan avalerim!
Muŋa jyŋyŋan ijelerim!
Mē avāma kumuŋ-aŋton
paŋnārusur joxmese te,
arzyŋ'syt'ge jaxz'ux sūziŋden
iŋke ā,yzz'ux paŋnānsuz'z'anā!
Pugungy kunde kumuŋ-aŋtynden
iŋtynde vār-jō!
Muŋa jyŋyŋan ijelirim!
Mē ijema paŋnārusuŋ joxmese te,
erigl sifune sife vuŋme de
Moŋoŋ ūzenne saŋmo susynten
iŋki sučyxzux paŋnānsūz'z'anā!
Kumuŋ-aŋtunden iŋtinde vār-jō!
Sāhyŋ-jō! Jāŋan avalerim!
Sāhyŋ-jō! Jāŋan ijilerim!
Sāry aŋtunne čegāri te
iŋine jyŋyroŋ!
šāsy kumne jāsarī te
taŋ'na sāčirōŋ!
Pōŋ'dy, tāminy čigāri te
içine jyŋyroŋ!
Qaŋa čōtyrne jāsarī te
taŋ'ina sāčirōŋ!
Sen oŋuŋne čigāri te
içine jyŋyroŋ!
Men qyŋzyŋne jāsarī te
taŋ'ine sāčirōŋ!
Sen avāler, men qyŋzyŋne
jāxynqy peŋ qoŋ vasquči
čixmaŋari te
jyŋraxqa peŋ qoŋar uzačto?
Men qyŋzyŋne
jāxynqy peŋ ajex saŋyūče
čixmaŋari te
jyŋraxqy peŋ ajex saŋyčto?
Sen avāler, men qyŋzyŋne
jāxyn vōse, ētisynŋi ērigl k'ugčāŋ'a
jēti kīg'ār ta
kiŋluguntegi keŋki jezaŋ'a
t'ūŋleŋg'ārī te
men qyŋzyŋne jyŋraxqa peŋ qoŋ vāsyŋto?
Jyŋraŋyna qoŋ vāsqany sovŋanmamīŋ-čē!
Sen avāler, ē'tež'ux
pu qyzz'uxny veŋgen veriŋi —
jyŋraŋ vumiŋte
nomčit kirer-čē!
Vu nomčitler ō'ken nomčittyr!
Sen avāler, men qyŋzyŋne
sompā ōjyŋne āŋi kuryŋ te
siŋgarī titō?
Āny tepor jāŋŋi jāmenŋi kune

İjki s'u'psezux sūriŋisʒ'ana!
Ağa tepoŋ tumanıynden
tūzytūŋ keler-jō!
Men qyızŋ de aŋyıtūŋ keleŋ-jō!

Перевод

Воспоминания! О собравшиеся [здесь] отцы мои!
Воспоминания! О собравшиеся [здесь] матери мои!
О делающая мне прическу
(букв. кладущая руку на мою голову)!
Как жареные зерна белого ячменя,
пусть раскроюсь [я в новой жизни]!
Как масло из желтых семян,
пусть буду кипеть [я]!
Воспоминания! О лживые отцы мои!
Воспоминания! О лживые матери мои!
О делающая мне прическу
(букв. кладущая руку на мою голову)!
Как крыло павлина,
пусть буду [я]!
Как рога оленя,
пусть стану [я]!
Как грива белого коня,
пусть буду [я]!
Как шерсть черного барана,
пусть стану [я]!
Воспоминания! О лживые отцы мои!
Воспоминания! О лживые матери мои!
О делающая мне прическу
(букв. кладущая руку на мою голову)!
Как цветок олеандра в заднем саду,
пусть стану [я]!
Как красный цветок в переднем саду,
пусть раскроюсь [я]!
Воспоминания! О лживые отцы мои!
Воспоминания! О лживые матери мои!
Меня, вашу дочь, пока не выдали замуж,
у вас (букв. ты), отцов, вечерами
в обоих глазах спокойного
нет сна!
Днем же в обоих руках ваших
не спорится дело!
О собравшиеся сюда отцы мои!
О собравшиеся сюда матери мои!
Хотя я отцу моему серебром и золотом
и не оказала помощи,
но [вы, отец], добрыми словами
немного помогите [мне]!
Теперь дороже (букв. выше) серебра и золота
есть [вещи]!
О собравшиеся сюда матери мои!
Хотя я не оказала помощи моей матери,
[но вы, мама], помогите [мне]
двумя бочоночками воды из реки Могол,

прохладной от свежести раннего утра!
Есть же [вещи] дороже (*букв. выше*) серебра и золота!
Воспоминания! О лживые отцы мои!
Воспоминания! О лживые матери мои!
Желтое золото, считая (*букв. говоря*) настоящим,
[вы] собрали у себя [дома]!
Мелкий песок, считая (*букв. говоря*) ложным,
[вы] рассыпали во все стороны!
Пшеницу и ячмень, считая (*букв. говоря*) настоящими,
[вы] собрали у себя [дома]!
Черный овес, считая (*букв. говоря*) ложным,
[вы] рассыпали во все стороны!
Вас (*букв. тебя*), сыновей, считая (*букв. говоря*) необходимым
(*букв. истинным*),
[вы] оставили (*букв. собрали*) у себя [дома]!
Меня, вашу дочь, считая (*букв. говоря*) ненужной (*букв.*
ложной),
[вы] отправили (*букв. рассыпали*) на все [стороны]!
Вы (*букв. ты*), отцы, считая (*букв. говоря*),
что я, ваша дочь, не буду [вам]
близким товарищем (*букв. сжимающим руку*),
издалека [разве] протянете руки?
Считая (*букв. говоря*),
что я, ваша дочь, не буду [вашим]
частым гостем (*букв. ступающей ногой*),
издалека [разве] будете приходить?
Вы (*букв. ты*), отцы, считая (*букв. говоря*),
что я, ваша дочь, коль нахожусь близко [от вас],
буду поспешать на утренний ранний чай
и насыщаться вечерним поздним чаем,
так считая (*букв. говоря*), разве мне, вашей
дочери, [вы] издалека пожмете руку?
Тому, кто далеко, пожатие руки безобидно!
Вы (*букв. ты*), отцы, так рано
выдавшие эту девочку [замуж],
считая (*букв. говоря*), что [я] далеко,
испытаете раскаяние!
Но те раскаяния — бесполезные
(*букв. пройденные*) раскаяния!
Вы (*букв. ты*), отцы, считая (*букв. говоря*),
что я, ваша дочь, — горькая сажа
[на стенах] соснового дома,
думаете ли, что она впитается?
Говоря это, в хорошие и плохие дни
двумя вениками сметите!
От летящей пыли надо очиститься!
От меня, вашей дочери, надо избавиться!

ПРОЗА

49. * РАССКАЗ О СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

(Хай Йи-со, мужч., 57 лет, род. в сел. Уллагыл, крестьянин.
Записано в сел. Уллагыл 6 мая 1957 г.)

Текст

Pučože paŋŋaganē ičē z'üŋgē ičtér.

Ihkiné: poŋcé, arfá, pyčáx, jasmuxlé, saŋāt, qonáx, jaŋjú, ki'zy, čo"-
týr — pučostýr, quá, řacy, samsáx, soŋān; funē ko'ŋaganē: agačči, z'izé
süŋgüči, termen üxküčē, jeŋ pasqučē.

Pirinjiden e'c'i, üčinje otýx otappar, su jupar; tō'tinji č'öp tatar; pe'-
šinji zōŋginige pašine körer, toxlynýr, ač'ynji orýr, jütān döjār; jitinji
sagāt exér, qonax exér, jeŋ äxtyrýr; syxsynji tōsixelér, tōs päzyrýr; toxsyn-
ji taŋ züŋgē oŋýr. Onynji kijizé tatar. Ompirinji toŋsy (< toŋgan su) jü-
rér, on iŋkinji tōsexlār (< tōs jüxlār).

Перевод

То, чем они занимаются, — земледелие.

Выращивают пшеницу, ячмень, горох, бобы, гречиху, кукурузу,
картофель, горчичные семена, [разводят] овец — вот все это и еще —
дыню, перец, чеснок, лук; дополнительные занятия: обработка дерева,
извоз, мукомольное дело, маслоделие.

В январе посеяли; в марте полют и орошают; в апреле очищают от
сорной травы; в мае появляются ростки и наливаются колос; в июне
жнут [и] молотят; в июле сеют гречиху и кукурузу, пашут землю; в
августе привозят удобрения и смешивают их [с землей]; в сентябре уби-
рают урожай в горах; в октябре очищают жнивье от сурепки; в ноябре
подводят мерзлую воду; в декабре вносят удобрения.

СКАЗКИ

50. * О ПЛЕШИВЦЕ (ТОМБАХ)

(Хай Йи-со, мужч., 57 лет, род. в сел. Уллагыл, крестьянин.
Записано в сел. Уллагыл 8 мая 1957 г.)

Текст

Piŋ tazquŋ oŋlānuŋ vum'f. Muŋa öj'ndā hēmeneme joŋ vum'f. Pu piŋ
ägyta vām'f. Piŋ baŋ kiŋi öj'nda iŋitiŋmiŋ. Piŋ gunē par k.ŋin'gə jūcūn tōi-

miş. ücün jyraxar. Pu par kişi pu tasqur oylānā ejifamış: «Sen öje vār-ta uruxanne kellē-de gēl!»

Pu tazkur oylān par kişinige uşina varep kelişmiş: «Vēr-ta parār!»

Par kişinigi kişni avuga jifamış: «Naşni kelegur-i?»

Avu par kişa jifamış: «Vişmire!»

Par kişi jifamış: «Vértuşu!»

Par kişinige kişne avuga sormış: «Sen naşni kelligur-i?»

Avu ejifamış: «Men anane kelegur!»

Anany pu tazkur oylān paşlap vāmiş. Piş jere je'miş. A't mingujūr kişmiş. Pu avu pu tamne arxasyna taşlap o'ummiş.

Pu a't minguçi pu avuga sormış: «Sen naş ic'ip par?»

Pu avu ejifamış: «Sen maşa muny piş paşnaş! Pu tam jyxytgar!»

Pu kişi a'tyn enzi, ac'yny taşa paşlaş. Pu kişi pu tamni şifazi.

Pu avu şifazi: «Sen pu tamne jīt-tā utyr-ta şāt! Sen mune jürkumā: jürsā, pu tam jyşlip iyyne pāsar. Men kiş çyxarap kişgi!»

Pu a'tne anane mindyrmış. İzy jürmiş. Piş jere je'miş. Tōvā k'u'ku-gene kōrmış.

Pu avu şifazi: «Sine ūşina çyxarap parar, tōvāşne men kūc'up qāşy!» Tōvā k'u'kuşu uşina vāmiş. Tozqur oylān tōvini sūrtürmiş. A'tny mim-miş, ana oşina vāmiş. Pu avu tūvinigi kurugundān pirne çatlamış. Kurgune jere kōmmiş, ūşindān işki uşina kurgune c'uc'yp oturmuş. Tōvā k'ō'k'uşi jā-nyp aşa kişmiş.

Pu avu şifazi: «Tōvā jokōsy jer şuşina kirparş. Pu pirne kurgyna men taxylş, sen mune tūt-ta şāt! Men cūre, titu kelçp kişge! Munç qaz-şāt!» — tep pu avu varş. Pu par kişe jūcündān ōşinā kelş, keşnina sorci: «Ana qāle?» — tep sorci.

— Anany tazqur oylān paşlap aparş!

— Sen mune neşe verş?!

Kişne şifazi: «Sen vértuşu! — etiş, — men verş!»

Pu par kişi pu tazqur oylānne qovlaşip kelş. Piş jere jec'i. Pu tam şifayan kişni janyna jec'c'i.

Pu par kişi pu kişa sorci: «Sen neşe mune şifappaş?»

Pu kişi şifazi: «Piş oylān şifiri „sen maşa muny pyşnaş, sen mune şif-jā-ta şāt! Jū kuma! Jūşursa, pu tam jyxytyr, seni basar“ etef şifiri. Pu avu kiş çyxarāmā varş. Kişmiri!»

Pu par kişi şifazi: «Sen jūt-tuşu! Pu tam jyxytmas, pu avu jaşyan ejif-amış!»

Pu kişi jūrci, tam jyxytmaş. Pu işkysy piş jere jec'c'i. Tōvā k'ō'kān kişi janyna jec'c'i.

Pu paş kişi sorci: «Sen neşe bu tōvinigi kurgune tuc'yp oc'ypp 'ar?»

Pu kişi şifazi: «Şin gi tōv vām nişkysy jer şuşina kirparmiş. Pu birne kurguna taxylşp oty:paş! Pu avu şūre, tişto ašmā varş. Pu avu kişmiri!»

Pu par kişi şifazi: «Tōvā şer şuşina kirpāmas. Sen tūvinigi kurgune ta't! Pu avu şaşa jaşyan şifamış!»

Pu kişi kurgune ta'immiş. Kurşu ç'xkişmiş. İnzı pu uşisy sorışmiş. Tozkyr oylānnige ōşina qovlaşip vāmiş. Tazqur oylānnişe uşina je'mmiş. Keş vām ş. Tazqur oylānnişe uşinta o'immiş.

Pu tazqur oylān ejifamış: «Sen çōşan min'gi ō'kaşemde şaştakūma! Şaxlaşa, min'gi işam, apam işkysy ūler!»

Pu çōşy ja'c'i. Pu tazqur oylān omıştan pişa qaınatc'i. Pu çōşy ux-laş. Tazqur oylān umaşne apaşci. Piş kişnigi şuşina pişa-pişa şutarci.

Piş kişi uxlaşp ujanş. Pu kişi pişsyna ejifazi: «Men ō'kaşda şaştamış! Pişsy hām şaştamış. Uc'isy dā piş pişina ejifamış: «Men dē şaştamış, sen dē şaştamış!»

Pu¹tazqur oylān¹zygnī¹mīf. Pu¹tazqur oylān aba! iča! tep jyrāmīf.
Pu uc¹isy xo¹pz¹ilā q¹ačmīf. Pu tazkur [oylānā kiīne, a¹t, tōvā — ručosy
qa¹mīf. Tosz¹i.

Перевод

Был некий плешивец. Дома у него ничего не было. Отправился [он] в одно селение. Нанялся в работники к одному богачу. Однажды [он] работал на гумне богача. Гумно [было] далеко. Богач сказал плешивцу: «Ступай домой и принеси аркан!»

Плешивец пошел в дом богача и попросил [его жену]: «Дай, я пойду!»

Жена богача сказала юноше: «Чего хочешь?»

Юноша сказал богачу: «[Она] не дает!»

Богач сказал: «Пусть даст!»

Жена богача спросила юношу: «Чего ты хочешь?»

Юноша ответил: «Я хочу [взять] дочь!»

[Вот] плешивец повел девушку. Добрались до одного места. Ехал [кто-то] на лошади. Юноша сел, подпирая спиной стену.

Всадник спросил юношу: «Что ты делаешь?»

Юноша ответил: «Помоги мне разок в этом [деле]! Эта стена падает!»

Человек спешил, привязал коня к тополи. [Затем] подпер стену. Юноша сказал: «Ты [сильней] подопри стену и сиди [себе]! Отсюда не уходи, если двинешься, стена упадет и раздавит тебя! Я приведу кого-нибудь (букв. человека)».

[Он] посадил на коня девушку, сам пошел [пешком]. Добрались до одного места. Увидели [человека], пасущего верблюда.

Юноша сказал: «Тебя зовут домой. Я останусь пасти твоего верблюда».

Верблюжий пастух ушел домой. Плешивец пас верблюда. Девушка села на коня и поехала [к себе] домой. Юноша полоснул ножом по хвосту верблюда. [Один конец] хвоста закопал в землю, а за другой ухватился обеими руками и сел.

Верблюжий пастух вернулся.

Юноша сказал [ему]: «Верблюд весь ушел в землю. Я ухватился только за хвост. Держи и ты его. Я пойду и принесу мотыгу! Выроем его!» Сказав [это], юноша ушел.

Богач вернулся с гумна домой и спросил жену: «А где дочь?»

— Дочь плешивец увел!

— Зачем ты ее отдала?!

Жена сказала: «Ты велел отдать — и я отдала!»

Богач отправился разыскивать плешивца. Добрался до одного места. Добрался до человека, что подпирает стену.

Богач спросил человека: «Ты зачем подпираешь?»

Человек ответил: «Какой-то юноша говорит: „Ты помоги мне, подопри это и сиди. Не уходи. Если двинешься, стена упадет и тебя раздавит!“ Юноша пошел привести кого-либо, да не идет!»

Богач сказал: «Ступай! Стена не свалится, юноша неправду сказал!»

Человек двинулся, стена не упала. Оба дошли до одного места. Добрались до человека, что пас верблюда.

Богач спросил: «Ты почему сидишь и держишь хвост верблюда?»

Человек ответил: «Мой верблюд провалился в землю. Держусь только за хвост! Юноша ушел принести лопату. Не возвращается этот юноша!»

Богач сказал: «Верблюд не проваливается в землю. Дерни за хвост. Юноша тебе неправду сказал!»

Человек дернул за хвост. Хвост выскочил. Эти трое посоветовались. Побежали домой к плешивцу. Достигли дома плешивца. Наступил вечер. [Они] остались в доме плешивца.

Плешивец сказал: «Вы все не обваливайтесь на моем кане! Если сделаете это, мои мать и отец — оба умрут!»

Все улеглись. Плешивец сварил немного каши. Все уснули. Плешивец принес каши и положил под каждого человека.

Кто-то проснулся. Сказал другому: «Я испачкал кан!» Другой — тоже. [Все] трое сказали друг другу: «И я испачкал, и ты испачкал!»

Плешивец слушал и [вдруг] заплакал, говоря: «Отец! Мать!» Эти трое встали и убежали. Плешивцу осталось все: жена, конь, верблюд. Конец.

51. * О ДУРАКЕ (ТОМБАХ)

(Хай Йи-со, мужч., 57 лет, род. в сел. Уллагыл, крестьянин.
Записано в сел. Уллагыл 8 мая 1957 г.)

Текст

Piř ninur vumef. Ağa avu iřki vumef. Avu iřkysy jırtaqqa vamiř. Kakasy uxłamıř. İniři sařłamıř. Kakasy uxłaranda inisyna ejıřamıř: «Nağ kel-sa, pō vilān vuř!»

Kakasyrige kō'pfrigine piçtur jırki'mef. İniři pō vilān pu piçtny vur-mıř. Kakasy ūlmıř. İniři kakasyny çyx(a)ramıř, kaka xupmamıř. Kakasyny çüimıř. Avu uřina vamiř.

İřasy sormıř: «Kakağ q'ale?»

Avu jıřamıř: «Kaka uxłap "xummeri!»

İřisi jükürüp vaxmā vamiř. Var'sa, — ūlmıř. Tamnap uřina aki'mıř.

İçisy pu avuga ejıřamıř: «Sen keiřağa vār-tā pūz āt-ta gēll!» Avu vamiř. Pūz ake'mıř. Kakany kōmmıř.

İçisy pu avuga ejıřamıř: «Sen azeg ořyna vār-ta, jařur iřki kuri var, ane eřekkā jūxlā-tā āt-ta gēll!» Pu içisy avuga ejıřamıř: «Sen özen qyryyna je'ku, xajyğne çöi!»

Pu avu eřixne sürmiř. Özen qyryyna je'mıř. İzy xajiny çüimıř. Avu eřekkā ejıřamıř: «Sen tā xajığny çöi!» — etemiř. Eřex çöimimiř. Pu avu uçina tařur ałmıř. Eřexnigi c'yrnağyna ča'mmiř. C'yrnağy çikki'mıř. Eřigi x(a)samıř.

Azyrige uřina vā'mıř, jařur iřki kurine jūxlāp özen qyryyna je'mıř. Xapnige iřc'inda jařurne kōrmiř. Pu avu pu xapnyge agzyne ačmıř, jařurne suğa furturmiř, kuři jağki'mıř.

İçisy sormıř: «İařur qāle?»

Avu ejıřamıř: «Jařur emesar, jokosy pirgar! Mune özene tū'kelzi!»

İnzi uřinda koza qařnatzi. İçisy jıřağı: «Sen vār'-tā axum-bōny çyħa-ra-tā gēll!»

Pu avu xapagur çyħarap ake'mıř: «O'kāğa çix!» — etimiř. Xapağū či-xařmameř. Avu tamnap o'kağa çixarmıř.

İçisy sormıř: «Axum-bō çixarap kel-tu?»

Avu ejıřamıř: «Çyħařap kelzi!»

İčisy vaxmā vāmiş. O'kuḡda pīř xapagu var. İčisy pu avune u'ri'imiş: «Sen pu sanzyłany jū-ta ɣāt! Qazana uçer-ta ɣāt! Men varý-da axun-bōny çyxarap ke'igi!»

İčisy vāmiş. Avu sanzyny jūmiş. Sanzy tuvufimiş. Avu ejifamiş: «Sen mini vilān o'rifip na'kur-i?»—etep sanzyny sundurmiş. Anden qazan qyrɣyna vāmiş. Qazan ifinda kōza «pox-pox» poxrarmiş. Po avu ejifamiş: «Siler vurifma! Men aracigil!» — tep taşur ałmiş. Pu taş vilān qazan ifina pīř vurmish. Qazan jūji tıflānmış. Kōja çorłamış.

İčisy axun-bony çyx^a rak ke'imiş. İčisy uçaqqa kirparsa, sanzyny sundurmiş, qazanne kōz tıfmiş, kōzasy çürlāmiş.

İčisy sormiş: «Sanzyny nāgā sundurzi?»

— Sanzy mini vilān ūhrifiri, ele'ku sundurzi!

— Qazanne negā kōz ty'c'i?

— Qazan ifindā vurifire, men araziçe, taş vilān vurci. Vurifkane joqqan volzi!

Tosɣ'i.

Перевод

Была одна старуха. У нее было два сына. Оба сына пошли на охоту. Старший брат уснул. Младший [его] охранял. [Перед тем как] уснуть, старший брат сказал младшему: «Если кто-либо придет, стреляй [в него] из ружья!»

На грудь старшего брата приползла вошь. Младший брат выстрелил в нее из ружья. Старший брат умер. Младший брат [начал] звать своего старшего брата, но старший брат не поднимался. [Тогда он] оставил своего старшего брата и пошел домой.

Мать спросила: «Где твой старший брат?»

Юноша ответил: «Брат уснул и не поднимается!»

Мать побежала посмотреть. Прибежала — [а он] умер. Взяла его и принесла домой. Мать сказала юноше: «Ступай в город и принеси бязи!» Юноша отправился и принес бязи. Старшего брата похоронили.

Мать сказала юноше: «Ступай в дом к своей старшей сестре, [у нее] есть две меры масличных семян, погрузи их на ослика и привези [сюда]!» [Еще] мать сказала юноше: «Когда дойдешь до арыка,ними туфли!»

[Вот] юноша погнал ослика. Дошел до арыка. Снял свои туфли. Ослику сказал: «И тыними свои туфли!» Ослик не снял. Юноша взял в руки камень и ударил им по копыту ослика. Копыто свалилось. Ослик [начал] хромать. [Юноша] доехал до дома старшей сестры. Погрузил на ослика две меры масличных семян и добрался до арыка. Увидел в мешке масличные семена. Юноша развязал (букв. открыл отверстие) мешок, семена бросил в воду и приехал пустым.

Мать спросила: «Масличные семена где?»

Юноша ответил: «Это не семена, а блохи! Я бросил их в воду!» Теперь [мать] дома сварила каши.

Сказала [сыну]: «Ступай пригласи ахуна!»

Юноша пригнал собачонку и сказал: «Садись (букв. поднимись) на кан!» Собачонка не смогла забраться. Юноша схватил [ее] и посадил на кан.

Мать спросила: «Ахуна привел?»

Юноша ответил: «Привел!»

Мать вышла посмотреть. На кане сидит какая-то собачонка.

Мать [стала] ругать юношу. «Вымой эти чашки! Смотри за котлом! Я пойду и приведу ахуна» — [сказала она].

Мать ушла. Юноша [начал] мыть чашки. Чашки зазвенели. Юноша промолвил: «Вы задумали со мной браниться?» — и перебил [все] чашки. Потом подошел к котлу. В котле кипела каша, [издавая]: «пох-пох!» Юноша сказал: «Вы не деритесь!» Говоря: «Я вас разниму!», взял камень и бросил его в котел. Пробил дно котла. Потекла каша.

Мать привела ахуна. Пошла к очагу [и увидела]: чашки разбиты, котел продырявлен, каша вытекла.

Мать спросила: «Зачем разбил чашки?»

— Чашки со мною бранились, поэтому [я их] разбил!

— Зачем котел продырявил?

— В котле дерутся, я разнимал их и ударил камнем. Драка прекратилась!

Конеч.

52. * О СТОРОЖЕВЫХ ЛЬВАХ (ТОМБАХ)

(По поводу двух каменных львов у ворот)

(Хай Йи-со, мужч., 57 лет, род. в сел. Уллагыл, крестьянин.
Записано в сел. Уллагыл 6 мая 1957 г.)

Текст

Piř jicim oylān vumič, aǵa iča vumič. Taqqa otyn čaŭama vāpař, otyn kucikípar, ocynni keřaŭda sac kelip, ic'isyn' āsyrypar.

Piř kune taqqa varsa, pasyr kulin kilér. «Qaracikene kalāmič. Any zař-tāsa, pās xut kil jigāpa-te», — xor'ymif. «Jise-tā jige-te!» — cikenne zařta-mif. Pās xu kīmič, k'aze jifemič: «Juxela kīgā-ine tānyfa!»

Avō ocynne kōcūp jāne ke'imič. Muǵa ocynne pās ařpyrar, avu ha kune (<her kune) kōcūp kīparar. Piř kune pās avunegе ojine ki'imif. Avunige ic'isi, pās, čōsy soryřmif. Avuřa: «Kiine joxar', kiinuř ak'igi» — tep pās ejiřamif.

— Ira(r), — timif.

Pās vārep xuaŭsaŭnige anāsyně tamnap āki'imif. Avu, avuřa kiine'i-mif. Anā, c'imenar, žūngā c'(i)mif, avu jer ařtyrmif. Kiine ilinda otu(r)sa, sōvane tūz čyxvāmif. Pēle jaŭanda sōvane egirž vāmif.

Ke'ine jařamif: «Mān saǵa piř jaŭzu(r) jařařy!»

Piřne jařařan jaŭzyny ilinda tiřmif. Kiine arcynđa ommif. Īnzi jer ařtarsa, sōvane tūz čyxvāmif. Īlina vařanda jaŭzyřa ūčār'mif. Arcyna jaŭřanda kiinina ūčārmif.

Piř gune jel xu'mif. Pu jaŭzyny fútyrpāmif. Pu jaŭzyny ke'řaǵa fu(r)-tyrpāmif. Pu jaŭzyřa kiři ūčy(r)sa, xuaŭsaŭnige anasynige jaŭzysi vūmif. Īnzi xuaŭsaŭ ku jertā quřax quřyp anāsyny iřcimif. Piř gune iřtāp ta'mif. Avune cucyp ařāmif. Anany xam ařāmif.

Piř gune pās jukur oina (<jukurup oina) ki'imif. Avunige icisy jyřta-mif: «Sen minigi avuřa peligisi kiine akipoř tāp avuny cocyp aparzi. Mine k'em asyrařur, men ačyxyp ōlgāř, sen mune ničixli e'kur?»

Pās jeřaze: «Sen jyřtāma, men ākigi!» Pās jāne (<janyp) taqqa varzi. Pās piř saqaraži — hāmā pās jyřyř kelzi.

Pu pās ja(ŋ)řaze: «Minigi k'akane xuaŭsaŭ cucyp pāmif, cucyp aparzi. Mune piser-jo-o, ařmā vāřu kelegāř!»

Pās čōsy «Ira!» tiřze.

Pu čösy paŋ'laŋep keŋ'ŋanige iŋcina čyxzi. Keŋ'ŋa-pazaŋne kortaze. Taŋ äcep uçärsä, pazar paŋinda m'an päsar.

Xuaŋŋaŋ ja(n)ŋaze: «Pu naŋ iŋter-u?» Niggi pilmiŋzi. Niggigä sorzi: «Päs as'gaŋuče kiŋi var mu?» Pu jicim oŋlän jiŋaze: «Maŋa päsnigē inur var etiŋze». Pu one pex'lägän jerten čyxar(y)p kelze. Pu päŋ avu jana kelze, avu jaŋaze: «Sen negä kelzē?» Päs jaŋaze: «Men oŋyŋa varze, ičaŋ jyŋlapa-ŋa(r), miniŋe avumne aparzi tep jyŋlaparar!»

İŋkisy k'aza jiŋäzi. Avune xuaŋzaŋ čyxyrp aparzi: «Oŋlän, pu päŋ jan-dyŋ! Sen naŋ kelese, me viŋgä, sen jokäne jandyr!» İnzi avu ja(n)ŋaze: «İčk'i qaŋy, paŋqasy jokasy jaŋy!» Xuaŋŋaŋ pučösyna kölexne jaryp paŋläre töie verzi. E'ini jiŋze, töini içci. Paŋlar jokösy janze. İŋke päŋ qaŋzi. Avu xuaŋ-ŋaŋa oŋyŋ daŋnezi, oŋyŋ voŋzi. İŋki päŋ oŋläanne saxtaŋze. Oŋläanne ičaseni akeŋze.

Перевод

Был некий юноша-сирота, у него была мать. Он ходил в горы рубить дрова, носил их в город и там продавал. [Так] содержал свою мать.

Однажды в горах [он увидел], что кубарем скатился лев и зацепился за колючий кустарник. «Если срублю кустарник, лев поднимется и съест меня», — подумал юноша и испугался. «Съест, так съест!» [— решил] он и срубил куст. Лев поднялся и промолвил: «Будем братьями!»

Юноша отнес дрова и снова вернулся. Лев готовил ему дрова. Юноша каждый день уносил их. Однажды лев пришел в дом юноши. Мать юноши и лев посовещались. Лев сказал молодому человеку: «У тебя нет жены. Достану-ка я тебе ее!»

-- Согласен! — ответил [юноша].

Лев отправился и привел дочь императора. Она стала женой юноше.

Девушка-красавица сеяла, а юноша пахал землю. Когда перед ним сидела жена, соха шла прямо. Когда он возвращался обратно, соха шла криво.

Жена сказала: «Я сделаю тебе [свое] изображение».

Она воткнула изображение перед [мужем], а сама села позади него. Теперь, когда он пахал, соха шла прямо. Когда он шел вперед, то смотрел на изображение. Возвращался назад — глядел на жену.

Однажды поднялся ветер и унес изображение в город. Некий человек увидел изображение и узнал в нем дочь императора. В это время император повсюду разыскивал свою дочь. Наконец нашел ее. Он схватил юношу и увел с собой. Унес и девушку.

Однажды лев прибежал в дом. Мать юноши плакала, [говоря:] «Ты моему сыну нашел такую жену, что [из-за нее] сына схватили и увели. Кто за мной будет смотреть? Я умру от голода. Что сделаешь ты?»

Лев ответил: «Не плачь! Я приведу его!» Он повернулся и убежал в горы. Там он заревел — и все львы собрались.

Лев сказал: «Моего старшего брата император схватил и увел. Нам надо пойти и выручить его!»

Львы ответили: «Согласны!»

Все они вместе пошли в город. Окружили городские стены. Когда рассвело, все увидели, что на стенах везде львы. Император сказал: «Что случилось?» Никто не знал. Он спросил кого-то: «Есть ли укротитель львов?»

Юноша-сирота ответил: «У меня есть младший брат — лев». Импе-

ратор велел выпустить из темницы молодого человека. Лев подбежал к юноше. Тот ему сказал: «Ты зачем пришел?» Лев ответил: «Я ходил к тебе домой. Твоя мать плачет, говоря, что увели ее сына».

Они поговорили друг с другом. Император отпустил юношу, [говоря:] «Прогони этого льва! Все, что ты захочешь, тебе дам, [только] прогони всех!» Тогда юноша сказал: «Пусть двое останутся, а остальные все уйдут!» Император для всех [львов] зарезал корову и устроил им пир. Львы съели мясо, угостились и ушли. Два льва остались. Юноша стал сыном императору, и два льва его охраняли. Привели также мать юноши.

53. * МАСЕМБУ (ТОМБАХ)

(Хай Йи-со, мужч., 57 лет, род. в сел. Уллагыл, крестьянин.

Записано в сел. Уллагыл 7 мая 1957 г.)

Текст

Pîr k'ug tarța atur pațor qotuxlamiș. Pu bața çagnamiș, jâ-ox oînamiș. Ox oînagâne xutu jaxsar'. Pu ô (<pu avu) sumurlamiș: «Mața izâ joxar, apa joxar, kaka joxar, ini joxar, âze — signi joxar. Men uruxâre kaka iștigur, t'unâ ini iștigur!»

Bu avü jâne k'umif, oxune zut'mif. Ü k'uq taydän çıxyp ki'mif. Pır jerē je'mif. Pır taştın züzdün çyxke'mif. Ana oxune a'mmif. İçindige ke'if je'famif: «Sen urxare vāgūze vūsa, uruxare var, sen cūne vāgūze vūsa, t'ünā var!»

Pu oylän ifaze: «Orxare kaka iftigučıdır, t'unä ini iftigučıdır!»

—Maṇa — pu kiṣi jīḥaze — maṇa kaka, — ĩnc joxter. Sen oje gell!

Pu iškysy paslāp nēnē pīr jērē varži. Pīr aŗāŗtan cūcūn čyŗkelži, aŗa pīr oŗ atce. U kiŗi iŗaŗi: «Orxare varsa, orxare var, t'ūnā varsa, t'ūnā var! Mini oŗma oŗ acypna 'kure?»

Pu ayu ifaze: «Orxare kaka iftigučıdır, t'ünä ini iftigučıtır!»

İskisy oje varǵı. Uf kiſi voǵı. Pú ucysy soriſci — kem kaka degnaıu, kem ini degnaıu tep soriſci. Taſten čyqqan Taſ-gaga, agaſten čyqqan Agaſ-gaga, atten čyqqan — Mäsembu.

İnzi pučosy kiine iſtepvāmıſ. Pır cıfaſa vāmıſ (je'mıſ). Pır oje kırpāmıſ. U oıda kiſi joxar. Qazan iſında jigusy — iſkusy cygnap çuſparar. Pučosy ane ji' mıſ — ič'mıſ, oturmıſ. İtisyna pučosy taqqa jırtyx vurma vāmıſ. Keſlugu jany'p ki' mıſ. Keſe, qazan iſında jānpu emex, çā cygnap çuſparar. Kiſi joxar. Pučosy ji'ſaje: «Mune kem cygnap par-u? Mune etisyna pır kiſe qatāt-da saxtarā!»

Ētisyna Taf-kagane qatdyr'mis, içkisy jirtaqqa vāmis. Taf-kagā kuri cū-jina jašinmis. Kurgunzux uş uçip ki'mis. Mimiłux tonyny çöimis. Ana uşa pelle(m)mis. Pire nimā cygnamis. Pire kuřine pānteq qujyp ot qatāmis. Pire ajat cūrmis.

Pučosy piře Kun-ana, piře Aī-ana, nene piře Juštus-ana. Pučosy nēmine cygnap vuliz'īlā mimilux tonyne kijijz'īlā ūcip vāmīf.

Keflugū jertaqqa vāguči keʼmif. «Bu nemine kem cygnar-i?» — tep sormif. Taf-gaga jifamif: «Kurgunzux uf učkilip mimilux tonyny čūijiry. Ana ufa pelliniry. Pire nemā cygnyre, pire ot qaʼyre, pīre ajet sūrere vulizʼilā, mimilux tonyny kijizʼilā uçip vāryre!» — tep jifaze.

Arcy guñe Agaf-kaga izy syxlary: «Sei iskisyn var!»

Bu isikysy jertaqqa vāmis. Agas-kaka saxtaze. Nene pu uf kurgunzux kelze. Pučosy neme qainatquče, ot qataquče, jer sūrguče vuliz'ilā nene uciŋ vāmis.

Kesluguna jifamif: »Jen (<jüän) pilisi kurgunzux uf uçkilip neme cyñ-naguçe, ot qaḷaṛuçe, jer sürguçe vuliſcılä ufz'ılä váryr!»

Pu Masembu jifamif: «İfkisyñ jaramaṛar. E'tä men qaḷṛy, sen ifkisyñ var!»

Masembu qaḷmif. Ecexta faḡnamif. Pu kurgunzux ucisý nene ki'mif. Mimelux tonyne čöimif. Pire neme cyñnamif, pire o't qaḷamif, pire ajet sürmif. Masambo icixten čomnāp iḡki'mif. Pučosynige mimelux tonyne o'ta qaḷamif. Qaḷaṛāne pučosy: varalmamif. Pučosynige ifindige piře Kun-nana ja'žuxar, izýna torax, qaḷa piḷa saḷāmif.

Keslugu niḡkisy ki'ımif. İnzi uzozoṛa ki'ıne piř-piř teggař. Seleř taḡnal Taf-kaga Aı-anane tyḡnazı. Agař-kaga Jiřtus-anany tyḡnaze. Māsemboṛa Kun-ana qaḷzi. Etisy jüzine jüzi. Kun-ana ifkisyna vaḡsa, ja'žux vořzi. Kaga ifkisy köḡnitā impamaži. Öḡlinige ki'ınina vaḡsa, Masambunige ki'ıne ja'žuxar. Öḡlä etisyna taqqa varāt da Masambuny tešūx ifina čeṛap keler tep soruřzi.

Etisyna pučosy taqqa jertaqqa varzi. Piř tišūx qyr'yyna varzi. Masembuny pir iciz'ılä tišükkā čırzi. Kaga ifkisy Masembunige ja-oxne cucyp jaḡkelzi. Anden Kun-nanane ki'ıf nige oḷynda qoı köterzi. İzy ifkisy ki'ınıḷarne pařtap varzi. Masembu tišūx içinde otyrsa, piř quř piř kunda biř-biř tešūx ifina iḡki'ımif.

Masembu pu quřa k'aṛa surcy: «Sen pir kunda piř-piř kilere, sen naḡ ife ki'ıpor?»

Quř jiřfaze: «Minigi pu tišūx içinde pařa vār, aḡa ki'ıpor».

Quř pu kiřa surcy: «Sen munda naḡ icıppor?»

Masembu quřa jiřfaze: «Mine kagam ifkisy tiřükkā čagap jürze. Tiřūx tiruḡar, men čyxpařḷmaṛař!»

Quř iřifaze: «Ei, Masembu, men sini etisyna kö'ki ta čyxarpagē, maḡa jikusy — sāḷā pir jüz kelāř. Ete mān váry da sējeden piř jüzne cuckige!»

Quř seje piř jüzne cucyp aki'mif, Masemboṛa viimif. Quř jifamif: «Sen minige arxama üsyř, pu sije čosyny tuř, men piř čurilep ki'ıgu, agzymne ařku, pir-pir qoı ta véř!»

Masembu quřne arqasyna usaḷmif, siřini cünmif. Quř üčmif. Piř čurilip ki'ıgu, agzyne piř ařmif. Seje pir qoıpımif. Quř piř jir čüřilmif. Seje piř-piřne jüzne qoıperip tosmif. İřcina čyxki'mif. Masembo inzi jürmif, piř jere je'mif. Pu izynige ki'ıne jānyna je'mif. Ki'ıne kiřnige qoıyne küčüp parar.

Masembu jiřfaze: «Ei, anā, sen mi bařimda piř tur vāx ta véř!» Ana vaḡverzi. Ana jyřtaži.

Masembo surzi: «Sen nege jyřtapor?»

Pu ana jiřfaze: «Sinige pařında meḡuř vařyř. U meḡ minigi küjymniḡi pařimdigı meḡi oxřıře. Ele'ku jyřtappar!»

Masembu sorcy: «Sinigi küjyñ qaḷa varzi?»

Ana jiřazi: «Minigi küjymne kaka ifkisy tiřükkā čařāmif, mine kiřnige üjında qoı küřürye».

Masembu anaṛa sorzi: «Sen minc tanyr-ō?»

Ana jiřfaze: «Tānymyr!»

Masembo jiřfaze: «Men sinigi küjyñ iter. Men tiřüxtān čyxkelzi!»

Pu ifkisy kiřnigi qoıyny zoḷaži. Pu ifkisy pařtap kaga ifkisyny iřtäp varzi. Piř jertā tapci. Kaka ifkisy ox oınap varar.

Masembu jiřfaze: «Member (<men pir) oınaṛy!» — etizi.

Pu ifkisy: «Sen mune k'a(t)tařmas. Pu minigi Masembo oınagan jā — oxtyr!»

Masembo jiřfaze: «Men k'a(t)tařyr, mem beř vaḡqyl!»

Jā-oxny Masemboṛa verzi. Masembo jāne tutyř oxne qojep piř atce. Kaḡase ifkisene üřterzi. Masemboṛa ki'ıne uf tigzi. Toszi.

На некоей необитаемой горе кобылица родила ребенка. Этот ребенок вырос и [начал] играть с луком и стрелами. [Научился] очень хорошо стрелять из лука. Этот юноша подумал: «У меня нет ни матери, ни отца, ни старшего, ни младшего брата, ни старшей, ни младшей сестры. [Пойду-ка] я на юг — (букв. вверх) поищу старшего брата и на север (букв. вниз) — поищу младшего брата!»

Юноша повесил лук на плечо и взял стрелы. [Затем] спустился с этой необитаемой горы. Дошел до одного места. [Там] из камня валил дым. Он пустил в камень стрелу. Внутри [камня] человек закричал: «Если ты направляешься на юг (букв. вверх), то иди на юг (букв. вверх); если идешь на север (букв. вниз), иди на север (букв. вниз)!»

Юноша сказал: «На юге я ищу старшего брата, а на севере — младшего!»

— У меня, — молвил человек, — у меня [тоже] нет братьев, ты иди в дом!

Они вместе пошли дальше. [Смотрят], из дерева валит дым.

Пустили в дерево стрелу. [Из него] закричал человек: «Если идешь на юг (букв. вверх), иди на юг (букв. вверх); если идешь на север (букв. вниз), то иди на север (букв. вниз)! Зачем стреляешь в мой дом?»

Юноша сказал: «На юге я ищу старшего брата, а на севере — младшего!»

Вдвоем они отправились [к тому] в дом. Стало три человека. Стали советоваться: кто станет старшим братом, а кто — младшим. Вышедшего из камня [назвали] Таш-гага (брат Камень), из дерева — Агаш-гага (брат Дерево), а рожденного кобылицей — Масембу.

И вот они отправились искать себе жен. Пришли в одну местность и вошли в какое-то жилище. Там никого не было. В котле варится пища. Они послали и попили, посидели. А на утро пошли на охоту в горы. Вечером вернулись. В котле хлеб, чай приготовлены. Никого нет. Те трое сказали: «Кто варит эту пищу? Оставим-ка утром одного, пусть сторожит!»

Утром оставили Таш-гагу и вдвоем ушли на охоту. Таш-гага спрятался под деревянной мерой. Прилетели три голубя. Скинули свои плащи из перьев и превратились в трех девушек. Одна приготовила пищу, вторая, сев на деревянную меру, развела огонь, а третья подмела двор.

Одна из них была Кюн-ана (девица Солнце), другая — Ай-ана (девица Луна), третья — Юлтус-ана (девица Звезда). Кончив готовить, они надели свои плащи из перьев и улетели.

Вечером вернулись охотники и спросили: «Кто приготовил это?» Таш-гага сказал: «Прилетели три голубя, сбросили свои плащи из перьев и превратились в трех девушек. Одна готовила, другая развела огонь, а третья подмела двор. Затем они надели свои плащи из перьев и улетели!»

На другой день Агаш-гага сам [остался] сторожить. «А вы вдвоем ступайте!»

Те двое ушли на охоту. Агаш-гага [остался] сторожить. Снова прилетели те три голубя. Как только они приготовили пищу, разожгли огонь и подмели двор, то опять улетели.

Вечером [Агаш-гага] сказал: «Прилетели точно такие же три голубя, приготовили [пищу], разожгли огонь и подмели двор. Затем улетели!»

Масембу сказал: «Вы оба [никуда] не ходите, завтра останусь я, а вы оба идите [на охоту]!»

Масембу остался и спрятался в доме. Те три голубя прилетели снова. Скинули свои плащи из перьев. Одна [девушка] готовила, вторая разожгла огонь, а третья подмела двор. Из дома выскочил Масембу и бросил в огонь плащи из перьев тех [голубей]. [Теперь] они не могли скрыться. Красавица Кюн-ана вымазала себя пылью и сажей.

Вечером пришли остальные. Теперь каждому из них достанется жена. Выбирай!

Таш-гага выбрал Ай-ану, Агаш-гага — Юлтус-ану, Масембу досталась Кюн-ана. Утром она вымыла лицо. По сравнению с теми двумя Кюн-ана оказалась красавицей. Двум братьям это не понравилось. Жена Масембу красивее, чем их жены! Они решили: «Пойдем-ка утром в горы и сбросим Масембу в пропасть (букв. отверстие)!»

Утром все пошли в горы на охоту. Подошли к краю пропасти. Толкнули Масембу и сбросили его в пропасть. Два брата взяли лук и стрелы Масембу и вернулись [домой]. Кюн-ана отдала в чужой дом пасти овец. Сами они взяли своих жен и ушли. Когда Масембу сидел в пропасти, некая птица несколько раз в день спускалась в пропасть.

Масембу спросил у птицы: «Ты несколько раз в день являешься, ты зачем приходишь?»

Птица ответила: «У меня в этой пропасти детеныш, к нему прихожу!»

[Потом] птица спросила человека: «А ты что здесь делаешь?»

Масембу ответил птице: «Меня два моих брата бросили в пропасть. Пропасть глубокая, и я не могу выйти!»

Птица сказала: «Эй, Масембу, я завтра на спине тебя вынесу, пища моя — сто воробьев. Завтра я пойду и наловлю сотню воробьев!»

Птица наловила и принесла сто воробьев. Отдала [их] Масембу. [Затем] птица сказала: «Сядь на мою спину, возьми всех воробьев. Когда я сделаю круг, открою рот, ты бросай [туда] по одному!»

Масембу сел на спину птицы, взял воробьев. Птица взвилась, делала круг и открыла рот. [Масембу] бросил воробья. [Каждый раз, когда] птица делала круг, [Масембу] бросал [ей воробья] и так все сто. Поднялись наверх. Масембу двинулся в путь. Достиг одного места и пришел к своей жене. [В то время] она пасла овец.

Масембу сказал: «Эй, девушка, поищи-ка в моей голове!» Девушка принялась искать и заплакала.

Масембу спросил: «Ты почему плачешь?»

Девушка ответила: «На твоей голове есть родинка, она похожа на родинку моего мужа, поэтому и плачу!»

Масембу спросил: «А где твой муж?»

Девушка ответила: «Моего мужа братья бросили в пропасть, а меня приставили стеречь овец в чужом доме».

Масембу спросил девушку: «Ты узнаешь меня?»

Девушка ответила: «Не узнаю!»

Масембу сказал: «Я твой муж. Я выбрался из пропасти!»

Вдвоем они вернули хозяину овец и пошли разыскивать двух братьев. Отыскивали их. Братья играли с луком и стрелами.

Масембу сказал: «Дайте и я поиграю!»

Они ответили: «Ты не сможешь натянуть лук. С этим луком и стрелами играл Масембу!»

Масембу ответил: «Я натяну его, дайте попробую!»

Дали Масембу лук и стрелы. Масембу схватил лук, вложил стрелу, выстрелил. [Так и] убил двух своих братьев. Три жены достались Масембу. Конец.

(Хай Ии-со, мужч., 57 лет, род. в сел. Уллагыл, крестьянин.
Записано в сел. Уллагыл 7 мая 1957 г.)

Текст

Pir jicim avō vumif. Ağa iǵa-apa joxtyr. Ojynda joǵ. Jikusy joǵmaǵan, kiǵusy joǵmaǵan. Taqqa čōp orma vāǵan. Čōpne kotere keiǵaǵa satma vāǵan. Čo'p^f satqan, helligā un čignagan. Bir kun bir kun, peligi kun tōrlagan. Peligi joǵ voǵan.

Pir kune taqqa čōp orma var'sa, joǵta jilān iške vurifmif. Piře qaǵa jilān, piře aǵa jilān. Qara jilānni ciken icinā čagarmif. Aǵa jilānni joǵa qoifmif.

Aǵa jilān pu avuga k'aǵa jifamif: «Sen minigi ujyma varal. Sen minigi zanimni zutagučityr. Sen joǵmasa, mini qaǵa jilān öltergare!»

Pu avune jilān paǵlap kōsyna varzi. Jilānnigi kōsy kizar.

Pu avū jifaǵi: «Men muǵa syǵmagar!»

Jilān jifaǵi: «Kōzegne jumtuǵu, sen syǵar!»

Avū kuzene jumze. Jilānnige ojyna kirze.

Abasy jilān baǵasyna sorci: «Pu naǵ kifter?»

Jilān baǵasy jifaǵe: «Pu minige zanimne zutagučedyr. Pu juxmasa, mine q'ara jilān öltergare!» — jifaǵe.

Pu avū jilān oǵynda ompeš — on aǵci kun otyrci. Pu avuǵa t'e'lli jidyrgi, iǵtergi. Piř kune pu avu jifaǵe: «Men oǵyma vāǵur-i?» — tep jifaǵe.

Jilān baǵasy bu avuga öргеcci: «Ėtā minigi apam saǵa sorar: „Sen k'uriga k'umif kēligūr mu? Kon'fina aǵt'un keligur?“ — tep sorryr. Sen jifa: „Kuriga k'umif ke(l)lemes, kon'fina aǵt'un ham kelemes. Men kō arcyntaǵy anefne keligur!“»

Jilān jifaǵe: «Anefne verelmas» — etezgi.

Jilān baǵasy jifaǵi: «Anefne vertuǵu! Maǵa vurparsa, ču anef naǵdyr-i?!»

Anefne avuga verzi. Avū anefne akelzi, piř jere jecci. Avu ačyxzi. Avū sumurǵazi: «Pu jilān baǵasy maǵa jemen kaǵtamif, jaǵxi kaǵtamif? K'u-muč akelsa, aǵtun akelsa, maǵa naǵ kerex? Aǵsa, vuǵa(r)! Pu anefne na'kuri (<naǵ e'kuri?)» — tep sumurǵaze.

Anefne oǵina aparzy. Oǵinda čuiǵy. Avū etisyna taqqa čōp orma varcy. Čōp kōčūp akelze. Oǵyna kelsa, oǵynda qazan ifinda emex varar. Taǵgun ifinda ča varar.

Pu avū emexni jici, čāny ifci. Pu emex — xutu biř t'e'lleři. Ėtisyna keiǵaǵa čōp sā'ma (<sa'tma) varzi. Čō'pni saci. Xelligā un alci. Avu janci, oǵyna kelzi. Kelsā, qazan ifinta nene pu: emer varax, taǵgunta ča varar. Pu avū sumurǵazi: «Ödā kič joǵmaǵan, pu emexne kem ziǵnappar-u? Men etisy űčirge!»

Etisyna pu avū kōne synzētamif. Avū kōnigi arasyntan űčārmif. Pu anef mimilux tonne čōimif, ja'zux qatyn kefa pellemmif. Pu qatyn kif emexne čignamif, čāny qaǵnāmif. Mimilux tunene kiǵicilā oturmif. Pu avū aǵa űčārmif. Avū ifina kirpārmif. Qazan iǵindege emex, taǵgun' iǵindege čāny içmif.

Pu avū etisyna kōta syǵtamif. Pu anef mimilux tonyny čujip nene emex cūǵnamif. Avū xāsken kirpāmif. Mimilux tunyny ota xōǵotāmif. Pu anef ja'zux qatyn kefa pellemmif. Pu qatyn kefe avuǵa ki'ne tyǵnamif. Pu

avugā emexne cygnap viīmif. Pu avū emexne cummif, taqqa čōp ornia vāmif.

Avū emex jigāntā xuanŋonnige jirtaxčysy avu janyna kiīmif. Pu čōsy emexne pir jertā jimif. Avunige emigi — xutu tā'li vumif! Pu emexten piĵany aparyp xuanŋona viīmif. Xuanŋon pu emexne jimif. Xuanŋon jirtaxčyga sormif: «Pu emex xutu te'lāre. Pu emex kemnigare?» — tep sormif.

Jirtaqcy jifamif: «Pu emex jicim avunige emigare».

Xuanŋon jifamif: «Ētisyna pu avuga jifa-ta: a't oīna'kure! Oīnacyp acy c'ydamaŋa, kiīnygny xuanŋon apāgure!»

Pu avu ujina jankiīmif. Kiīne sormif: «Pugun naṇdyr-i?»

— Xuanŋonnigi jirtaxčysy jifiri: ēte a't oīna'kure, acy oīnacyp c'ida-maŋa, keīnygne xuanŋon apāgure! Maṇa a't joxtyr. Men naṇ oīna'kur-e?

Kiīne jifaze: «Apanigi ōjina var'-ta kičizux ax atur var. Any je'llē-de gēll!»

Ētisyna po avu pu a'tny je'llep akelzi. Taqqa oīna'ma varzi. Xuanŋonnige acy pu a'ta c'ytamaŋy.

Nene xuanŋon jifazi: «Ētisy sen pu taṇny tūzāt. Minigi čirygym u taṇny tūzā'ki. Sen arcy qaŋsa, sinigi kiīniṇni men apāgur!»

Pu avu jānyp ōje kelzi.

Kiīni sorci: «Ničyx e'ci?»

Avu jifazi: «A't oīnacyp c'ytamaŋe. Ētisyna taṇ tūze'kure. C'ytamaŋa, kem arcy qaŋsa, keīniṇne apāgure tep jifiri. Xuanŋona čiryx k'ō'par. Men piṛ kifar c'ytamaṇar. Sine xuanŋon apāgar'!»

Kiīne jifazi: «Sen apanigi ujina var'-tā ax xare piṛ vaṛ. Ane kū't-te hell»

Ētisyna pu avū pu xaryne kūcep taqqa varzi. Xuanŋonnigi čirigi ham kelzi. Iŋkisy iŋki taṇne tūzāc'c'i. Avunigi xari iŋintān kurgunzux piṛ xopān čyxkelzi. Pu taṇny tūzācc'i. Xuanŋonnigi čirigindān ili volzi.

Xuanŋon jifazi: «Ētisy kiīnygny čexme kigur'!» — tep jifaze.

Pu avū ujyna kelzi. Kiīny sorci: «Ničyx ecci?»

Avū eifazi: «Taṇ tūzicir maṇa čitamaŋi. Ētisy sine čexme ki'guri» — tep jifiri.

Kiīne jifaze: «Sen ŋem jukuma! Čexme gelse, men vāy! Sen jici gun otyr-da, mimilux, čāyo — puŋāny paŋlaštyr-da, tonur jaŋa-ta, ki'ŋ-ta, jaṇryga tālenur qoi-ta, peṇgerur t'u-ta xuanŋonnigi kōsyna emex kelleme gel!»

Ētisyna xuanŋonnige čirige pu qatyn kiŋini čigip aparzi. Pu avu jici kun otyrcy. Mimilux, čaguŋāny paŋlap tonur jaŋazi. Tonny kici, talenur jaṇryna qoiŋy, uŋina peṇgerur tucy. Pu avu xuanŋonnige kōsyna emek keleme varci. Kiīne pu avuga učirci: «Xa-xa» — tep kulzi.

Xuanŋon jifaze: «Men peligi ja'zux ki'paṛ. Maṇa nege k'ulimere(r)? Emek keliguče mimilux, č'agu paŋlap kijip kelse, sen aṇa «xa-xa» tep kullire!»

Pu qatyn kiŋi jifaze: «Sen u emek kelegen kiŋnigi tunyny k'i-te, tālinyny jaṇryga qoi-ta, iŋiṇa peṇgerne t'ūt-ta, kiŋ-te gēll! Men saṇa «xa-xa» ŋigi-ta kuligi» — tep jifazi.

Xuanŋon pu emek kelegen avune iŋina čyxrazi. Avuga jifazi: «Sen tunny, tālinny, peṇgaryn — pu čosyny maṇa ver'! Sen minigi poiŋ'araṇymne ki'ŋ-ta, sen munta otyr-ta ŋāll!» — tep jaŋazi.

Avū tuny, peṇgare, tāliny — čosyny xuanŋona verzi. Xuanŋonnige poiŋ'araṇyne pu avū ki'ci. Xuanŋon tāŋina varzi. Pu avunigi tuny, tālini, peṇgare — čosyny xuanŋon [kijip] kōtan kelzi. Pu qatyn kiŋi jifazi: «Ko paŋlaṇuči-u! Emek kelegen u kiŋni ūltertugul!» — tep jifazi.

Ko paŋlaṇuče u kiŋni ūlterzi. Pu avu xuanŋon tyṇnazi. Kiīne muṇa kiīne tyṇnazi. Toszi.

Был некий юноша-сирота. У него не было ни матери, ни отца. И в доме у него ничего не было — ни пищи, ни одежды. Он ходил в горы косить траву. Относил ее в город и [там] продавал. На вырученные деньги покупал (*букв.* отвешивал) муку. День за днем так проводил (*букв.* толкал) он дни. Такой он был бедный.

Однажды, когда он пошел в горы косить траву, [увидел, что] на дороге дерутся две змеи. Одна змея — черная, другая — пестрая. Черную змею [юноша] бросил в кустарник, а пеструю отпустил.

Пестрая змея сказала юноше: «Пойдем ко мне домой. Ты мой спаситель. Если бы тебя не было, черная змея убила бы меня!»

Змея привела юношу к дверям [своего дома]. Дверь [была] мала.

Юноша сказал: «Я не пролезу в нее!»

Змея сказала: «Закрой глаза и ты пролезешь!»

Юноша закрыл глаза — и оказался в доме змеи.

Отец-змеи спросил своего сына: «Что это за человек?»

Детеныш змеи ответил: «Это мой спаситель. Не будь его, черная змея убила бы меня!»

Юноша погостил в доме змеи 15—16 дней. Его вкусно кормили и поили. Однажды юноша сказал: «Не пойти ли мне домой?»

Детеныш змеи посоветовал (*букв.* научил) юноше: «Завтра мой отец тебя спросит: „Большую меру серебра ты хочешь или малую меру золота?“ Ты скажи: „Не хочу я ни большой меры серебра, ни малой меры золота. Я хочу курицу, что на дворе (*букв.* находящуюся за дверью)!“»

[Отец-]змеи ответил: «Я не могу дать курицу!»

Детеныш змеи сказал: «Отдай курицу! Что касается меня, к чему эта курица?!»

[Отец-змеи] отдал юноше курицу. Юноша унес курицу. Добрался до одного места. Проголодался. Подумал: «Этот детеныш змеи плохо или хорошо мне сделал? Принес бы серебро, золото, что мне еще нужно? Надо было взять! Что делать с этой курицей?»

Принес курицу домой. Оставил [ее] дома. Утром отправился в горы косить траву. Принес траву [домой]. Дома в котле хлеб готов, в кувшине — чай.

Юноша поел хлеба, выпил чаю. Хлеб-то очень вкусный! Утром пошел в город траву продавать. Продал траву. На [эти] деньги купил муки. Вернулся домой. [А дома] в котле такой же хлеб, в кувшине — чай. Юноша подумал: «Дома никого нет. Кто же печет (*букв.* готовит) этот хлеб? Посмотрю-ка завтра!»

Утром юноша запер на цепочку дверь. [Сам] стал смотреть через щель в двери. Курица сняла свой плащ из перьев и превратилась в красивую женщину. Эта женщина испекла (*букв.* приготовила) хлеб, вскипятила чай. [Потом] надев свой плащ, села. Юноша наблюдал за ней. Он вошел внутрь [дома]. Съел хлеб, что был в котле, и выпил чай из кувшина.

Наутро юноша дежурил (*букв.* сторожил) у дверей. Курица, скинув свой плащ, снова испекла хлеб. Юноша быстро вошел и бросил ее плащ в огонь. Курица так и осталась (*букв.* превратилась) красивой женщиной. Эта женщина стала женой юноше. Испекла ему хлеб. Юноша взял хлеб и ушел в горы косить траву.

Когда он ел хлеб, к нему подошел императорский охотник. Они расположились и съели хлеб.

Хлеб юноши был очень вкусный! [Охотник] унес кусочек этого хле-

ба и дал императору. Император съел хлеб и сказал охотнику: «Этот хлеб очень вкусный. Чей это хлеб?»

Охотник ответил: «Это хлеб юноши-сироты».

Император промолвил: «Завтра скажи этому юноше: „Устроим состязание коней (*букв.* заставим играть коней); если твой конь не выдержит, твою жену император возьмет себе (*букв.* уведет)!”»

Юноша вернулся к себе домой. Жена спросила его: «Что сегодня?»

[Юноша ответил]: «Императорский охотник говорит: „Устроим завтра состязание коней; если твой конь не выдержит, твою жену император возьмет себе (*букв.* уведет)!” Коня у меня нет. Как я буду состязаться?»

Жена сказала: «Ступай к отцу домой, [там] есть маленький белый конь. Возьми его и приведи!»

Утром юноша привел этого коня. [Потом] поехал в горы на состязания. Императорский конь проиграл (*букв.* не выдержал) этому коню.

Император снова сказал: «Завтра ты разровняй эту гору, а мое войско пусть разровняет ту гору. Если ты отстанешь (*букв.* останешься позади), то я уведу твою жену».

Юноша вернулся домой.

Жена спросила: «Как дела?»

Юноша ответил: «Я выиграл состязание. Завтра будем разравнивать горы. Если я останусь позади, он говорит, что уведет мою жену. У императора войско большое, а я один. Я не выдержу!»

Жена сказала: «Ступай к отцу домой, [там] есть белый сундук. Принеси его сюда!»

На другой день юноша понес сундук в горы. Пришло императорское войско. Начали разравнивать горы. Из сундука юноши вылетела стая голубей. Разровняла гору раньше, чем императорское войско.

Император промолвил: «Завтра приду за твоей женой!»

Юноша вернулся домой. Жена спросила [его]: «Как дела?»

Юноша ответил: «Разравнивая гору, он отстал (*букв.* не выдержал) от меня. Говорит, что завтра придет за тобой».

Жена сказала: «Ты не печалься! Если придет за мной, я пойду. Ты семь дней подожди. [Потом] свяжи перья с шерстью, сделай плащ на плечи повесь суму, возьми в руки палку и иди к императорским дверям просить хлеба!»

На другой день войска императора увели эту женщину.

Юноша подождал семь дней. [Потом] связал перья с шерстью и сделал плащ. Надел [этот] плащ, повесил суму на плечи, в руки взял палку и отправился к императорским дверям просить хлеба. Жена взглянула на юношу и засмеялась: ха-ха!

Император сказал: «Я так красиво одет! Почему мне не смеешься? Нищему, одетому в рубище (*букв.* пришедшему одевшись в перо и шерсть), ты смеешься: ха-ха!»

Женщина сказала: «Надень плащ нищего, суму повесь на плечи, возьми в руки палку и войди! Я и тебе засмеюсь: ха-ха!»

Император пригласил нищего-юношу внутрь [дома] и сказал: «Твой плащ, суму и палку — все это дай мне. Надень мой халат и сядь здесь!»

Юноша плащ, палку, суму — все это отдал императору. Надел халат императора. Император вышел наружу. [И вот] он вошел в дверь в плаще, с сумой и палкой юноши.

Женщина крикнула: «Эй, стража! Убейте этого нищего!»

Стража убила этого человека. Юноша стал императором. Жена осталась ему супругой. Конец.

(Хай Ин-со, мужч., 57 лет, род. в сел. Уллагыл, крестьянин.
Записано в сел. Уллагыл 8 мая 1957 г.)

Текст

Piř ninur ümeř. Ağa avur ümeř. Avu tapurur körmif. Kun qoñnina as-manten čikiimiř. Avunige koñnina emmiř. Pu avu izisina jifamiř: «Men pugze jaxji tapurur körzi!»

İčisi sorci: «Nağ taburar?»

Avu jifaži: «Kun minigi qoñnima kelzi. Pelisi tabur körci. Sen kiřikā jifakuma!» — etiži.

İčisy su kōmā varzi. Anta pu tabyrny jifaži. Pu k'aže piř-pirden čöllii-řip xuañfoñnige gułařyna varci. Mune xuañfoñ kejin'fin ecip pu avune cu-cyp aparzi.

Pu avugā xuañfoñ sorci: «Sen nağ tabur körzi?»

Pu avu jifaže: «Asmandige k'un minige qoñnima iñ kelzi».

Xuañfoñ jifaže: «Pu avuny qyzyl kōlāxkā mindyr-tā piř jere ał-ta vār! Qyzyl gōlāx sargařu. Pu avune čōi-dā, jān-ta gēl!» — tep jifaži.

Pu kife avune qyzyl gōlāxkā minderže, piř zifağa avarzi. U jerte on jiř otyrzi. Qyzyl gōlāx sargařmaži.

Pu avu jifaži: «Pu gōlāxkā oxjagan sary gōlāxur aliřař. Sen any sūr-tā, jān-ta vār. Sen xuañfoña qyzyl gōlāx sargařzi etē-te ejifā!»

Pu kiři sary gōlāxni sūrep varzi. Xuañfoña jifaže: «Qyzyl gōlāx sargař-zi! Pu avune čōi kelzi!»

Pu avu tař z'ūjinda utyrzi. Piř t'ülā jilān bařasyr tamnap akelzi. Pu avu tař velān pu tūleñe vuryř iğkelzi. T'ülā ūlzi.

Jilān bařasy pu avuga k'aža jifaži: «Sen minigi ojyma varař! Sen jox-masa, t'ülā mine jigare. Sen minigi zanyunny zulaži!»

Pu jilān bařasy pu avuny pařtaži. Jilānnige ujina varzi.

Jilan pařasynyge apasy sorci: «Pu nağ kiřar?»

Jilan bařasy jifaži: «Mine t'ülā tamnap afarci, jigar. Pu kiři t'ülini vuryř ūlterzi. Minige zanyunny zyřagučytyr!»

Pu avu jilan ujnnda un kun otyrzi. Piř kune avu jifaže: «Men ujyma vagure!»

Jilan bařasy pu avuga jifaže: «Minigi apam sağa sorar — ařtun keligurmu? K'umuř keligur? etep sorar. Sen ařtun hām kelemes, k'umuř hām kellemes, ařexne keligur! etē-te jifā!»

Jilannigi apasy pu avuga sorci: «K'umuř keligur mu? Ařtun keligur?»

Pu avu jifaže: «K'umuř kelemes, ařtun hām kelemes. Sinige ajařyñne keligur!»

Pu avuğa etisyna ajařny verzi. Avuny uzaži. Avu kelci. Piř jere jecci. Ajařyny anta qoıcy. İzy uxlaži. Ujağ kelzi. Ajax iřinta iřkusy — jigusy varar. Pu avu ane içmiř, jimiř. Xusařy toımiř. Piř jere vāmiř. Pengeř tuc-qan piř kife körmif. İřkusy piř jerte o'mmiř. Ajax iřindege iřkusy — jikusyne pu iřkusy içmiř, jimiř. İřkusy ta xusařy toımiř.

Pu pengeř cucqucy pu avuga jifamiř: «Sinigi pu ajařyñny minigi penğa-řyma aliřař!» — etep jifamiř.

Pu avu jifaži: «Sinigi penğařyñny nağ e'kur? Minigi ajagemnigi iřindi-gine issa volar, jisa volar, uř kiřam (<kiři hām), peř kiřam tojar!» — tep jafamiř.

Pu pengař cucqučy jifameř: «Minigi pengařem, u kiřni tõi-ta anygy qoınyndige õženni čix-te gél» — etese, pengar varar, u kiřne tõiřar, qoınyndige õženne čigep a'keler!

Avu jiřazi: «Aliřař!» — etizi.

Pengarne avuga verzi, ajaxne u kiřa verzi. U kiři ajaxny tucyp varzi.

Pu avu pengara jiřazi: «Sen var-ta u kiřni tõi-ta anigi qoınyndige ajaxny čyx-te gél!»

Pengar varci, u kiřni tõiři. Koınyndigi ajaxne čigip akelzi.

Nēnē pu avu jırzi, piř jere jeci. Timoř santen ko'ken piř kiři kōrci. Pu iřkysy piř jerte otyrzi, ajax iřindige iřkusy — jigusy pu iřkysy jiři, iřzi. Iřkysy-ta tuiři.

Pu sãntãnne ko'kuři jiřazi: «Sinigi pu ajařyğne minige pu sãntana aliřař!» — etizi.

Pu avu jiřazi: «Sinigi pu santanyğny nağ-e'kur-e?»

Pu kiři jiřazi: «Minigi sãntanne piř řovřasa, piř timoř pazař kor'ıtyr. Iřki řovřasa, timoř oı řōryr».

Pu avu jiřazi: «Aliřař!»

Ajaxny pu kiřa verci. Santanne avuga verci. Pu kiři varzi. Avu pengara jiřazi: «Sen var'-tã u kiřni toı-tã qoınyndige ajaxny čix-ta gél!» Pengar varci, u kiřni tõiři, koınyndigi ajaxny čigip akelže.

Nene pu avu jırzi. Peř jere jeci. Kōrux kō'ken piř kiři kōrci. Pu iřkysy piř jerte otyrzi. Pu iřkysy avunige ajařy iřindigene iřci, jici. Iřkysy tuiři.

Pu kōrux kō'ken kiři jiřazi: «Sinigi ajařyğne minigi koruguma aliřařel!» — tep jiřazi.

Pu avu jiřazi: «Sinigi kōrugugne nağ e'kur-e?» — etizi.

Pu kiři jiřazi: «Minigi kōrugum ason tãssa, jařmur piřa jařar. Xyci tãssa, řtux jařar!» — etizi.

Pu avu jiřazi: «aliřař!»

Kōruxne avuga verzi. Ajaxny u kiřa verci. U kiři ajaxny cucyp varci. Pu avu pengara jiřazi: «Sen var-tã u kiřni toı-tã koınyndige ajaxny čyx-te gél!» Pengař varci, u kiřni tõiři, ajaxny čigip akelzi.

Pu avu santanne, k'urexne kō'ci, učina pengarne cucy. Pu avu xuařřoğ u'qan jere varci. Piř tuiřtã pu santanne piř řovřazi. Timoř pazarur kōřazi. Iřki řovřazi — timor ũjur řovarci. Pu avu iřinta otyrzi, pengarne pazar kōta saxřazi.

Tağ atři. Etisy xuařřoğ piři.

— Pu nağ kiřtyr-o? Timornigi oı xuvarmiř. Muni iřina piř kiři vãr-tã vãř-ta gél. Pu nağ kiřar? — tep xuařřoğ jiřamiř.

Pu kōga kič vãřmã vãmiř. Pu pengař pu kiřni toımiř, iřina kigirmamiř.

Pu kiři xuařřoğa jiřamiř: «Kiřni kormere. Peggeřuř kiřni tuiřip qōřare!»

Pu xuařřoğniğe kōğniņa kiřmiř: «Pu kiři mağa řařa tağnagusy kiři irar!»

Pu xuařřoğ jiřazi: «Piř k'otuta vuřan kiři, muğa ocyn jũxlã-tã řt-ta gél! Pu pazarnigi t'õn'n'a qyřyňa řyřa! Muğa o'tne telle! Pu pazar qyzyřy iřindige kiřine xoryřar!» — tep xuařřoğ ejiřazi.

Hãmmã kiři ucynne jũxliři, pazarne kōřazi. O'(t)ny telliři. O't teřci, pazar qyzyři.

Pu avu iřinda kōrexne řsan tatci. Jařmuř piřa jařci. Nene xyci tatci. Jařmuř řutu jařci. U řerne su melliři. Kiř řoqqan vořzi, õı řoqqan vořzi. Avu iřinta otyrzi. Pengař kōny saxřazi. Tořzi.

Была одна старуха. У нее был сын. Юноша увидел сон. Солнце опустилось с неба и спряталось у него за пазухой. Юноша сказал своей матери: «Я эту ночь хороший сон видел!»

Мать спросила: «Что за сон?»

Юноша ответил: «Солнце спряталось (букв. пришло) у меня за пазухой. Такой сон я видел. Ты не говори людям!»

Мать пошла за водой. Там рассказала этот сон людям. Рассказ, постепенно (букв. один за одним) распространяясь, дошел до слуха (букв. ушей) императора. После розысков император схватил юношу и увел [с собой]. Император спросил у юноши: «Что за сон ты видел?»

Юноша сказал: «Солнце, что на небе, спустилось мне за пазуху».

Император приказал: «Посадите этого юношу на корову красной масти и уведите в одно [какое-либо] место. Когда красная корова пожелтеет, покиньте юношу и возвращайтесь!»

Посадили юношу на корову красной масти и увели в одно место. Там они провели десять лет. Красная корова не пожелтела.

Юноша сказал: «Обменяем эту корову на похожую желтую корову. Ты возьми (букв. тащи) ее и возвращайся. Императору скажи, что красная корова пожелтела».

Некто (букв. этот человек) увел желтую корову. Императору [он] сказал: «Красная корова стала желтой. Юношу я бросил и пришел!»

[В это время] юноша сидел под деревом. Прилетел орел с детенышем змеи в когтях. Юноша бросил камень и попал в орла. Орел умер. Детеныш змеи сказал юноше: «Пойдем ко мне домой! Не будь тебя, орел меня съел бы. Ты мой спаситель!»

Детеныш змеи повел юношу. Пришли к змее домой.

Отец змеиного детеныша спросил: «Что это за человек?»

Детеныш змеи сказал: «Орел поймал меня и потащил, чтобы съесть. Этот человек ударил орла и убил. [Он] мой спаситель!» Юноша погостил в доме змеи десять дней. Однажды юноша сказал: «Я пойду домой!» Детеныш змеи сказал юноше: «Мой отец тебя спросит: „Золота или серебра ты хочешь?“ Ты скажи: „Ни золота, ни серебра я не хочу, хочу чашку!“»

Отец змеи спросил у юноши: «Серебра хочешь ли? Золота хочешь ли?»

Юноша промолвил: «Ни серебра, ни золота я не хочу. Хочу твою чашку!»

Утром юноше [он] эту чашку отдал. [Юноша] достиг одного места. Положил там свою чашку. Сам уснул. Проснулся — а в чашке еда и питье. Юноша съел эту пищу. Насытился. [Снова] пошел в одно место. Увидел одного человека, который держал палку. Оба [они] расположились (букв. сидели) в одном месте. Съели пищу, что была в чашке. Оба насытились.

Обладатель палки сказал юноше: «Поменяю твою чашку на мою палку!»

Юноша ответил: «Что делать с твоей палкой? Содержимое моей чашки и есть и пить можно. И трое и пятеро будут сыты!»

Обладатель палки сказал: «Палка моя, побей того человека и вытащи из-за пазухи его вещь!» Палка поколотила того человека, вытащила вещь, что была за пазухой, и принесла [ее].

Юноша сказал: «Поменяемся!»

Палку [он] дал юноше. Чашку [юноша] отдал тому человеку. Схватив чашку, тот человек ушел.

Юноша сказал палке: «Ступай побей того человека и принеси чашку, что у него за пазухой!»

Палка пошла, побила того человека и принесла чашку, что у него была за пазухой.

Юноша отправился дальше и достиг одного места. Увидел человека, который нес железную наковальню. Они оба расположились в одном месте, съели пищу, что была в чашке. Оба насытились.

Человек, несущий железную наковальню, сказал: «Поменяем твою чашку на мою наковальню!»

Юноша ответил: «Что делать с твоей наковальней?»

Человек сказал: «Ударишь раз по моей наковальне, железная стена появится (*букв.* выстроится). Ударишь дважды, дом возникнет (*букв.* выстроится)».

Юноша сказал: «Поменяемся!»

Чашку [он] отдал этому человеку. [Человек] отдал юноше наковальню. Этот человек ушел. Юноша сказал палке: «Иди побей этого человека и принеси чашку, что у него за пазухой!» Палка пошла, побила того человека и принесла чашку, что была у него за пазухой. Юноша отправился дальше. Достиг одного места. Увидел человека, который нес кузнечные мехи. Они оба расположились в одном месте. Съели пищу, что была в чашке юноши. Оба насытились.

Человек, который нес мехи, сказал: «Поменяем твою чашку на мои мехи!»

Юноша сказал: «Что делать с твоими мехами?»

Человек ответил: «Если медленно будешь раздувать мехи, пойдет маленький дождь. Будешь быстро раздувать — пойдет большой дождь!»

Юноша сказал: «Поменяемся!»

[Человек] отдал юноше мехи, [юноша] отдал этому человеку чашку. Человек взял чашку и ушел. Юноша сказал палке: «Иди побей того человека и принеси чашку, что у него за пазухой!» Палка пошла, побила того человека и принесла чашку.

Юноша взвалил [на плечи] наковальню и мехи, в руки взял палку и отправился туда, где находился (*букв.* сидел) император. На ровном месте ударил раз по наковальне — появилась (*букв.* выстроилась) железная стена. Дважды ударил — железный дом возник (*букв.* выстроился). Юноша поселился в нем, палку [заставил] стеречь двери в стене.

Занялась заря. Утром император узнал [обо всем].

— Что это за человек? Построил дом из железа. Ступайте туда (*букв.* внутрь его) кто-нибудь и посмотрите, что это за человек! — сказал император.

Некто отправился к дверям, чтобы посмотреть. Палка поколотила этого человека и не пустила внутрь [дома].

Человек сказал императору: «Не видел [того] человека. Палка бьет и гонит людей!»

Император подумал: «Этот человек мне враг!»

Император приказал: «Пусть люди какой-либо местности принесут туда (*букв.* ему) дров! Пусть уложат их вокруг всех стен! Подожгут их! Пусть жар стен испепелит этого человека!»

Все люди принесли дрова, окружили [ими] стены. Подожгли [их]. Огонь разгорелся, и стены накалились. Юноша внутри [дома] медленно [начал] раздувать мехи — пошел маленький дождь. [Начал] быстрее раздувать мехи — полил большой дождь. Затопил эту местность. Не стало ни людей, ни жилищ. Юноша [продолжал] пребывать внутри [дома]. Палка охраняла двери. Конец.

(Хай Йи-со, мужч., 57 лет, род. в сел. Уллагыл, крестьянин.
Записано в сел. Уллагыл 6 мая 1957 г.)

Текст

Pir jeki anur vumef. Bir jerte uxłamef. Uxłaçanā ta pir osyramef. Tař ki'ilenmeř (<kile inmeř). Tař iřinten Mungyska'čyx čyxki' meř.

Mungyska'čax anařa jıřamēř: «Anā, su čixqan belidyğō? İğkiġe, iq di kiğōr!»—etemeř.

Ana jyğta-jyğta jandy kiġmeř. Andan kilē anařa p'yč'ı xur uçramēř. P'yč'ıx sormēř: «Anā, sen nige jyğtappār?»—etemeř.

P'yč'ıx jařagan' fe: «Mine Mungyskarčyx jimē kigur!—tire,—ele'ku jyğtappār!»—etemeř.

Andan ile püre (<pir jere) kiġmeř. Sanzyr kōrmeř. Sanzy jıřameř: «Ana, sen ne jyğtappār?»—dimeř.

Ana: «Mungyskarčax jimē kiğur! — tiera, — ızy jyğtappār!» — dimeř.

Sānzȳ: «Ničux xamana kigur?»—timēř.

Anten nene pir jere kimeř. P'ičcyxratātūr kurmeř. Anten surmeř: «Ana, sen nege jyğtappār?»—etemeř.

— Mine Mungyskarčax jimē kigur!—tire,—men ele'ku jyğtappār!»—dimeř.

— Ana, sen jyğtaquma, nāz'i'li xamana kiği?»—dimeř.

Andan nenē pir jere kiġmeř, pizur kōrmeř. Piz jařamēř: «Anā, sen jyğtappār?»—etemeř. Anden ana jana jyğta-jyğta kimeř. Jyğta kilē pağor uçramēř. Pağa jıřamēř: «Ana, sen jyğtappār?»—etemeř.

Ana jařagan fe: «Mungyskarčax jimē kigur!—dizē,—ele'ku jyğtappār!»—etemeř.

Anā pağor jıřameř: «Sān suc'ağğa sunē tuliz'ux tuğdyrdyğō! Men sine syxłamā kige!»—etemeř.

Anten nene jyğta-jyğta kiġmeř. Anten jumutane kōrmeř. Jumuta sormēř: «Anā, sen ne jyğtappār?»—etemeř.

Ananigi jařagani fi: «İzy Mungyskarčax ızyne jimē kigur!—dirē,—ele'ku jyğtappār!»—edimeř.

— Sān uçağğdige k'uloğne uř miřoğ eřtoğō. Mān sinē syxłama kiğe!»—edimeř.

Anden ana jyğta-jyğta nānā giġmeř, inzi joğ jūrmeř. Kōlex tōřexur kōrmeř. Kōlex tōřex sormēř: «Anā, sān nā jyğtappār?»—edimeř.

Ananige jařagan fe: «İzynē Mungyskarčyx jimē kéler!»—dire,—ele'ku jyğtappār!»—etemeř.

Anden kōlex tōřux jařagane fe: «Sān o'tigen z'eimeř, öiliğ'ux jasydyğō, men sinȳ syxłama kiğe!»—etemeř.

Anden nānā pir jere kiġmeř. Toluxur kormeř. Tolut'ux anařa sormēř: «Anā, sen nege jyğtappār?»—etemeř.

Anā jařagan fe: «A-a-a, ızy Mungyskarčax jimē kigur!—dirē,—ele'ku jyğtappār!»—etemeř.

— Anā, — tolux jeřamēř, — sen kō bařığa zitağ koğdyğō, men sinȳ syxłama kiğe!»—etemeř.

Anden ana kilē otagyňy kelimeř, suc'ağğyny suny toğtyrmeř, oçağğında k'uline içmeř, suc'c'ux zuine sūrmeř, kō bařyna zitağny koimeř. Ko'ičilā ızy u keřluguna keř'ürmiř. İzim kege geçesine Mungyskarčax keimeř. Mungyskarčax kilē kā'ota čixrameř: «Anā, sen kā'ony ař!»—edemeř.

Ana kōny ařmameř. Kilgi'iličilā pařny z'ıřameř, palto kiličilā ařagyn-dan z'ıřameř, sānzy kiličilā jařagyn-dan z'ıřameř, p'yčax kiličilā tyrařagyn-

dan z'itameš, paŷa kiličilā zitaŷyna gelmeš, jumuta kiličilā kočagyna kelmeš, kōlex tōšux kiličilā oč'ux zūjinda o'meš, tolux kiličilā, qar bašynda. tyxta bašynda o'meš.

İnzi kezesine Muŷyskarčax keimif. Kiličilā kōdā čyxramiš:

«Mi qyz ŷm, kōny ač',
iža kelzē,
iža oryx z'u'ne uryp kelzē,
taryx z'u'ne taryp kelzē,
moren sunē čumyp kelzē,
ozen sunē kōč'ūp kelzē,
aryk sune aŷyp kelzē,
zaruquŷa kaŷmas!»—etemeš.

Ana ač'ŷta kōny ač'meš. Kōny ačy ōjinā kelmiš. Muŷyskarčax sormeš:
«Anā, anā, sen izy katyn čilligōr!»—etemiš.

Ana jaŷagan ŷe: «Sen katyn čillāsā, čillā!»—etimeš.

—Pašindegi čilli čilligur!»—dimiš. P'ičax varčilā totagyny da čillāmiš. Čillānmāmiš.

—Anā, anā, anā, men sine katyn čilligur!»—dimiš.

—Ajaŷyndan katyn čilligūr čillā!»—edimeš.

—Ajaŷyna varčilā ajaŷyny pir čilligur!»—dimeš.

—Totagyny čillā! Totagyna pir čillāmiš.

Anden nene kōlmeš.

—Anā, sen katyn čilligur!»—edimeš.

—Men katyn čillūčilā!»—edimeš.

—Syxrānyna varčilā, qāryn ičnā bir tōimiš, sānzu varčilā totagyna veimāmiš. Anden nene inze čillānmāmiš. Muŷyskarčax nene kōlmeš.

—Anā, sen katyn čilligōr!»—edimeš.

—Men katyn čillūčilā!»—edimeš.

Totax jānyna varčilā «katyny čilligur!»—diimif.

«Katyn čilligur» digāndā piŷlar ičnā totagyny čillāmiš. Jikoŷo očuxka varmif. Očuxka vāre očuxne pir kōrmiš.

Jomuta k'ōstigen taŷtamiš. Jumuta kiličilā dūdūdusnige k'ūl jaŷamiš. Jikoŷo zitaŷa vama vāmiš. Zitaŷa vamaŷale jūzne jyŷa bilmiš. Paŷa kiličilā z'apagyny ŷouŷamiš. Anden kačep j'iqyŷy ōjinā kel keimif. Kōle kes-kālter tojinmiš. Anda kōrenmiš. T'osče kičelā Muŷyskarčaxny anda tas ŷltermiš. Tosz'e.

Перевод

Была одинокая девушка. Где-то [она] заснула. Во сне вскрикнула. [Голос ее] коснулся камня. Из камня вышел Мунгыскарчах.

Мунгыскарчах сказал девушке: «Девушка, [ты] знаешь, где родник (букв. выход воды)? Ступай [узнай] и приходи!»

Девушка, плача, отправилась. В пути девушке встретился нож. Нож спросил: «Девушка, ты что плачешь?»

Девушка ответила: «Мунгыскарчах говорит, что придет, съесть меня, потому и плачу!»

Девушка дошла [еще] до одного места. Увидела ножницы. Ножницы спросили: «Девушка, ты что плачешь?»

Девушка ответила: «Мунгыскарчах говорит, что придет [меня] съесть, [потому] я [и] плачу!» Ножницы сказали: «Как достигнуть (букв. прийти) желаемого (т. е. избавления от беды)?»

Затем (девушка) добралась до какого-то места. Увидела ножик. Ножик спросил: «Девушка, ты что плачешь?»

— Мунгыскарчах говорит, что придет съест меня, потому и плачу! — ответила [девушка].

— Девушка, ты не плачь, как-нибудь достигнем желаемого (т. е. избавления от беды)!

[Девушка] достигла еще одного места и увидела шило.

Шило спросило: «Девушка, ты что плачешь?»

Девушка, плача, пошла дальше. [Ей] встретила лягушка. Лягушка спросила: «Девушка, ты что плачешь?»

Девушка ответила: «Мунгыскарчах сказал, что придет [меня] съест, потому и плачу!»

Лягушка сказала: «Бочонок до краев наполни водой. Я приду тебя сторожить!»

Девушка, плача, пошла [дальше]. Увидела яйцо. Яйцо спросило: «Девушка, ты что плачешь?»

Девушка ответила: «Сам Мунгыскарчах говорит, что придет меня съест, потому и плачу!»

— Ты не выметай золу из очага, я приду тебя сторожить! — сказала [яйцо].

Девушка, плача, пошла [дальше]. Увидела кизяк. Кизяк спросил: «Девушка, ты что плачешь?»

Девушка ответила: «Мунгыскарчах говорит, что придет съест меня, потому и плачу!»

Кизяк сказал: «Ты устрой порожек, сделай [вот] такой. Я приду тебя сторожить!»

Девушка опять пришла в одно место. Увидела [каменный] валик.

Валик спросил девушку: «Девушка, ты что плачешь?»

Девушка ответила: «А-а-а, Мунгыскарчах говорит, что придет меня съест, потому и плачу!»

— Девушка, — сказал валик, — ты поверх двери положи меч, я приду тебя сторожить!

Затем девушка убрала комнату, наполнила бочонок водой, подмела под кадкой, положила поверх двери меч. Сделав все это к вечеру, [она] стала ждать.

Пришел Мунгыскарчах. Придя, он закричал у дверей: «Девушка, открой дверь!»

Девушка дверь не открыла. Явившиеся [се защитники] охраняли жизнь (букв. голову) [девушки]. Топор защищал ее ноги, ножницы защищали ее щеки, нож защищал ее щиколотки, лягушка устроилась [рядом с] мечом, яйцо уместилось на груди, кизяк присел у порога, валик уселся на притолке, на доске. Ну вот, к вечеру Мунгыскарчах явился. У дверей [он] закричал:

«Дочь моя, открой дверь!

[Твоя] мать пришла, серпом траву накосила,

граблями траву собрала,

переплыла через большую реку,

переправилась через малую реку,

принесла тебе чистую воду,

для тебя ее и не останется!»

Девушка отворила дверь. Мунгыскарчах вошел в дом. Он спросил: «Девушка, девушка где тебя укусить?»

Девушка ответила: «Где хочешь, там и укуси!»

— Укушу тебя в голову! — сказал [Мунгыскарчах].

Нож подскочил и вошел в губы [Мунгыскарчаха]. [Мунгыскарчах] не почувствовал [боли].

— Девушка, девушка, девушка, где тебя укусить? — спросил [Мунгыскарчах].

— Укуси в ногу, куда хочешь укуси! — сказала [девушка].

— Укушу в ногу! — сказал [Мунгыскарчах].

— Коли его в губы! — сказали [защитники девушки].

[Мунгыскарчаха] укололи в губы. Мунгыскарчах засмеялся.

— Девушка, где тебя укусить? — оказал [он].

— Где хочешь, там и кусай! — сказала [девушка].

Мунгыскарчах ударил ее в живот, но ножницы бросились защищать [девушку] и не дали [укусить] ее в губы. [Мунгыскарчах] опять не почувствовал боли и засмеялся.

— Девушка, где тебя укусить? — сказал [он].

— Где хочешь, там и кусай! — сказала [девушка]. Совсем близко от ее губ [Мунгыскарчах] сказал: «Где укусить?»

Когда [он] сказал «где?», шило укололо его в губы. Все пошли к очагу. [Мунгыскарчах] тоже направился к нему. Яйцо нацелилось в его глаза и залепило их золой. Все потащили [Мунгыскарчаха] под меч. Опрокинули его навзничь. Лягушка ударила [Мунгыскарчаха] по щеке. [Мунгыскарчах] вырвался, [но был пойман], вывален в золе и избит. В тот же вечер Мунгыскарчаха там убили. Конеч.

ПОЭЗИЯ

ПЕСНИ

57. * САЛАР САНЬ ШИ-ПА (ЙИР)

(Ха Ци-ме, женщ., 25 лет, род. в сел. Уллагыл, служащая.
Записано в сел. Уллагыл 9 мая 1957 г.)

Текст

Sałař San' Ši-pa
k'ou'ci tōiguči.
Sałař San' Za-gu
čalip vaḡkuči.
Kořtām āku
ała qyskuči.
Qařa kūzyga
koḡor jarařqan.
Torma turyga
tořtaḡ jarařqan.
Zomor aneřa
kuḡgu jarařqan.
Ała inexk'a
tana jarařqan.
Öitař päřinta
xaŋ'si turguči.
Qar'gař päřinta
čellān turguči.
Kaka-xaḡur — gō!
Leřki lořem — po!

Перевод

Салар Сань Ши-па,
делающий кобуз.
Саларка Сань За-гу,
играющая [на нем].
Девушка из Коштэма,
[мастерица] вырезать из бумаги.
Черному ягненку
хорош (букв. подходит) колокольчик.
Гнедому жеребенку
хороша (букв. подходит) кисточка.
Серой курочке
Хорош (букв. подходит) петушок.
Пестрой корове
хорош (букв. подходит) бычок.
На верхушке тальника
выросшие овощи.
На верхушке карагача
выросшие овощи.
Старший брат — го!
Тоненький [самый] младший брат — по!

58. В ВЕРХНЕМ СЕЛЕ — ТЕЙ-ПО (ЙИР)

Текст

Ör' agyɬ Tei-po,
in'ʃagyɬ A-mo.
Sen-zü ɭaŋkiŋä ʃaŋlin',
ɭoto ʃaŋ pu ɭoze, zälé?

Перевод

[В] верхнем селе — Тей-по (мужч.),
[в] нижнем селе — А-мо (женщ.).
Ты же — на нее колокольчик.
На верблюда не погрузили. Что делать?

ПРОЗА

59. ИСТОРИЯ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ САЛАРОВ (ЛИШИ)

(Ма Му-хуже, мужч., 38 лет, род. в сел. Мынта, крестьянин.
Записано в сел. Алтиюли 27 июня 1957 г.)

Текст

Samarkandi tifanda Axmaňoř pumış. Vu vaňzy iratyř. Samarkandita Qaramaňor pumış. Vu vaňzy iratyř. Iskysy vaňzy čegeşmiş.

Axmaňnigi pēšine piř kişe uřyřy e'miş. Piř kişinige kölegini uřyramış. İnji pu Axmaňnige pēšine Qaramaňnige pişinina qoı pe'miş. Pu iskysy xuaňşoň haında čökeşmiş. Axmaňni pēşini Qaramaňni peşina qoı pe'miş. Ane arasynda Axmanni pēşini kölex paşini arxasyna k'oteře xuaňşoň haızına ke'miş. Qaramaňnige pēšine Axmaňnige pēşin haında ötyramařadyr.

— Pisere kuifin qoıřadyr, piser zuřa eteli!

İnji jatax ořut jırmış. Kic'i ořut toľfanda o'miş.

Pisi saľarnigi kic'i ořuli toľfanda o'qan kinzy mundan ki'miş.

Piser saľarnigi jatax ořulini tařina čixarxusy kinzy mundan ki'miş.

Žatax ořulina naň pe'miş? Töve pe'miş. Semsem su piř zanzy pi'miş. Semsem tōrax piř öman pi'miş. T'empınur pe'miş. T'ıg'zuř pe'miş.

— Puni ž'it ta sen orařař pař! Qaıda tüilese, zemzem tōrax, zemzem su t'empına vuř, t'ıgzyřa vuř! Qaıda čyxsa, qaıda toľsa, anda ötyř!

İnji Samarkandidařy zepuř pe'miş. Zepasy san'si pun Quran pe'miş.

— Puni jaľaž'iqoma! Puni işindegına eri ta k'aľta!

Pu ši zomunnige zepa eř ořan.

Anden tövege jü'läjšinen jırmış. İnji «jima haľa zaňvu» tese, «k'arma, haľa» teľa. «Taři t'ukku nima» tese, «hořtungı kārma» teľa. «Nizyř» tese, «nāzyř» teľa. «Nāzyř» tese, «piřeľ» teľa. «Nizyř» dese, «isky jil» deľa.

Piser saľar turkečinēnen jaľasa, «nima haľa zaňvu» tese, «kun čix kēguncax, kun paqquncax jir» teľa. «Taři t'ukku nima» dese, «hortungı kārma» deľa.

Piser saľar turkečinēnen jaľasa, «aı čix kēgüta ötyr!» teľa, «aı pař-qüta jir!» teľa.

Anden jiri «qāľa je'miş?» tese, «Ž'inza-Mınzařa je'miş» teľa.

Tyňzyřa vursa, tyňzy toľmiş teľa. Pięne vursa, pię toľmiş teľa. Anta piř kun o'miş teľa.

Taž'i (<taň atž'i) kēse, töve xu'miş teľa. Xuqqana jüxni vuržinen jırmış teľa. Anden jüržinen Peřjine je'miş teľa. Pu saľane piř čyqy te pię vursa, semsem tōrax čyxmamış teľa. Tyňzyřa vur čyxmamış teľa. Semsem sune tięzy, t'emp'ıg iskysyna da vursa, čixmamış teľa. Attun ž'iz'inen su

járāyan jerar teŕa. Kumuš c'izinen č'ōp járāyan jerar teŕa. Puŕyx sājāni pu jōānjninēn c'itaŕmamij teŕa.

Anden (Peizinden) jūrzinen Łan'jouŕa je'mij teŕa. Łan'jou je tutu o'qan jerar teŕa. «Pu sājane piŕ čyqqy ta o'qý!»—teŕa. Aŕtun c'ic'i su piŕnagan jerar teŕa. Kumuš c'ic'i č'ōp piŕnagan jerar teŕa.

Piŕna vursa, semsem tōrax, semsem su, iŕkysy ta, čyxmamij teŕa. Tyŕzyŕa vuŕsa, semsem tōrax, semsem su, iŕkysy da, čyxmamij teŕa.

Łan'jouden jūrzinen Gan'za tese, je'mij teŕa. Őryn^y ućirsa, tizden tizeŕ teŕa. Ėse ućirsa, piŕnden piŕaŕ teŕa. «Pu sājani qoi čyqqý ta, at čyqqý da, kōlex čyqqý ta, maŕdan maŕ čyqqý da koŕieŕ tūŕlāgu rar te sājani čyqqý!»—teŕa.

Piŕne vursa, semsem tōrax, semsem su, iŕkysy da, čyxmamij teŕa. Tyŕzyŕa vursa, semsem tōrax, semsem su, iŕkysy da, čyxmamij teŕa. Aŕtun z'iz'inen su ta'pmaŕan jerar teŕa.

Kumuš c'ic'inen č'ōp ta'pmaŕan jerar tera. Pu jūānjinnēn pu sājane c'itaŕmamij tera. Kan'za tizden jirjinen Siliŕa je'mij tera. Siliŕ je peg oxqu jerar tera. «Pu sājane piŕ čyxqý!»—tera.

Tyŕzyŕa vursa, tyŕzy toŕmur teŕa. Piŕne vursa, piŕ toŕmur teŕa. Semsem su, semsem tōrax, iŕkysy ta, čyxmamij teŕa. Aŕtun z'iz'e su piŕnagan jerar teŕa. Kumuš c'ic'e č'ōp piŕnagan jerar tera. Tinzy, tempina semsem su, semsem tōrax čyxmagúŕa jūānjninēn pu sājane c'itaŕmamij teŕa.

Siliŕdan jūrcinen Pejana je'mij tera. Őren ućirsa, mantony taŕar teŕa. Uŕiŕx maŕ c'ic'i koŕieŕ t'ulagu jerar teŕa. Ėiŕane ućirsa, manton taŕar teŕa. A't zic'inen, kōlex c'ic'inen koŕieŕ t'ulagu jerar teŕa. Aŕtun c'ic'i su jaryŕu jerar tera. Kumuš c'ic'i č'ōp jaraŕu jerar teŕa. Tyŕzy, tempina vuŕsa, semsem tōrax, semsem su, iŕkysy ta, čyxmamij teŕa. Pu jōānjninēn pu sājane z'itaŕmamij teŕa.

Pejandan jūrzinen Kan'tu tese, je'mij teŕa. Őraxar ućirse, piŕnden piŕara. Ėse ućirsa, tizden tizara. Janina ućirsa, ulli morenara. Anta uŕ kun o'mij teŕa. Aŕtun z'iz'inen su piŕnagan jerar teŕa. Kumuš c'ic'inen č'ōp piŕnagan jerar teŕa. Tyŕzy, t'empina vuŕsa, semsem tōrax, semsem su, iŕkysy ta, čyxmamij teŕa. Pu jōānjninēn pu sājani z'itaŕmamij teŕa.

Kan'tu tizden jirc'inen Otuz-taŕqa je'mij teŕa. Őren^y ućirsa, piŕnden piŕara. Ėse ućirsa, piŕnden piŕara. Aŕtun z'iz'inen su ta'pmaŕan jerara. Kumuš c'ic'inen č'ōp tapmaŕan jerara. Tyŕzyŕa vuŕsa, semsem su, semsem tōrax poŕzeŕ pūmij teŕa.

Piŕne vuŕsa, semsem tōrax, semsem su, iŕkysy, poŕzeŕ pūmij teŕa. Anda o'mij teŕa. Vu keŕysy tōjini jaŕa'mij teŕa. Pu piŕ āmaŕ kiŕe xōpāne tiŕterzinen aŕex iz'ini tellemij teŕa. «Qaŕa pāmij?» tese, «O't-poŕnax tōvūne eŕpāmij» teŕa. Őt poŕnaxne o'tne kōzy tiŕqúŕa Őt-poŕnax temiŕa. «Anden tōje qaŕa pāmij?» tese, «Aŕtūle jule paŕjinen je'mij» teŕa. Tōjeni x^oarsa, xō^pmamij teŕa. Jūxne indermij tera. Indergana tōje ax taŕa pellenmij teŕa. San'ŕi puŕ Qoranni mečitā qoimij teŕa.

Tyŕzyŕa vursa, semsem tōrax, semsem su, iŕkysy ta, tommij teŕa. Piŕne vuŕsa, semsem tōrax, semsem su tommij teŕa. Aŕtun c'ic'i su piŕnagan jerar tera. Kumuš c'ic'e č'ōp piŕnagan jerar tera. Pu jōānjninēn pu Aŕtūli sājani z'iz'mij teŕa.

«Sunigi peŕkeŕe qaŕdan keimij?» tese, «tōje ja'qan, tōjeden keimij» tera. «Ulli zama'tnigi peŕkeŕe qaŕdan keimij?» tese, «san'ŕi puŕ Qorandan keimij» tera.

Aŕtūli je, tunŕaŕa kēse, paŕkenigi eiŕar teŕa. Avu tuŕuŕsa, ana tuŕuŕsa, Aŕtūli aŕxun paŕke oxu at koŕ peŕući eiŕar teŕa. Aŕtūli je tun'ŕadan jan'sa, yŕ kiŕ, qātyn kiŕniŕge ullisy, kicisy zynāze zaŕŕaŕuŕiniŕge eiŕar tera. Aŕtūli

‘e ulli zamara’t teṛa. Piser sāṭarnige kic’i xāzaṛa. Aṭṭūli je pirket pōṛan āṛyṭṭara, mōvāxā’p pōṛan āṛyṭṭara.

3’i-zy, 3’eṇṭaṅ tēse, t’ūige oṛuṭṭara. Tāṭaṇnigi oṛuli 3’i-zyṛa Xūvu san’n’an’ o’miṣ. Ōren’ uṭirsa, ulli xujara. Āṛaṣ jaṭṭa šaṅxō ec’i kōṇieṅ t’ūlagu jerara. 3’e-zy kifi šaṅxō e’ken jōānji myndan keīmiṣ. Ēṣen’ uṭirsa, ulli morenara. Agas jaṭṭa fāsy paṭṭa ḷan’jouṛa endere koṇieṅ t’ūlagu jerar te u sāṇani 3’iz’miṣa.

Jānina uṭirsa, pēxe qaṛara. Eṛtaṣ ec’ijuxar(=ju’par) vuṛe, sujaṅ vuṛe, pēsaṅ vuṛe kōṇieṅ t’ūlagu jerara. Īnji 3’e-zy tosqan. Seṅyr, seṅfaṅ tēse, ti eṛge oṛuṭṭara.

Ōren uṭirsa, tāṭuī tenz’ara. Zūnge ec’i pēqarax kīgú, xōṛyn e’qú jerar te Seṅyr sāṇani 3’ūz’miṣa. Ēṛse uṭirsa, ulli murenara. Fāzy paṭṭa su zūmi kōṇieṅ tūlagu jerara. Pu jōānjineṇen Seṅyṛ kifi aṛaṣa jāmani myndan kēmiṣ. Seṅyṛ kifi jipizy pipi aṛaṣa tēpān ec’ipaṛ. Oṁaṭda seṛynṭeṛ fuṭṭameṣ. Īnji Seṅyṛ tosqan.

Jāzy-jāmyn tēse, tēseṅgi oṛuṭṭaṛ. Jāzy-jāmyn ṣi joip’an, ṣip’annigi eṣaṛ teṛa. Jāzy kifi jāmyn jiri kōṇiyn t’ūlagu jerar teṛa. Ōryn’ uṭirsa, te’t (tō’t) qoṭṭur pūmiṣ teṛa. Pēṣin o’qúṭa jāmyn jirzineṇ tun’ia saṭṭaṛu jerar tera. Ēṛse uṭirsa, t’ō’t qoṭṭar tera. Pēṣin o’qúṭa jāmun jiri tun’ia saṭṭaṛu jerara te pu sāṇane 3’ūz’miṣ teṛa. Īnji Jāzy tosmiṣ.

Suṛy, sūfāṅ tēse, ti syke oṛuṭṭaṛe. Ōren uṭirsa, piṇden piṇara. Zūnge ec’i koṇieṅ t’ūlagu jerara. Ōren uṭirsa, ēṣix 3’iz’3’e, inex 3’iz’3’e puzōṭa’ttyre, qōtyṭa’ttyre koṇieṅ t’ūlagu jerara. Ēṛṣen uṭire zūnge ec’i koṇieṅ t’ūlagu jerara. Ēṣe uṭirsa, piṇden piṇara. A’t 3’ize qoṭuṭṭa’ttyre, ysnu c’ic’e, oṭax, qo’uzy čyqqu jerara. Suṛy ṣi kō jere pāmaṛan kinzy myndan kēmiṣa. Suṛy ṣi Zūngenige eṣsara. Suṛy ṣi aṣyṅ malnige eṣsara. Suṛy ṣi eṣṣix qōṭuṭṭaṛanige eṣsara. Suṛy ṣi mōṛen qyṛynda o’tsa da, mōṛennigi heṭtesine zaṭṭāi joṁara. Oṁaṭdaṛy papaṭar fuṭṭamiṣa. Tosqan.

Перевод

В местности, [называемой] Самарканд, жил (букв. был) Ахманг. Он — князь. В [самом] Самарканде жил (букв. был) Караманг. И он — князь. Оба спорили из-за власти.

Один человек [из] рода Ахманга совершил кражу, украл чью-то корову. Род Ахманга возвел [клевету] на род Караманга. Оба они пожаловались правителю [Самарканда] (букв. преклонили колена). Род Ахманга начал [клеветать] на род Караманга. В это время [кто-то из] рода Ахманга вошел к правителю, неся на спине голову коровы. Род Караманга не [хотел] жить (букв. сидеть) рядом с родом Ахманга.

— На нас наклеветали, мы переселимся [отсюда]! [— сказал род Караманга].

Двинулся старший (букв. большой) сын [Караманга]. Младший (букв. малый) сын [остался] жить (букв. сидеть) на родине (букв. старом доме).

Наш саларов корень идет от него, т. е. младшего (букв. малого) сына [Караманга], который [остался] жить (букв. сидеть) на родине (букв. старом доме).

Наш саларов корень идет и от того старшего (букв. большого) сына [Караманга], который откочевал (букв. вышел наружу).

Что дал [Караманг] старшему (букв. большому) сыну? Дал верб-

люда. Дал чашку священной воды. Дал один оман¹ священной земли. Дал большие и маленькие весы.

— Возьми [все] это и ступай на юг (*букв. вверх*)! Где будешь сравнивать, [там] взвесь священную воду на больших весах и на малых весах. Где получится, где [вес] сравняется, [там] и живи (*букв. сядь*)! — сказал Караманг].

[Еще он] дал свидетельство о Самарканде. Свидетельство это — тридцать частей Корана.

— Не потеряй! Следуй содержанию его и [соответственно] поступай! [— сказал Караманг].

Это и есть свидетельство веры.

Затем, погрузив [вещи] на верблюда, [старший сын] двинулся в путь. Если скажут: «йима хала зангву», [то] говорят: «кярма хала». Если скажут: «таши тукку нима», [то] говорят: «хортунги кярма». Если скажут: «низыг», [то] говорят: «назыг». Если говорят: «назыг», это означает: «один год». Если говорят: «низыг», [то это] означает: «два года».

Если говорить по-нашему, саларско-тюркски, «нима гала зангву» [означает]: «Передвигайся, [как только] солнце взойдет и [пока] солнце не сядет». Если скажут: «таши тукку нима», [то] говорят: «хортунги кярма».

Если говорить по-нашему, саларско-тюркски, [то это означает]: «[Пока] не взошла луна, делай привал [на ночлег]» и «Как взойдет луна, собирайся в путь!».

Если спросить, идя [дальше], куда пришли (*букв. добрались*), [следует] сказать: «Достигли Чинза-Минза». Взвесили на малых весах — вес сравнялся, говорят. Взвесили на больших весах — вес [тоже] сравнялся, говорят. Там остановились на один день, говорят.

На рассвете верблюд встал, говорят. На него погрузили [вещи] и двинулись [дальше], говорят. Достигли Пекина, говорят. Говоря: «Испробуем это место», взвесили [землю] на больших весах — [вес ее] оказался неравным [весу] священной земли, говорят. Взвесили на малых весах — [вес земли тоже] не сравнялся, говорят. [Вес местной воды с весом] священной воды на малых и больших весах взвесили — [они] не сравнялись. Это местность, где воду потребляют, расплачиваясь золотом, говорят. Это местность, где траву потребляют, расплачиваясь серебром, говорят. [По] этой причине такую местность [они] не могли использовать, говорят.

Выехав оттуда, [они] достигли Ланьчжоу, говорят. «Испробуем-ка это место, да поселимся (*букв. сядем*)!» — говорят. [Оказалось], это местность, где вода — на вес золота, говорят. [Оказалось], это местность, где трава — на вес серебра, говорят.

Взвесили на больших весах — [вес местной земли и воды с весом] священной земли и священной воды не сравнялись, говорят; взвесили на малых весах — [вес местной земли и воды с весом] священной земли и священной воды [тоже] не сравнялись, говорят.

Выехав из Ланьчжоу, [они] достигли Ганьчжа, говорят. Посмотреть на юг (*букв. вверх*) — ровным-ровнехонько, говорят. Посмотреть на север (*букв. вниз*) — ровным-ровнехонько, говорят. «На этой местности овцы будут, кони будут, коровы будут, скот будет плодиться — можно будет жить (*букв. проводить время*)», — сказав, [они решили]: «Испробуем-ка это место!», говорят.

Взвесили на больших весах — [вес местной земли и воды с весом]

¹ Оман — мера веса, равная 0,5 кг.

священной земли и священной воды не сравнивались. Взвесили на малых весах — [вес местной земли и воды с весом] священной земли и священной воды не сравнивались, говорят. Это местность, где воду и за золото не найдешь, говорят. Это местность, где траву и за серебро не найдешь, говорят. [По] этой причине эту местность [они] не могли использовать, говорят.

Выехав из Ганьчжаской равнины, [они] достигли Синина, говорят. Синин — место, достойное для жизни (*букв.* сидения) князя, говорят. «Испробуем-ка это место!», говорят.

Взвесили на малых весах — веса не сравнивались, говорят. Взвесили на больших весах — веса [тоже] не сравнивались, говорят. [Вес] священной воды и священной земли не сравнился [с весом местной воды и земли], говорят. Это местность, где вода — на вес золота, говорят. Это местность, где трава — на вес серебра, говорят. На малых и больших весах [вес местной воды и земли с весом] священной воды и священной земли не сравнивались — по этой причине [они] не могли использовать эту местность, говорят.

Выехав из Синина, [они] достигли Пеяна, говорят. Посмотреть на юг (*букв.* вверх) — гора как пампушка, говорят. Местность, где можно жить (*букв.* проводить время), выращивая мелкий скот, говорят.

Посмотреть на север (*букв.* вниз) -- гора как пампушка, говорят. Местность, где можно жить (*букв.* проводить время), выращивая коней и коров, говорят. [Но] это местность, где воду потребляют, расплачиваясь золотом, говорят. [Но] это местность, где траву потребляют, расплачиваясь серебром, говорят.

Взвесили на малых и больших весах — [вес местной земли и воды с весом] священной земли и священной воды не сравнивались, говорят. [По] этой причине [они] не могли использовать эту местность, говорят.

Выехав из Пеяна, [они] достигли Ганьду, говорят. Посмотреть на юг (*букв.* вверх) — ровным-ровнехонько. Посмотреть на север (*букв.* вниз) — ровным-ровнехонько. Вблизи посмотреть — большая река. Там [они] остановились на три дня, говорят. [Но] это местность, где вода — на вес золота, говорят. [Но] это местность, где трава — на вес серебра, говорят. Взвесили на малых и больших весах -- [вес местной земли и воды с весом] священной земли и воды не сравнивались. По этой причине [они] не могли использовать эту местность.

Выехав из Ганьдуской равнины, достигли [местности] Отуз-таг, говорят. Посмотреть на юг (*букв.* вверх) — ровным-ровнехонько. Посмотреть на север (*букв.* вниз) — ровным-ровнехонько. [Но] это местность, где воду и за золото не найдешь. [Но] это местность, где траву и за серебро не найдешь. Взвесили на малых весах — [вес местной воды и земли с весом] священной воды и священной земли примерно сравнивались, говорят.

Взвесили на больших весах — [вес местной земли и воды с весом] священной земли и священной воды примерно сравнивались, говорят. Там остановились, говорят. В тот вечер потеряли верблюда, говорят. Группа людей с факелами пошла по его следам. Если спросить: «Куда добрались [эти люди]», [то следует] сказать: «[Они] спустились к [подножию горы] От-пойнах. Здесь зажгли костры (*букв.* зажгли огненные угли), [поэтому] и называли [эту местность] От-пойнах». Если спросить: «Оттуда куда пошел верблюд?», [следует] сказать: «Верблюд, пойдя, добрался до источника в Алтули. Пытались поднять верблюда, [но он] не встал, говорят. Сняли [с него] груз. Как только сняли груз, верблюд превратился в белый камень, говорят. Тридцать частей Корана отнесли в мечеть, говорят».

Взвесили на малых весах — [вес местной земли и воды с весом] священной земли и священной воды сравнялись полностью, говорят. Взвесили на больших весах — [вес местной земли и воды с весом] священной земли и священной воды полностью сравнялись, говорят. Это местность, где вода — на вес золота, говорят. Это местность, где трава — на вес серебра, говорят. По этой причине [они решили] использовать эту местность Алтули, говорят.

Если спросить: «Откуда нисходит милость [в отношении] воды», [то следует] сказать: «[Она] нисходит от места, где лежит верблюд, от верблюда [самого]!» Если спросить: «Откуда нисходит благодать великой общины», [то следует] сказать: «[Она] нисходит от тридцати частей Корана!»

Если кто-либо родится (*букв.* явится миру), в Алтули — мастера молить, говорят. Родится сын, родится дочь — алтулийские ахуны мастера читать молитвы и давать имена [новорожденным], говорят. Если кто-либо умрет (*букв.* уйдет из мира), в Алтули — мастера заупокойных [молитв] по мужчинам и женщинам, старым и малым, говорят. Алтули — великая община, говорят. Это наш саларский малый хадж. Алтули — [одно из] благословенных и любимых селений.

Если говорить о Чицзы, [то там] — первые сыновья от первой жены [старшего сына Караманга]. Сын старшей жены поселился в Чицзы в третьем году правления периода Хунну (Минская династия, т. е. 1371 г.).

Посмотреть на юг (*букв.* вверх) — опромный лес. Местность, где можно жить (*букв.* передвигать время) рубкой леса и обработкой дерева. Способности к обработке дерева у населения (*букв.* людей) Чицзы происходят отсюда. Посмотреть на север (*букв.* вниз) — большая река. В этой местности можно жить (*букв.* передвигать время) переправой на плотах, вплоть до Ланьжаоу.

Посмотреть вокруг — высокие скалы. Места, где можно жить (*букв.* передвигать время), охотясь, добывая мускус, добывая диких баранов и диких коров. О Чицзы — все.

Если говорить о Сенгыре, [то там] — вторые сыновья от второй жены [старшего сына Караманга]. Посмотреть на юг (*букв.* вверх) — местность, где много воды. Сенгыр — место, где [люди] обрабатывают землю, хорошо одеваются и благоденствуют. Посмотреть на север (*букв.* вниз) — большая река. Место, где можно жить (*букв.* передвигать время) переправой на плотах и купаясь в воде. По этой причине люди Сенгыра мастера по дереву (*букв.* злы к дереву). От поколения к поколению они занимаются обработкой дерева. В прежние времена и предки занимались [тем же]. О Сенгыре — все.

Если говорить о Язы-ямыне, [то там] — третьи сыновья [от третьей жены старшего сына Караманга]. Язы-ямын — административный центр. Люди Язы говорят, [что это] — место, где можно жить (*букв.* передвигать время), занимаясь управленческими [делами].

Посмотреть на юг (*букв.* вверх) — [там] четыре реки, говорят. Со времен поселения народа это — место, где можно проводить время (*букв.* мир), занимаясь правительственными [делами], говорят. Посмотреть на север (*букв.* вниз) — [тоже] четыре реки, говорят. Со времен поселения народа это — место, где можно проводить время (*букв.* мир), занимаясь правительственными [делами]. О Язы — все.

Если говорить о Сучжы, [то там] — четвертые сыновья от четвертой жены [старшего сына Караманга]. Посмотреть на юг (*букв.* вверх) — ровным-ровнехонько. Место, где можно жить (*букв.* передвигать время), занимаясь земледелием. Посмотреть на юг (*букв.* вверх), [то это] — место, где можно жить (*букв.* передвигать время), выращивая коней, ко-

ров и осликов. Посмотрев на север (букв. вниз), [следует сказать, что это] — место, где можно жить (букв. передвигать время), занимаясь земледелием. Посмотреть на север (букв. вниз) — ровным-ровнехонько. Место, где держат, выращивают коней, [а также] выращивают мелкий скот — козлят, ягнят. В Сучжы — коренное население, которое никуда не переселялось. В Сучжы — мастера земледелия. В Сучжы — мастера [по разведению] мелкого рогатого скота. В Сучжы — мастера по выращиванию осликов. Сучжы хотя и находится на берегу реки, но [люди] не получают никакой пользы от реки. В прежние времена деда поступали так же. Конец.

СКАЗКИ

60. * ВСЕ ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ (ТОМБАХ)

(По словам рассказчика, это китайская сказка, слышанная им от стариков-саларов в Чицзы)

(Ма Му-хуже, мужч., 38 лет, род. в сел. Мынта, крестьянин.
Записано в сел. Алтнполи 27 июня 1957 г.)

Текст

Pösyř pūmif. Ninusuř pūmif. Aḡa anuř pūmif. Nene bosyř pumif. Aḡa avuř pumif. Ane anasini avuḡa peimif. Vu ana xutu jāc'ux pumef. Kijosy sāz'ixqa pāmeř. Sāz'ixqa parjīnen sēkes jīł janmamif. Pu qātyn kic'ux heř kune mijoḡa bař vurma pāmeř. Tyssy kałāmif, xāxyt kałāmif. Ene keḡuni kiḡi te kałāmif.

İnḡi nene piř pař kiřniḡi avusy heř' kun'i pu qātyn kiḡa uciřpadyr. Pu ana jirigene pu avu mijoquvaḡ haḡina parjīnen: «Pu qātyn kiři qaıda-ḡatyr?—tiḡinen sorpātyř. — Pu heř kuni mijoḡva kēpatyř. Naḡ eḡ'z'i kēpař?»

Pu mijoḡuvaḡ jāřac'i: «Puni kiḡusy sāz'ixqa parzi. Sēkys jīł janmameř. İnḡi par mu jox mu teiḡinen jaxři kałapātyř».

Arzigune pu ana tyssy, xāxyt kałama kiimif. Miḡokuan sormif: «Sen kiḡoj kelto mu, kēmiḡi?»

— Mē kiḡom kēmiḡi, ḡ'iq ta kēmiḡi!

Anten ana janmif. Avu kiimif. Avukiḡiḡinen miḡokuana jāřšamif: «Maḡa pune jařa-dy ḡē!»

Pu miḡokuan jāřfamif: «Jaxři kałḡagan qātyn kiři naḡ te saḡa jāřa kiḡuř?»

Avu jāřfamif: «Men saḡa heli xutu peḡiḡ!—timeř.

— Men jāřaḡy ta paḡḡy!—timif.

Arzikuni ana kēmif. Miḡokuan jāřfamif: «Meni pařinda piřtur paḡtýř!—temif. Sanzy sonux'n'e k'oguga ḡaḡnaḡinen tizex zijine qoimif. Kōř'ūxur-ni fuřjīnen unduḡi z'ine qoimif. Piř-piř teringende pu iḡkysy tōimif.

Pu ana miḡokuana sormif: «Seni tōjuřkeni naḡdyř?»

— Men saḡa jāřamas!—teimif.

— Sen jāřa!—teimif.

— T'ct'e, saḡa jařaḡusy emestyř. Saḡa uḡe't. Men jan'jałmaḡatyr:

— Jāřami na'kuř? Men ta qātyn kiḡatyř, sen te qātyn kiḡadyř!

— İnḡi sen oḡḡa pař. Ėtesy erkē. Men saḡa jařaḡy!

İnḡi avu kiimif, miḡokuana sormif: «Pu qātyn kiři onaḡar mu, onama-ḡar?»

Miḡokuan jāřfamif: «Sen maḡa heli k'op perse, men saḡa jařa kiḡiḡ!»

Pu avu heli aḡa xutu peĩmif. Arzi ana kiĩmif. Tyssy kaťamif, xāxyt kaťamif. Kaťa pōjĩnen mijokuaḡ haĩine kiĩmif. Mijokuan, iškysy, k'a'č'aľamif.

— Kejigi k'a'č'ane maḡa jaľa!

Mijokuan jaľfamif: «Men kec'iz'uxten mijuta jaxši kaťamif. Piř kiľa ta soľanmamif. Inji men xarimif. Xāryřana ařryx k'op padyř. Toľkeni uva-dyr (<vu padyr)!»

Vu qātyñ kiľi jaľfamif: «Men kemosayā piř soľansa, soľaḡyř. Soľan-masa, xaryřu — aji pādyř! Ĵana sen maḡa (kem vōsane) piř iřtē-de gē!»

Mijokuan jaľfamif: «Ĵzy jaxši kaťaḡan kiľi, qaľta iřti kēḡuř? Ĵjeḡ iřte!»

Pu qātyñ kiľi jaľfamif: «Men ĵipizy kō čyxmařan kiľi, men qāľa iřte pařuř?»

— Inji sen ĵan-da bār. Ētysy munda o'qusy ē't-ta gē!

Ētysy qātyñ kiľi keĩmif. Xāxyt kaťamif, tyssy kaťamif. Pu mijokuan, iřkysy, k'a'č'a jaľamif, čā iřmif. Mijokuan pařĩnen avuřa: «Puřozi (<pugun keze) kē!» — teĩinen jaľfamif.

Ezy taľina čyxpāřanā: «K'aḡ paľ!» — teĩmif. Anā ma mijokuaḡ, iřkysy, ja'mif.

Ĵa'qana mijokuaḡ: «Meni xusařym āyrydyř! — teĩmif, — men mōkana pařu keľeḡar!» — temif.

Mijokuan pařĩnen avune (// avuřa): «Ananē kaḡ paľ!» — teĩmif. Avu pařĩnen pu qātyñ kiľni pasmif. Pu qātyñ kiľi zyqyramif. Mijokuan pāmif. Pařĩnen pu iřkysyne z'ūz'mif.

— Piřer jaxši kaťaḡan mijota sen iřkysyḡ pelisi iř e'kadyř! Ētysy men ľēḡa jeľařutyř!

Pu ana: «Heli elli tāsyř peĩḡ! — temif, — kiľa jaľšaquma!» — demif.

Avu mijokuaña ĵaľamif: «Kiľa jaľšaquma! Men saḡa heli xutu peĩḡ!

Mijokuan jaľfamif: «Heli maḡa permese, men yzytařa jaľařutyř!»

Arzikune avu ma ana, iškysy, helini akeĩĩnen mijokuaña perzi. Mijokuan jaľfazi: «Ēteden mijořa kēquma! Qaľda e'sse, e't!»

Inji pu yř kiľ'ux anani ojyna her kuni pāmif. Piř keřesuř avu arxanz'ux ja'mif. Ōrařar z'ixuřmif. Z'ixučayř tāřuřa tegmif. Anā ma avu piľmemif.

Anden anani kiľusy keĩmif. Ĵe'c'inen vu ečixke učirmif. Učirz'anā z'uřčixne kormif. Pu avu keĩnina jaľfazi: «Oje kem keĩzi? Pu sōryte kem ĵac'c'ip?»

Ana jaľfazi: «Piř kiľ ta kēmezi. Sen pāřanden me ĵaľuzum jaľz'z'e!»

Avu jaľfazi: «Inji sen arxanz'ux ja't. Sen ečixke z'ixor!»

Nez'z'i z'ixorsa, ečixke je'teraľmamif.

Pu avu sorzi: «Ĵje kō čix parsā, soľanpař. Sen qātyñ kiľi ĵaľuzuy o'ssa, kiľa soľanar. Sen maḡa z'inz'uguni jaľa! Men seni vařmařý!»

Peľeḡuľa qātyñ kiľi jeľfazi: «Men her kune mijořa tyssa kaťama pařzi. Mijokuan paľinda pit paľperzi. Pit paľ perse, toľľ ĵityř. Toľľiquľa men sorzi.

— Men oxalďa kiľa soľanmařuľa toľľšipař!

— Etiguľa maḡa kiľi iřti-te gē! — teĩzi, — men piř soľaḡyř!» tiĩzi.

Kiľosy jaľfazi: «Ēte u kič'uxne keite. Kēḡuľa ani c'ĩľne sen c'ĩľľetořoľ Kijo sāz'ixqa pařzi te z'ĩľlemese, men seni ulterřutyř!»

Qātyñ kiľi anigi z'ĩľni c'ĩľlec'i. Puni kiľosy u kiľesy pařĩnen mijo-kuañni ultermif. Ulterĩnen āřzyna pu kiľuxni c'ĩľeni qoľkeĩmif. Miľo kōne uľ t'ōt kun aľmamif.

— Pu kōne mijokuan nēḡē āšixtyřaḡ je? Mijokuañne paľmar — nešľeř e'mif?

Tamden enparjinen paxmā pāmīf. Parsa, mijokuanne ultermīf. «İnji aŗytnige mijokuanne kem ultermīf» — te iſte pāmīf.

İnji taluiŗa ċūxme pāmīf: «Pesernigi mijokuanimne kem ultirzi, ultermīf?» Jamyn kiſi iŗ keīmīf. ſaŗyni zaſamīf. Ćaſa, aŗzynda c'itŗur pumīf. İnji pu z'ıl joxmaŗuċini iſtegelī!

Aŗyni jŗmīf. Yŗ kiſi, qātyñ kiſi, ulli, kic'ı — man jŗmŗf. Jŗzinen yzdanigi c'illeni uċirmīf. C'ille ċixkeimemīf. İnji kiſini paxmīf. Kiſini paxsa, morannigi ſoŗesi kēmemīf. Ojyna ċaſamā pāmīf. Parsa, c'illi joxmaŗan, keſatmamīf. Teku paŗtaŗinen āparmīf. İnji muŗa sormīf: «Sen mijokuanni neſliċe ulterc'ı?» C'eli joxmaŗana jaŗa pilmemīf. Puni ultermīf.

Pīŗ kunor anani kijosy keĩnina jaŗamīf: «Apā ma ijane ċaŗa-dy gē! Men sāz'ixtan keĩjinen jāziz'ux ċa vuŗ tyŗna!»

— Men apā ma ijane ċaŗa kiŗgil!

Ćaŗa kiŗjinen ċosy ċa iſmīf. Keſojinen (<keſ pōjinen) ojyna pāmīf. Aŗzikune keĩnina nene jaŗamīf: «Apā ma ijane ċaŗa-dy gē-da sormur iċelē!»

İŗasý ma apasy kiŗmīf. Puċosy pīŗ jerte sorma iſmīf. Keĩnine sorma kāŗa syttŗma jŗrmīf. Kijusy paŗjinen ajaŗyneen pīŗ taŗmajinen sorma kāŗa tōŗuzy ender jŗrmīf. Ezy keĩjinen sogute o'mīf. O'tz'inen: «Sorma āt-dy gē!» — de keĩnin'ı ċaŗamīf. Keĩni ulmīf.

— Nene kē joxtyron — de paxma pāmīf. Paxma parsa, kiŗni ulmīf. İnzi ezy jŗŗameſ. İŗasý ma apasy avune ċōllāmīf: «Jŗŗaŗoma, azisy joxmasa ta, siŗnine peĩgil!»

Pu avu onamamīf. İnji mune pu avunigi ċiseĩ jamanatyŗ. Mijokuanne ultermīf. Avu keĩnine hem ultermīf. Keĩninige nōhũrine hem ultermīf.

Keĩnini siŗnine kēñ peĩmīf. Siŗni azisyna xysa da c'emenadyr! Avu: «Men kelemes, men keĩnym uljinen, men keĩñ aŗmas!» Apasý ma iŗasy jaŗamīf: «Uŗuċi oŗsa ta, almi neſŗur?» — temīf.

İnji pu siŗnine almiſ. Pu z'uriċixtan zaŗazinen uſ kiſnige jānlni almiſ. Pu avu keĩnur aljinen o'mīf. Oŗurunden iſ kaŗŗaŗuċi qāŗaŗda vōsa, aŗe^f p ċŗx keler. Pu uſ kiſnigi zusyne poŗāmīf. Tosmīf.

Перевод

Были старик и старуха. У них была дочь. Был еще старик. У него был сын. [Старик и старуха] выдали свою дочь за юношу. Девушка была очень красивой. Муж ее уехал торговать и не возвращался восемь лет. Женщина каждый день ходила в монастырь молиться. Возжигала ароматные свечи и бумагу. Все это делала для того, чтобы ее муж вернулся [домой].

И еще сын одного богатого человека каждый день смотрит на эту женщину. Однажды, подойдя к служанке монастыря, он спрашивает [у нее]: «Откуда эта женщина? Она каждый день приходит в монастырь. Зачем [она] приходит?»

Служанка ответила: «Ее муж уехал торговать. Восемь лет [прошло], [он все еще] не вернулся. [Она] ревностно возжигает ради него (букв. говоря, есть ли он, нет ли)».

На следующий день женщина [снова] пришла возжигать свечи и бумагу. Служанка спросила: «Твой муж приехал или нет?»

— И муж не приехал и письма нет! — [ответила женщина]. Затем она ушла. Пришел юноша и сказал служанке: «Позови мне эту [женщину]!»

Служанка сказала: «Зачем тебе звать женщину, которая [так] хорошо молится (букв. возжигает)?»

Юноша сказал: «Я дам тебе много денег!»

— Попробую позвать [ее]! — сказала [служанка].

На другой день женщина пришла [опять]. Служанка сказала: «Понщи у меня в голове!» Сама [она] положила под юлени себе мешочек с разбитой чашкой, а под себя положила, надувши, мочевой пузырь. Когда [она] двигалась, эти вещи издавали звуки.

Женщина спросила у служанки: «Что у тебя звенит?»

— Я тебе не скажу! — ответила [служанка].

— Скажи! — попросила [женщина].

— Госпожа, не буду тебе говорить. Ты застыдишься. Я не могу сказать! — [сказала служанка].

— Почему не сказать? Я женщина и ты женщина! — [сказала женщина].

— Сейчас ты ступай домой. Завтра приходи пораньше. Я тебе объясню! — [сказала служанка].

Пришел юноша и спросил служанку: «Согласится эта женщина или нет?»

Служанка ответила: «Если дашь мне много денег, позову тебе [ее]».

Юноша дал [служанке] много денег. На следующий день пришла женщина. Зажгла свечи, бумагу. Кончив возжигать, [она] отиравилась к служанке. Обе разговорились.

— Скажи мне, что вчера обещала, [— сказала женщина].

Служанка сказала: «Я с детства усердно молилась (*букв.* возжигала) в монастыре. Ни с кем не согрешила. Теперь вот состарилась. От старости много болезней [происходит]. Звенит — тоже от этого!»

Та женщина сказала: «Если согрешу с кем-нибудь, ну и пусть! Не согрешу — старость окажется виной [всех болезней]. Найди мне кого-нибудь!»

Служанка сказала: «Я сама — усердно молящийся человек. Где [я тебе] найду? Сама ищи!»

Женщина сказала: «Я с детства не перешагивала порог, куда я пойду искать?»

— Ступай пока [домой]. Завтра приходи сюда ночевать! [— сказала служанка].

На следующий день женщина пришла [снова]. Зажгла бумагу, свечи. Она и служанка говорили, пили чай. Служанка пошла и сказала юноше: «Приходи сегодня вечером!» Выходя [от него], она сказала: «Возьми [ее] силой!»

Женщина и служанка легли [спать]. Служанка сказала: «У меня живот заболел. Я должна выйти!»

Служанка пошла и сказала юноше: «Возьми [ее] силой!» Юноша, войдя, набросился на женщину. Та закричала. Явилась служанка и схватила их.

— В монастыре, где мы усердно молимся (*букв.* возжигаем), вы занимаетесь таким делом! Завтра я всем расскажу! [— сказала служанка].

Женщина сказала: «Дам [тебе] пятьдесят тасыров, [только] никому не говори!»

Юноша умолял служанку, [говоря]: «Никому не рассказывай, я дам тебе много денег!»

Служанка сказала: «Коли не дадите денег, расскажу [всем] односельчанам!»

На другой день юноша и женщина принесли деньги и отдали [их] служанке.

Служанка сказала: «С завтрашнего дня не приходите [больше] в монастырь! Где хотите, там и делайте [свои] дела!»

И вот мужчина каждый день [повадились] ходить домой к женщине.

Как-то вечером юноша лежал на спине и [вдруг] плюнул вверх. Плевок попал в балку на потолке. Женщина и юноша [ничего] не заметили (*букв.* не знали).

Приехал муж женщины. Когда [он] лег, то посмотрел на потолок. Увидел плевок. Он сказал жене: «Кто приходил сюда? Кто лежал на кане?»

Девушка сказала: «Никто не приходил. Как ты уехал, я лежала [всегда] одна!»

Юноша сказал: «Ложись-ка на спину и плюнь в потолок!»

Сколько раз женщина ни плевала, [ни разу] не могла попасть в потолок.

Юноша спросил: «Я уехал, и ты согрешила. Если вы (*букв.* ты) женщины живете (*букв.* сидите) одни, то впадаете в грех. Ты мне правду скажи! Я не стану тебя бить!»

Женщина ответила так: «Я каждый день ходила в монастырь возжигать свечи. Как-то поискала в голове служанки [монастыря]. [Служанка] стала издавать звуки. Я спросила [об этом]».

— Раньше я ни с кем не согрешила, [вот] и издаю звуки. [— сказала служанка].

— Коли так, приведи мне кого-нибудь, я разок согрешу! [— сказала я].

Муж сказал: «Завтра приведи того человека. Как придет, откуси ему язык. Если сказав: „Муж уехал торговать“, не откусишь [ему язык], я тебя убью!»

Женщина откусила язык тому [человеку]. Муж той [женщины] в тот же вечер пошел и убил служанку [монастыря]. Убив, вложил ей в рот язык того человека. Монастырь не открывали три-четыре дня.

— Почему служанка не открывает дверь? [— думали люди].

[Они] перелезли через стену и пошли посмотреть, что делает служанка. [Оказалось], что ее убили. Сказав: «Кто же убил служанку?», начали искать [ее убийцу].

Пошли жаловаться (*букв.* преклонять колена) большому чиновнику: «Кто же убил нашу служанку [в монастыре]?» Из ямына пожаловал человек. [Он] осмотрел рану [служанки] и обнаружил у нее во рту [чей-то] язык. «Надо поискать человека, не имеющего языка!»

Собрали [все население] деревни. Мужчин, женщин, старых и малых — всех собрали. Начали осматривать у односельчан языки. Без языка среди них не оказалось. Стали считать (*букв.* смотреть) людей. Оказалось, что не пришел сын такого-то князя. Пошли пригласить его. [Он] был без языка, [потому] и не мог прийти. Тут же связали его и повели. Его спросили: «Почему ты убил служанку [монастыря]?» Не имея языка, [он] не в состоянии был говорить. Его убили.

Однажды муж сказал жене: «Пригласи отца и мать! После возвращения мне надо [их] хорошенько угостить!»

— Я позову отца и мать! [— сказала жена].

[Отец и мать] пришли, и все угостились. Вечером [они] отправились домой. На другой день [муж] снова сказал жене: «Пригласи отца и мать, будем пить сорму!»

Мать и отец пришли. Все пили сорму. [Муж] послал жену набрать сормы из чана. Сам [незаметно] подошел и ударом ноги свалил жену вниз головой в чан с сормой. [Затем] вернулся и сел на кан. Севши, крикнул жене: «Принеси сорму!» Жена-то умерла.

Сказав: «Что-то не идет!», [он] пошел посмотреть. Пришел, [а] жена умерла. Вот он заплакал. Мать и отец [начали] юношу утешать: «Не плачь! Пусть нет у нее старшей сестры, отдадим [тебе] младшую!»

Юноша не соглашался. [Но] он — очень ловкий [человек]! Служанку [монастыря] убил. Жену свою убил. И ее любовника убил.

Выдали за него младшую сестру жены. Младшая еще красивее, чем старшая! Юноша говорил: «Я не хочу! После смерти жены я не женюсь!» Отец и мать сказали: «Кто умер, тот умер. Почему не жениться!»

Юноша женился. Из-за плевка [он] погубил три души! Женившись [еще раз], юноша зажил [по-прежнему]. У делающего [что-либо] тайком вина когда-нибудь да обнаружится! Конеч.

61. * ИСКУСНЫЙ ЛЕКАРЬ (ТОМБАХ)

(Ма Му-хуже, мужч., 38 лет, род. в сел. Мынта, крестьянин.
Записано в сел. Алтиюли 24 июня 1957 г.)

Текст

Üxalda pîr bar kiši posyř vumîş. Ağa anuř vumîş. Anasy çiqnāmîş. Çiqnağana aṛyryx tegmîş. İnji ağa t'üzü sałamîş apasy: «Ananigi aṛyry-ryne kem poutyrsa, ağa k'ēn begütyr!»

İnji pîr kiši parjinen t'üzyny tātāmîş. Tātājinen apasy pu kişine paş-
ta pāmîş. İnji ça ičeimîş. Pu kişi jaşamîş: «Jet'i juş susyny ât-dy gē! Uş
xantonige torayyny ât-dy gē! Uş tēranige susyny ât-dy gē! Jec'i murennige
qaryşqan susyne ât-dy gē! Jet'i tejağnige tēmuř puxne ât-dy gē! Jec'i
ağajci zāsini ât-dy gē! Jec'i oçyx kulini ât-dy gē! Jec'i tuxnige pokune
ât-dy gē! Jec'i i'ınige pokune ât-dy gē! Jec'i ziñjağ ât-dy gē! Jec'i qylîş
ât-dy gē! Jec'i pō ât-dy gē! Jec'i c'ita ât-dy gē! Jec'i ux ât-dy gē! Jec'i
yř kiş çatâ-dy gē! Jec'i qātyn kişe çatâ-dy gē! Jec'i ana çatâ-dy gē! Jec'i
qamçe ât'dy gē!»

İnji pu anāne pu kişi paşmîş. Jukāne içtermîş. Jec'i kun paşmîş. Jec'i
keşe paşmîş. Pu ana aṛyryy poşmîş. İnji ku kiz'uxke nağ kerigine peimîş!
Anāsyne oşu peimîş. İşkisy laṅku c'iqnāmîş. Apāsy nağ keregine koştā-
māmîş.

İnji punigi faṅvu t'enž'ine zoşāmîş. İnji pu anā ma avu, işkisy xuaṅt-
'oşa otyře avunî ojyna janmîş. Kumuşne juxlemîş. Pu avuga xun'ağor
poşmîş.

Pu avuga xun'an sormîş: «Neşlic'i kumuşne akeiže? Pu k'ene neşliži
akeiže?»

— Mem pu anānige aṛyryryne poştyrže. Aṛyryy pōxana mağa k'ēn
taṅnāzi. Pu kumuşne mağa perzi. Peligi z'iqnāzi!

Peligi ojynda paṅguje otcinan anani ojina jan'zi. Tosmîş.

Перевод

Давным-давно был один старик. [У него] была дочь. Дочь выросла да заболела (букв. болезнь коснулась). Отец дал объявление: «Кто вылечит дочь от болезни, тому [он] отдаст ее в жены».

Некий человек сорвал [это] объявление (т. е. согласился с условием). Отец привел этого человека домой. Напоил его чаем. Человек сказал: «Принеси воду [из] четырех источников! Принеси землю оттуда, где пересекаются три дороги! Принеси воды [из] большого моря! Принеси смешанной воды [из] семи рек! Принеси железный шлак [от] семи кузнецов! Принеси [деревянные] стружки [от] семи мастеров по дереву! Принеси золу [из] семи очагов! Принеси помест семи кур! Принеси навоз семи псов! Принеси семь свеч! Принеси семь мечей! Принеси семь ружей! Принеси семь пик! Принеси семь стрел! Позови семь мужчин! Позови семь женщин! Позови семь девушек! Принеси семь плетей!»

Человек осмотрел дочь [старика]. Все заставил выпить. Семь дней смотрел. Семь ночей смотрел. Девушка поправилась. [Старик] отдал юноше то, что требовалось. Свою дочь, прочитав [молитву], отдал. Они стали супругами. Отец отдал еще не все, что требовалось [молодым]. Но вот [он] вручил им дом и пашню. Девушка и юноша, сев в паланкин, отправились к юноше домой. Взяли с собой (букв. погрузили) серебро. У юноши была мачеха. Юношу мачеха спросила: «Зачем привез серебро? Жену зачем привез?»

— Я эту девушку вылечил от болезни. По излечении ее дали мне в жены. И серебро мне дали. Так получилось, [— ответил юноша].

Прожив в [этом] доме полмесяца, [молодые] вернулись в дом девушки. Конец.

62. * ВЕРНОСТЬ ДОЧЕРИ (ТОМБАХ)

(Ма Му-хуже, мужч., 38 лет, род. в сел. Мынта, крестьянин.

Записано в сел. Алтиюли 24 июня 1957 г.)

Текст

Piř bař kiři vāra. Ana uř vumiř. Apasý ma iřasy, iřkisy, sorisřmiř: «Pu anařar'ne řařa-dy gē! Inři pu anařarā sorale piřer!»

Žitax anařa sořmiř: «Iřé ma apanénen lēme iřpar mu? Kemnénen lēme iřpar?»

Nene řtanři anařa sořmiř: «Kemnénen lēme iřpar?»

Inři kic'i anařa sořmiř: «Kemnénen iřpar?»

Inři puřosy řařař'miř. Iřá ma apa, iřkisy, soruřmiř. Āřzugune řatyx anane řařamiř.

Žatyx anařa sořmiř: «Kemnénen lēme iřpar?»

Žityx ana řan'řamiř: «Men iřá ma apanénen lēme iřpar! Pekarax kiřpar!»

Inři řtanři anařa sořmiř: «Kemnénen lēme iřpar?»

— Apá ma iřanénen lēme iřpar!

— Kemnénen pekārax kiřpar?

— Iřá ma apanénen kiřpar!

Kic'i anařa sořmiř: «Sen kemnénen lēme iřpar?»

— Men Xutanénen lēme iřpař!

— Sen kemnénen pikārax kiřpař?

— Men Xutanénen pekārax kiřpar!

Iřasý ma apasy, iřkysy, āřyřy keřzi. Kiři anane vāřy qořta řūrzi. Aziřý ma sygnénen, řosy, řa řterzi. Iřá ma apa sořinzi(// soiniřzi). Iřkysyna pekā'ax tix perzi. Puřosy řařyřzi.

Iřasý ma apasy sořyřzi: «Žatyx anane par kiřa beři! O'tanři anane pař kiřa beři! Kic'i anane jox kiřa beři! Voņbeiniři ar'c'ina erigi ta lēme ičk'i! Voņbeiniři ar'c'ina erigi ta pekārax kiřgel!»

Pir kune qõya emex keleguçe kēmiş. Kic'anane aña peīmiş. Kiz'i ana soīnmeş. Ana avunige enina tāxyt'm.ş. Emex keleguçi xoryum.ş. Ana avuğa jeşameş: «Sen men.gi kijumdyr, xoryuqoma! Sen qaıda o'ssa, meni pašta!»

Avu jaşameş: «Men jüz'ugde otyrpar!»

Ana, iskysy, pām.ş. Parjinen qoş isindege vaqbeiler qaşmiş. İnji par kişnige anasine pir vaqben pašta küm.ş.

— Par kişi erolene anasyna istemē kēyūta erulene ūt'terer. Māli qaş!

Bu ana jüz'ugkodayy vāzane tēremēş. Pu vaqbeiler k'ut'miş. İnji pu vāja bir kedane peīmiş.

— Sen kētoğa par' ta, ulli pusyğa pâr ta puni pēr ta atur āt! Unden pir jūx' jūx'lā! Ejiğa pekārax jito āt ta kitege!

Pu vaqben kulmiş: «Maga čuvāndān bir kedany perjinen!» Pēligi jaşagatyr. Pusyğa vām.ş. Xať je'mem.ş: «Jārymini čerjōq e't, jārym.ne piğil!»

İnjj ojina kēmiş jūx'lājinen. Anden avū ma ana, iskisy, xuaşsojetana pām.ş. Anta āttun o'qan uggelex pōm.ş. Pu oje iskisy pām.ş. Vāgytdagy (<vu agytdagy) kişi xurjom.ş — pu iskisy uler. Pu anā ma, iskisy, ulmemiş.

Ana jaşam.ş avuğa: «Xoryuquma, sen uxta, men paqqu!»

İnji pu anenigi apasy jaşam.ş: «Peseř pazar tūigoř! Anaťarne čatāt! Anaťar keīm.ş. Kic'i ana kēmemiş. Ne'z'iden pağnařur?»

Ulli ana jaşam.ş: «Men kumuş pir kure piğil!»

O'tanjy ana jaşam.ş: «Kumuş pir kure piğel!»

Kic'i ananige kijusy jaşam.ş: «Āt'tun pir kuře piğil!»

Puťar čōsy kulmiş. vaqbeğ qaidan ākiřur te kulmiş. Anden tāyať-miş. Ārzikune čatām.ş. Ne'z'e pağnařur?

— Āt'tun, — zātyx ana, — pir kuře peğil—temiş.

O'tanji ana: «Āt'tun pir kuře piğil!»—demiş.

Kic'i ana: «Āt'tun iski kuře piğil!» — temiş.

Apasy pazar'ne tōmiş. Pazar'y o'mām.ş. Jūte o'qý tēse, āt'tun uggelex te't tuncugyna te't quřu kelegadyr!

Āt'tun uggelex ta'mām.ş. Sāguajıřa sana'miş.

— Senigi kiş'i ananige ojynte pādyr!

Kic'i ananigi ojina apasy sormā pām.ş. Anasy korenmemiş. Anden arzigune iřasy pām.ş. Iřasy na izyňa čitām.ş. Iřasy jeřam.ş: «Izygne čitāřanynne āttořo!» Anasy jaşam.ş: «Men senden ūjalıtyr!» Arzigune azisy, iskysy, pām.ş. Azisy, iskysyna čā pēm.ş. Iskysyne āttun uggelex piř-piř peīmiş. Apasini ojina ākiīm.ş. Iřky tūnřugunı qoīm.ş. Arzigune apasy keīm.ş. Apasyna āttun uggelex piř peīm.ş. Iřasyyna piř peīm.ş.

Apasý ma iřasy, iskysy jořtānm.ş. Azisýler jořtānm.ş. Apasý ma iřasyne kic'i anasy āsyram.ş. Tosz'i.

Перевод

У одного богатого человека были три дочери. Отец и мать решили: «Позовем-ка этих девушек да спросим мы их!»

Спросили у старшей (букв. большой) дочери: «Ешь (букв. пьешь) ли [ты] пищу матери и отца? Чью пищу [ты] ешь (букв. пьешь)?»

Спросили у средней дочери: «Чью пищу [ты] ешь?»

Спросили у младшей (букв. малую) дочери: «Чью [пищу ты] ешь?» [Затем] все разошлись. Мать и отец посоветовались. На другой день позвали старшую (букв. большую) дочь.

[Они] спросили у старшей дочери: «Чью пищу [ты] ешь?»

Старшая дочь ответила: «Я ем пищу матери и отца. Ношу [их] одежду!»

Спросили у средней дочери: «Чью пищу [ты] ешь?»

— [Я] ем пищу отца и матери! [— ответила средняя дочь].

— Чью одежду [ты] носишь? [— спросили отец и мать].

— [Я] ношу одежду матери и отца! [— ответила средняя дочь].

Спросили младшую (*букв. малую*) дочь: «Ты чью пищу ешь?»

— Я ем пищу бога! [— ответила младшая дочь].

— Ты чью одежду носишь? [— спросили отец и мать].

— Я ношу одежду, [что дал] бог! [— ответила младшая дочь].

Мать и отец рассердились. Младшую дочь прогнали. Старшую и [среднюю] ее сестру напоили чаем.

Мать и отец остались довольны (*букв. обрадовались*).

Обоим [сестрам] сшили платье. [Затем] все разошлись.

Мать и отец решили: выдадим старшую дочь за богатого человека! Среднюю дочь [тоже] выдадим за богатого человека! Младшую дочь выдадим за бедняка! Пусть живет (*букв. следует за*) с бродягой и ест [его] пищу! Пусть живет (*букв. следует за*) с бродягой и носит [его] одежду!

Однажды к дверям подошел нищий (*букв. проситель хлеба*). Младшую дочь за него и выдали.

Младшая дочь была рада. Девушка схватила (*букв. повисла*) юношу за руку. Нищий испугался. Девушка сказала юноше: «Ты мой муж, не пугайся! Где ты будешь жить (*букв. сидеть*), [туда] меня веди!»

Юноша сказал: «Я живу (*букв. сижу*) в пещерном доме!» [Девушка и юноша] отправились. При их появлении бродяги, [жившие] по берегам реки, разбежались. Девушку повел один из них.

— Богатый человек в поисках дочери [придет сюда] и всех нас убьет! Бегите скорей! [— сказал бродяга].

Девушка собрала черепицы, что были в пещере. Бродяги засмеялись. Один кусок черепицы [она] дала [бродяге].

— Ты ступай на улицу, зайди в большой магазин, дай это и купи коня. Нагрузи на него куль муки. Купи себе платье и надень [его]! [— сказала девушка].

Бродяга засмеялся: «Мне дали кусок кирпича» Так [он] говорит.

Пошел [бродяга] в магазин. Не хватило сил [у него отдать всю черепицу].

— Половину возьму в долг, половину уплачу, [— решил он].

Нагруженный, [он] вернулся домой. Потом юноша и девушка отправились в настоящий дом. В нем были золотые голуби. Туда они и пошли. Люди, что находились там, испугались: умрут эти двое! Но ни девушка, [ни юноша] не умерли.

Девушка сказала юноше: «Не бойся! Засни — я посторожу (*букв. посмотрю*)!»

Вот отец этой девушки сказал: «Ударим в стену! Позови девушек!» Девушки пришли. Не пришла [лишь] младшая (*букв. малая*) дочь. Как помочь [в этом деле]?

Старшая (*букв. большая*) дочь сказала: «Я дам меру серебра!»

Средняя дочь сказала: «Дам меру серебра!»

Муж младшей дочери сказал: «Дам меру золота!»

Все засмеялись. Где бродяге достать [золота]! Потом [все] разошлись. На другой день [опять всех] позвали. Чем поможете?

— Золота, — старшая дочь сказала, — одну меру дам!

Средняя дочь сказала: «Золота одну меру дам!»

Младшая дочь сказала: «Золота две меры дам!»

Отец [начал] бить в стену. Стена не выдержала. Чтобы жить (*букв.*

сидеть) [в этом доме], надо посадить в четыре угла четыре золотых голубя. Золотых голубей не нашли. Обратились к мудрену.

— Голуби есть в доме твоей младшей дочери, [— сказал мудрец].

Отец пошел просить в дом младшей дочери. Дочь не показалась. Затем на другой день отправилась мать. Она укрылась и от матери. Мать промолвила: «Ты не прячься!» Дочь сказала: «Я стесняюсь тебя». На следующий день пришли две старшие сестры.

Обеих старших сестер [девушка] угостила чаем. Каждой из них дала по золотому голубю. [Сестры] принесли [голубей] в дом отца. Поставили [их] в два угла.

На следующий день пришел отец. И отцу [девушка] дала одного золотого голубя. И матери [она] дала одного [золотого голубя].

[Потом] отец и мать обеднели. Старшие сестры обеднели.

За отцом и матерью смотрела (букв. воспитывала) младшая дочь. Конец.

63. * КАК ДЕВУШКА УСТРОИЛА СВОЮ СУДЬБУ (ТОМБАХ)

(Рассказчик слышал сказку у стариков сел. Чицзы. Событие это действительно когда-то произошло в Чицзы)

(Ма Му-хуже, мужч., 38 лет, род. в сел. Мынта, крестьянин.

Записано в сел. Алтиюли 26 июня 1957 г.)

Текст

Oxałda bösyř vumış. Posyř pař kiři vumış. Ani keñne toymamış. Nene pösür vumış. U ta pař kiřař. Pu iškysy järe tagnaşmış. İškysyn^y keñny ta toymamış. İnji pu iškisy sorışmış: «Kiçilex piř-piř aǵalél» — temiş.

— Seni keñni avu tuř^usa, meni keñni ana tuř^usa, seni avuğa peilél!

— Meni keñni ana tuř^usa, seni avuğa peğil!

Peligi e'z'inen k'a'č'a jeişamış. İnji iškysyn^y keñne k'ötyrmış. Piřisynige avu tuř^umiş. Piřisynige ana toymış. Avu un^y jaşamış. Ana un^e jaşamış. Ana xutu jaxz'uxař. Pu iškisy xutu jirişpar. Avu oxupar.

Avune apasy ulmış. Apasy ölgana piř kunden piř kun joxlanmış.

İnji pu avu jan'famış: «Mä keñ aǵetyr!» — temiş.

İjasy jaşamış: «Apagnigi järysynige anasyne peipař!»

Avu jeişameş: «Me jox kiřa peğar o?»

İjasy: «Perér!» — temiş.

Andan suzi jür'miş. Ananige apasy: «Pemes!» — timiş.

Ananigi ijasy: «Peilél! — dimiş, — pemese, oxałda qa'č'a jaışamış! Xa-zañ vöçady?»

Apasy jeişamış: «Avu joxxadyr, eninen urux qası z'issa, jaran pömaçadyr!»

İjasy jaışamış: «Pömasa, pomayı! timiş, — ananige minina pāyı! Taşında nañ jafalsa, jafaşqı! Apasy tekile pemese!»

Ananigi ijasy anağa sormış: «Oxałda apañ iškysy järe tagnaşquşynige avusyna seni peğil! Oxałda qa'č'or jafaşqan, q'a'č'ur bār!»

Ana jeişamış: «Eligusa, men aña çyxqı!»

— Senigi apañ seni vu avuğa pemeıtyr!

Ana: «Nēgē peř joxař?» — timiş.

İjasy: «Apañ jafatyř, — tiři, — oxałda oıynda xutu paradyř. Kemni keñne avu tuř^usa, kemni keñni ana tuř^usa, aña perefelél! Peligi jafaşqı. İnji seni apañ avu joxlanğana seni avuğa peř joxař!»

Ana jaışazi: «Xusaxta bōğanda jaışamış, inji joxłansa, joxlanğay! Kēn tagnağy men aña!

İjasy apasyna jaiřamıř: «Pu ana avuřa kēm tağnaıy te jüäñ'jatyř!»
Aıasy jaiřamıř: «Jäñjösä, jöñjoıy! Men tegili pemeř! Xarıyančax oı-te o'qy!»

İnji pu avu ox"mā pāmıř. Pu ana piř kunden piř kun avuřa uçırpadyř
Pu ana piř kunden piř kun aıyrmıř.

Ananı ijasy apasyna jaiřamıř: «Anara aıyryx tegimıř».

Apasy jaiřamıř: «Uc'otnıge (<uř joınıge) ötaız'ıgınde r'axxuař peımiř.
Ana anta o'qy da aña-muñ uçırğı ta aıyryıy poıy!»

Anı ma anan'ğı furřıtaıuči, iřkysy, anda otyrmıř. Avu ox" tayıř ke-
gende uçırmıř, pāyanıta uçırmıř. Avunıge penarıy tayırmıř. Avuřa nañs'ü
joxmamıř. Pu ana arzikunä terjedän heli čaıa jü'mıř. Avu terememıř. Ana-
nıgı furřıtaıučısı helini aklımıř. Aızı avu tayıř klımıř. Pu ana terjedän
čatamıř. Pu avu pašın'ı tařmamız'ux jürmiř ojına. Arzi avu oxumā kełmiř.
Pu ana köta saxlamıř.

— İřina pālél — teımıř.

Pu avu pāmırmıř.

Anız'ux: «Nēgē pāmıs?» — te tēmıř.

— Sen pař kiřnıgı qyzadyř, men apa joxmaran jez'im pařadyr. Seni
apağ pilse, meni ulterer! Meni arızında ka'ız'a jafayuçı joxtyr!

Ana avunı jür koımiř. Avu oxumā pāmıř. Parjinen avuz'ux ja'ız'ux
oxumamıř. Oxumayana axun sormıř.

Avu jaiřamıř: «Muřenıgı anasy meni čataparzi. Mağ sorzi, men jaiřa-
mazı. Pu jöñjıñnenen men oxu kun'eñ kēmeıtyr!»

Avu ojına jañkeızi. Ejasyña jaiřaızı: «Men aıyrytyr!»

— Kaıta se aıyrytyr? — te sormıř.

Avusy jaiřamameř. Piř zumaıe oxuma pāmameř. Axun čatama
kełmiř.

İjasy axun-böğa jeıřaızı: «Avu aıyrypátyř! Kaıta se aıyrypátyř — mağ
jaiřamatyř!

Annen axun-bö oı iřina kirkeızi. Avuřa sorzi. Avu jyıřtaıñnen jafazi.
Anden axun-bö jan'ızı. İjasy axun-böğa sorzi. Axun-bö jaiřamazı.

İnji pu ana, rax'ta o'cuıı ana piř kunden piř kun uçır'se, avune kor-
mızı. Piř kunden piř kun ana uřtaıe. Piř kunden piř kun lēme iç'meıe, ča
iç'meıe. Anden bu anane furřıtaıuıe sorzi: «Sen nēgē lēme iç' joxtur?»

Pu ana avune čatātuma jür'ızı. Pu avu keıisy kēc'ı. Avu ijasyña jaf-
yan č'e'tızı: «Men eře tıfağa oxumā pāyudyř!» Avuz'ux jırzi. Jırzinen anane
ojına parzi. Ana avune terjiden tatız'ı. Ananıge pen'jağına avune sořaızı.
Ana piř kunden piř kun atux iç'c'ı. Lēme tořıtaıučiğa jan'jaızı: «Kurıxraı
at-dy gē! İjē ma apağ jan'şáquma!»

Pu iřkisy keıisy řatıanğı. Piř kunden piř kun anan'ğı xusaıy čıñnaızı.

Ejasy sorzi anaya: «Seni xusaıyğ čıñnamıř, jatyxıanmıř. Sen nağel'ızı,
xusaıyğ čıñnaızı? Apağ bilse, ulterer seni!»

Furřıtaıučıne ijasy varızı: «Menı anamne sen jác'ux furřıtamıř» —
te varızı.

Furřıtaıyan ana jyıřaızı. İnji pař kiřni anasy sorzi: «Sen nēgē jyıřta-
pař?» — tıřızı.

— Seni ijağ meni varızı.

— Nege varızı?

— Seni syxlam! — te varızı.

Pu ana avuřa jaiřaızı: «Men sağa heli beıge, sen saız'ıx e'me pař! —
tıřızı, — sen saız'ıxqa pāmısa, men'gi apa seni z'ıquıta ulterer! Men'gi xusa-
ıym čıñnaızı. Meni apam koğúta mağa sorar. Men apağ xuí ta perat-
maıatyř!»

Avu helini 3'iz'3'inen sãz'ixqa jũrzi.

«Pirẽt bo'jĩnen avune jan! — teĩzi, — men õreten kiĩgi-ta Komun tẽn-te õz'y qãrĩ! Sen ešeten çy'x-ty ge-da Kõmun tene kel! Anta kõ-ušelẽ!» Ananigi panjirini jãrimini avuqa perzi, jãrymyñi ana ize 3'iz'3'y. Avu iſkunini jãrimini anaqã perzi, jãrymini avu ize 3'ũz'3'e. Avu jũrzi.

Pir kunoõ apasy anane paxmã parzi. Pax keĩjĩnen apasy ijasyna jeĩf-azi: «Anaq naq iſ e'c'ipař ma? Xusary jãtyxlanmiſ».

Ijasy: «Izy naq bilkuř! — temiſ.

— Eĩisy anane muqa çařa-dy ge! Laqsyñz'ux ohule uç'erilẽ!

Eĩisy anane çařazi. Ana kiĩzi. Iſkisy uçirzi. Anani xusary çignamiſ.

— Pu anan'e uje't qařa jũrgur? — demiſ.

— Inji muqa heli bẽgi-ta sãz'ixqa pãr'y-ta ẽzy keju iç'tegita keĩgel!

Ana sãz'ix peřet e'tz'inen Kõmun tene kiĩmiſ. Avu ham sãz'ix e'tz'i-nen jan'miſ, Komun dene kiĩmiſ. Iſkisy ka'ç'ařamiſ. Iſkisyñigi panjirinĩ tũřazĩnen paxmiſ. Iſkisyñigi iſkunine tũřazĩnen paxmiſ. Anda iſkisy korusã. 3'inen o'miſ. Ořtegi k'a'ç'ane avuqa jařfamiſ. Iſkisy a'ttan pir-pir aljĩnen, minjĩnen anani ojina jan'miſ.

Ijasy ma apasy anaqã: «Kẽto?» — te sormiſ.

— Pu çãpyñ kemtyř? — temiſ.

Ana jařfamiſ: «Pir jeřte sãz'ix e'kuji çãpyñdyř!»

Ijasy ma apasy, iſkisy, so-iſmiſ,

— Anane muqa peĩli! — teĩjĩnen soriřm'iſ.

Apasy ijasina jařfamiſ: «Sen pãř-ta anaqã sõr — pu kic'ux saqa kijo taqnasa, põřař mu põmařař?» — temiſ.

Pu ana: «Ijẽ ma apa jõãnjõsa, põřatyř!» — temiſ.

Ijasy jařfazi: «Araq iſkisyñ soryſcĩnen pu kic'uxke peĩli!» — teĩzi.

Pu ana: «Jaxřatur!» — deĩmiſ.

Ananige apasy avuqa sormiſ: «Meni anani sã kem peĩgi, sen kelegur mu — kelemes?»

Pu avu: «Keleguř!» — deĩmiſ.

Iſkisyyna peqarax tixmiſ. Kun qoĩmiſ. Çinçi-tõleni — jõkõne çařamiſ. Pu avunigi ijasini çařamamiſ. Inji pu anane avuqa oxumiſ. Oxujĩnen avunige ojina ana iſkisy pãmiſ.

Avuni ijasy sorji avuqa: «Pu qãtyn kiſi kemdyř?»

— Pu meniçi keĩnimtyř!

— Neřlezi alzi?

— Men sãz'ix etz'inen alzi!

Pu ijasy solnzi. Inji ijasy, keĩne — jõkõsy anani ojina jan'zi. Avunigi ijasy, ananigi ijasy-apasy sõtãn'iç'ç'i. Čõsy kulĩſci.

Anani apasa jařfazi: «Oxãřda pelisi k'a'j'a jařařci — seni avuqa meni anane pẽguř jařařci. Arzi men pellenzi, men anani avuqa pẽmez. Inji iſkisy sãz'ixqa parjĩnen řařmiſ. Xukeřzi iſkisyñige kẽn taqnauqsy minnatyř!» Inji čõsy ta kulĩz'ĩnen čã iſmiſ. Tosmiſ.

Перевод

Давным-давно был один старик. Он был богат. Жена [ему никого] не родила. Был еще старик. И он был богат. Оба [старика] стали друзьями. Жены обоих [стариков] не рожали. Вот [однажды] эти старики посоветовались. «Возьмем-ка по одной младшей (букв. малой) жене!» — сказали [они].

— Если твоя жена родит мальчика, [а] моя жена родит дочь, отдам [ее] за твоего сына, [— сказал один из стариков.

— Если моя жена родит дочь, отдам [ее] за твоего сына, [— сказал другой старик].

Таким образом [они] договорились. Вот жены [обоих стариков] забеременели. Одна из них родила сына, другая (*букв. одна*) родила дочь. Мальчику и девочке исполнилось по десять лет. Девочка очень красивая. Мальчик и девочка очень дружат. Мальчик учится.

[Но вот] умер отец мальчика. По этой причине [его] семья день ото дня [стала] беднеть.

Однажды юноша сказал: «Возьмите мне жену!»

Мать сказала: «[Тебе] дадут дочь друга твоего отца!»

Юноша промолвил: «Мне, бедняку, разве [ее] дадут?»

Мать сказала: «Дадут!»

Потом послали (*букв. пошел*) свата. Отец девушки сказал: «Не отдам [свою дочь]!»

Мать девушки сказала: «[Давай] отдадим! Если не отдадим, разговоры пойдут! Когда можно [отдать]?»

Отец сказал: «Юноша — бедный. Если установить с ним родственные связи, будет неравенство (*букв. друзьями не будут*)!»

Мать промолвила: «Коль не будет, так не будет! Это судьба дочери (*букв. пойдём к судьбе дочери*)! Коли говорят люду, так пусть говорят! Отец отдал — и все [тут]!»

Мать сказала дочери: «Раньше отец [обещал] тебя выдать за сына своего друга. [Они] дали слово [друг другу], слово [дано]!»

Дочь сказала: «Коль так, я выйду за него [замуж]!»

— [Но] твой отец не отдает тебя этому юноше, [— сказала мать].

— Почему не отдает? — спросила дочь.

Мать сказала: «Отец твой говорит, [что] раньше в доме [юноши] много [всякого] добра [было]. Чья-то жена родит мальчика, чья-то жена родит девочку, детей поженит — так [отцы] условились. Теперь юноша обеднел, [и поэтому] твой отец не отдает тебя [этому] юноше!»

Дочь сказала: «Условились еще до [нашего] рождения. Обеднел, так обеднел! Я буду ему женой!»

Мать сказала отцу: «Дочь хочет быть женой юноше!»

Отец сказал: «Хочет, ну и пусть хочет, [а] я не отдам! Пусть сидит дома, пока не состарится!»

Юноша начал учиться. Девушке день ото дня [все сильнее] хотелось его видеть. [И вот] она с каждым днем [все сильнее] стала болеть.

Мать девушки сказала отцу: «Дочь заболела (*букв. коснулась болезни*)».

Отец сказал: «На пересечении трех дорог я дал [дочери] дом. Пусть она в нем (*букв. там*) сидит, туда-сюда смотрит — болезнь и пройдет!»

[Вот] девушка и [ее] служанка [начали] жить (*букв. сидеть*) [в этом доме]. [Девушка] видела юношу [всякий раз], когда [он] возвращался с занятий или шел на занятия. Платье юноши было порвано. Некому было смотреть за юношей. На другой день девушка бросила из окна [юноше] денег. Но юноша не взял (*букв. не собрал*) [их]. Служанка принесла деньги [обратно]. Как-то однажды юноша возвращался [с занятий]. Девушка окликнула [его] из окна. Юноша прошел, не поднимая головы. [В другой раз], когда юноша шел на занятия, девушка поджигала его у дверей.

— Пойдем ко мне (*букв. внутрь дома*)! — сказала [она]. Юноша отказался (*букв. не пошел*).

Девушка спросила: «Почему не идешь?»

— Ты дочь богатого человека, я же без отца, сирота. Если твой отец узнает, [он] меня убьет. Замолвить слово за меня некому, [— ответил юноша].

Девушка прогнала юношу. Юноша пошел на [свои] занятия. [Но] учиться хорошо он не мог. Ахун спросил [причину его расстройства].

Юноша ответил: «Меня позвала дочь одного человека. [Она] спросила меня, [а] я не ответил. По этой причине ученье не идет мне на ум!»

Юноша вернулся домой и сказал матери: «Я заболел!»

— Что у тебя болит?— спросила [мать].

Сын не ответил. Целую неделю [он] не ходил на занятия. Ахун пришел за ним.

Мать сказала ахуну: «Сын болеет. Но что у него болит, мне не говорит».

Ахун вошел в дом и спросил юношу [о болезни]. Юноша, плача, рассказал [причину]. Затем ахун [собрался] уходить. Мать спросила ахуна [о болезни сына], но он [ничего] не сказал.

Девушка, живущая (*букв.* сидящая) в [том] доме, сколько ни смотрела каждый день, юноши не видела. С каждым днем ее беспокойство росло. [Она] перестала есть и пить. Наконец, служанка девушки спросила: «Ты почему не ешь?»

Девушка попросила позвать юношу. Вечером юноша пришел. Матери он сказал неправду: «Я иду на занятия в нижний район». Сам пошел в дом к девушке. Девушка втащила юношу в окно и спрятала его в свой сундук. С каждым днем девушка стала больше есть. Тому, кто приносил [ей] пищу, она сказала: «Приноси побольше, [но] матери и отцу не говори!»

[Девушка и юноша] стали жить как муж и жена. День ото дня начал расти живот у девушки.

Мать спросила девушку: «Твой живот стал большим, вырос. Что случилось, что твой живот вырос? Если отец узнает, [он] тебя убьет!»

Служанку мать побила, приговаривая: «Ты не смогла как следует за моей дочерью!»

Служанка-девушка заплакала. Дочь богатого человека спросила [ее]: «Ты почему плачешь?»

— Твоя мать меня побила! [— ответила служанка].

— Почему побила? [— спросила девушка].

— Тебя не уберегла, [потому] и побила, [— ответила служанка].

Девушка сказала юноше: «Я дам тебе денег, поезжай торговать. Если не поедешь, мой отец, поймав тебя, убьет! У меня вырос живот. Как только отец заметит, [он] меня спросит. Я не смогу дать ответ отцу!»

Юноша взял деньги и уехал торговать.

[Девушка] сказала [юноше]: «Через год возвращайся! Я с юга (*букв.* верха) приду и остановлюсь в гостинице Комуна. Ты явись с севера (*букв.* низа) и приходи в комунскую гостиницу. Там увидимся!»

Половину своего браслета девушка отдала юноше, половину взяла себе. Половину своего платка юноша дал девушке, половину взял себе. [Затем] юноша уехал.

Однажды отец пошел проведать дочь. Вернувшись домой, он сказал матери: «Дочь что-то совершила, живот ее стал большим!»

— Пусть сама знает!— сказала мать.

— Завтра дозови сюда дочь. Хорошенько (*букв.* подробней) вдвоем посмотрим! [— сказал отец].

На другой день позвали дочь. Девушка пришла. [Отец и мать] посмотрели. [Действительно] живот у девушки вырос.

— Где стыд у этой девушки? — сказали [отец и мать].

— Дадим ей денег. Пусть пойдет торговать и сама себе найдет мужа! [— решили они].

Девушка, поторговав, через год приехала в комунскую гостиницу. Юноша также прибыл туда. Они поговорили, примерили [половинки] браслета, примерили [половинки] платка. [Так] признав друг друга, они там остановились. [Девушка] рассказала юноше, что [с ней] произошло (*букв.* речь о том, что было дома). Они купили коней и поехали в дом к девушке.

Мать и отец сказали девушке: «Приехала?»

— Твой спутник — кто он? — спросили [они].

Девушка ответила: «[Мой] спутник — торговец из одного места».

Мать и отец посоветовались.

— Выдадим дочь за него! — решили [они].

Отец сказал матери: «Ступай спроси у дочери, хочет ли она, чтобы этот человек стал ее мужем?»

Девушка сказала: «Если мать и отец [этого] хотят, [то] пусть [так] будет!»

Мать сказала: «С отцом мы решили выдать [тебя] за этого человека».

Девушка сказала: «Хорошо!»

Отец девушки спросил юношу: «Отдаю тебе в жены свою дочь — ты хочешь или нет?»

Юноша ответил: «Хочу».

[Юноше и девушке] сшили платье. Назначили день [свадьбы]. Пригласили всех родственников, [только] мать юноши не пригласили. Девушку выдали за юношу замуж. [Юноша и девушка] отправились в дом юноши.

Мать юноши спросила сына: «Эта женщина — кто такая?»

— Это моя жена! [— ответил юноша].

— Как ты женился (*букв.* взял жену)? [— спросила мать].

— Поторговал и женился (*букв.* взял жену), [— ответил юноша].

Мать обрадовалась. И вот мать и жена юноши отправились в дом девушки. Мать юноши, мать и отец девушки познакомились. Всем было весело.

Отец девушки сказал: «Раньше так [мы] условились — сыну твоего [отца] отдадим мою дочь. Потом я передумал и не отдал свою дочь [его] сыну. Поехав торговать, [вы там оба] познакомились. Ваша женитьба по праву — судьба!»

Все засмеялись и [принялись] пить чай. Конец.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-----------------------	---

У д ж и р е м

Проза	7
Сказки	7
1. * О прекрасном юноше, который стал императором	7
2. * Добром за добро	9
3. * Доброму — добро	12
4. * Добрый старик	13
5. * Сыновняя месть	13
6. * Хитрый обманщик	16
7. * Мунгыскарджах. I	18
8. * Глупый волк	21
9. * Заяц и медведица	22
10. Агу Каралжи. I	23
11. * Мунгыскарджах. II	26
12. * Мальчик — сын коровы	27
13. * Хитрый заяц	28
Поэзия	32
14. Сагыш. I	32
15. Сагыш. II	33
16. Сагыш. III	34

А л т и ю л и

Проза	36
Свадебный обычай (<i>предание</i>)	36
17. Верблюжья игра	36
Сказки	38
18. * Бедный зять	38
19. * О семье	42
20. Агу Каралжи. II.	43
21. * Храбрый Лан Сан Чень	43
22. * Заяц, волк и лиса	48

Х а н б а х

Проза	54
Сказки	54
23. Агу Каралжи. III	54
24. * Горькая доля	58
25. * Мунгыскарджах. III	61
26. * Мунгыскарджах. IV	64
Поэзия	66
Исторические песни	66
27. * Песня о переселении саларов	66

К о м б а

Проза	68
28. История селения Комба	68

Хазагач

Поэзия	69
Песни	69
29. * Возьму-ка я тебя в жены!	69
30. * Если я не думаю о тебе	69
31. * В голубом небе	70
32. * На высокой горе пестрая куропатка воркует	70
33. * Буду-ка я твой!	71
34. * Мельничного камня вращение	71
35. * «Печень» — зовут девицу Пасу	72

Ловэн

Поэзия	73
36. * В просторах высокого неба	73

Эйше Ахвар

Проза	75
Сказки	75
37. * Слова — помощники	75
38. * Злая мачеха	77
39. * Кто плохо поступает, тот хорошего не испытает	78
40. * Старуха и нищий	79
41. * О глупце	80
42. * Слепой и ахун	80
43. * Несправедливый и справедливый князь	81
44. * Дерево, испугавшееся тюрьмы	82
45. * Торжество справедливости	83
46. * Кошка, мышь и воробей	86
Поэзия	87
47. Величальная	87

Ноджа

Поэзия	91
48. Сагыш. IV	91

Улагыл

Проза	95
49. * Рассказ о сельском хозяйстве	95
Сказки	95
50. * О плешивце	95
51. * О дураке	98
52. * О сторожевых львах	100
53. * Масембу	102
54. * О мудрой жене	106
55. * О хитреце	110
56. * Мунгыскарджах. V	114
Поэзия	117
Песни	117
57. * Салар Сань Ши-па	117
58. * В верхнем селе — Тей-по	118

Мынта

Проза	119
59. История переселения саларов	119
Сказки	125
60. * Все тайное становится явным	125
61. * Искусный лекарь	130
62. * Верность дочери	131
63. * Как девушка устроила свою судьбу	134

Исправление

На стр. 58 строки 14—18 св. следует читать так:

Голуби сначала прилетели (букв. опустились) парами. [Агу Караджи] обрадовалась, что (букв. говоря) Коскур-оглан жив (букв. есть). Потом голуби прилетели (букв. опустились) по одному. [Агу Караджи], говоря: «Коскур-оглана нет [я живых]», — плача, отправилась [его] искать.

Эдгем Рахимович
Т Е Н И Ш Е В

*Утверждено к печати
Институтом языкознания
Академии наук СССР*

*

Редактор издательства В. Д. Артамошина
Технический редактор С. В. Цветкова
Корректор М. К. Киселева

*

Сдано в набор 25/II 1964 г.
Подписано к печати 30/X 1964 г.
А-13812 Формат 70×103¹/₁₆ Печ. л. 9
Усл.-печ. л. 12,33 Уч.-изд. л. 10,86 Тираж 1100 Изд. № 1187.
Зак. 155 Темплан 1964, № 89, Цена 76 коп.

*

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Типография издательства «Наука».
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА „НАУКА“**

ВЫШЛИ В СВЕТ

1. Бенгальский язык. Вопросы грамматики. 1962 г. Цена 70 коп.
2. БАРХУДАРОВ А. С. Словообразование в хинди. 1963 г.
Цена 70 коп.
3. ГРАНДЕ Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. 1963 г. Цена 2 р. 90 к.
4. ЗОГРАФ И. Т. Очерк грамматики среднекитайского языка. 1962 г. Цена 55 коп.
5. Иранский сборник. 1963 г. Цена 1 р. 05 к.
6. МОРЕВ Л. Н. Основы синтаксиса тайского языка. 1964 г.
Цена 40 коп.
7. СОЛНЦЕВА Н. В. Страдательный залог в китайском языке. 1962 г. Цена 40 коп.
8. Языки Китая и Юго-Восточной Азии. Сборник статей. 1963 г.
Цена 85 коп.
9. Японский язык. Сборник статей. 1963 г. Цена 85 коп.

*Книги можно приобрести в магазинах
книготоргов и „Академкниги“*

Цена 76 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“